

A black and white photograph of a person holding a red umbrella in the rain. The person is mostly in shadow, with their face partially visible. The background is a blurred, rainy street scene. The overall mood is melancholic and atmospheric.

ФЕРНАНДО
АРАМБУРУ
Родина

CoRpus

Мне давно не доводилось читать такой убедительной и пронзительной книги, так мудро выстроенной книги, где художественный вымысел становится красноречивым свидетельством о реальных исторических событиях...

МАРИО ВАРГАС ЛЬОСА

Фернандо Арамбуру

Родина

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43472144

Родина: АСТ: CORPUS; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-114658-0

Аннотация

Фернандо Арамбуру написал роман “Родина” после того, как баскская террористическая группировка ЭТА объявила о прекращении вооруженной борьбы. Тогда, по словам писателя, у него возникла острая потребность разобраться, что же происходило с людьми в этот трагический период, почему убийства и насилие вызывали у многих поддержку или сочувствие, в то время как несогласные хранили боязливое молчание. Отказываясь от роли судьи, Арамбуру на примере двух баскских семей, по сути, рассказывает недавнюю историю целого народа. Это роман о любви и ненависти, дружбе и предательстве, вере и отчаянии. За последние десятилетия ни одна книга в Испании не была удостоена стольких наград, как “Родина” Ф. Арамбуру. Роман был назван лучшей книгой года, получил Национальную премию по литературе, Премию критики, премию Международного клуба журналистов, итальянские премии Стрега и Лампедузы. Общий тираж уже перевалил за миллион.

В 2020 году на экраны выйдет телеверсия романа (8 серий), которую снимает компания НВО.

Содержание

1. Каблуки стучат по паркету	7
2. Славный месяц октябрь	13
3. С Чато на кладбище Польоэ	20
4. В квартире у этих	26
5. Переезд в темноте	33
6. Чато, entzun[8]	38
7. Камни в рюкзаке	45
8. Случай из далекого прошлого	52
9. Красное	59
10. Телефонные звонки	65
11. Наводнение	70
12. Стена	77
13. Пандус, ванная, сиделка	84
14. Последние посиделки	90
15. Встречи	97
16. Воскресная месса	103
17. Прогулка	110
18. Отпуск на острове	118
19. Ссора	124
20. Преждевременный траур	132
21. Она лучшая из всех этих	138
22. Воспоминания в паутине	145
23. Невидимая веревка	151

24. Игрушечный браслет	157
25. Не приезжай	167
26. С кем ты, с теми или с нами?	176
27. Семейный обед	183
28. Между братом и сестрой	191
29. Двуцветные листья	198
30. Очистить память	205
31. Диалог в темноте	214
32. Бумаги и вещи	220
33. Надписи на стенах	227
34. Перелистывая в уме страницы	234
Конец ознакомительного фрагмента.	238

Фернандо Арамбуру

Родина

First published in Spanish as Patria by Tusquets Editores, S.A., Barcelona, Spain, 2016

This edition published by arrangement with Tusquets Editores and Elkost Intl. Literary Agency

© Fernando Aramburu, 2016

© Н. Богомолова, перевод на русский язык, 2019

© Filip Colpaert / EyeEm/Getty Images, cover image

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2019

© ООО “Издательство Аст”, 2019

* * *

1. Каблуки стучат по паркету

Ох, бедняжка, расшибет она себе лоб. Как волна расшибается об утесы. Немного пены – и поминай как звали. Неужто сама не видит, что этот тип даже дверь перед ней открыть ни разу не догадался? Нет, совсем околдовал ее или еще чего похуже.

Это ведь надо – каблуки вон какие высоченные, и помада на губах ярче не бывает, а ведь ей уже сорок пять. И все ради чего? При твоих, дочка, достоинствах, при твоей должности, при таком образовании... А ведешь себя как сопливая девчонка. Глянул бы на тебя сейчас *aita*¹...

Подойдя к машине, Неряя подняла глаза на окно, из которого мать наверняка наблюдала за ней. Так оно и было, и, хотя Неряя не могла различить ее с улицы, Биттори с горечью, нахмурившись, провожала дочь взглядом и шепотом разговаривала сама с собой: бедная моя девочка, прилипла к этому павлину, а он ведь никогда ни о ком, кроме себя, не думает и ни одну женщину не способен сделать счастливой. Не дано ему это. Нет, вы мне скажите, до какого отчаяния должна прийти жена, чтобы после двенадцати лет семейной жизни из кожи вон лезть, стараясь соблазнить собственного мужа? И если уж говорить начистоту, то только радоваться

¹ Отец (*баск.*).

надо, что нет у них детей.

Нерея, прежде чем сесть в такси, небрежно взмахнула рукой, прощаясь с матерью. После чего Биттори, стоявшая у окна в своей квартире на четвертом этаже, перевела взгляд туда, где за крышами домов виднелись широкая полоса моря, маяк на острове Санта-Клара, а еще – легкие облака вдали. Женщина из передачи про погоду пообещала на сегодня солнце. И Биттори – ох, что-то я становлюсь совсем старой – снова посмотрела на улицу, но такси уже пропало из виду.

Тогда Биттори попыталась разглядеть за крышами домов, и за островом, и за синей линией горизонта, и за грядой далеких облаков, и где-то еще дальше, в потерянном навсегда прошлом, картины свадьбы своей дочери. Она снова увидела ее в соборе Доброго Пастыря в белом платье с букетом в руке – слишком уж счастливую. Мать смотрела на изящную, красивую, улыбающуюся Нерею, и у нее появились дурные предчувствия. Вечером, уже дома, Биттори хотела было сесть перед портретом Чато и поделиться с ним своими страхами, но у нее болела голова, а кроме того, Чато все семейные дела, особенно если дело касалось дочери, принимал слишком близко к сердцу. Запросто мог и слезу пустить. Да, конечно, фотографии не плачут, но ведь понятно же, что я имею в виду.

Туфли на высоких каблуках Нерея выбрала, чтобы пробудить у Кике аппетит, но не тот, само собой, который можно утолить хорошим обедом. Цок-цок-цок – простучала она

по паркету всего несколько минут назад. Надо еще проверить, как бы дырок мне в полу не наделала. Но я ни слова ей не сказала – ради общего спокойствия. Они ведь ненадолго ко мне заехали. Только проститься. А от него – это в девять-то утра! – уже пахивало виски или еще чем-то крепким, наверное, каким-то из тех напитков, которыми он торгует.

– *Ama*², ты уверена, что справишься тут одна?

– А почему бы вам не доехать до аэропорта на автобусе? Такси отсюда до Бильбао небось кучу денег будет стоить.

Он:

– Ну, уж об этом ты можешь не беспокоиться.

Потом стал объяснять про чемоданы, суету, лишнее время в пути.

– Да, но ведь времени у вас более чем достаточно, насколько я понимаю?

– *Ama*, давай оставим этот разговор. Мы решили ехать на такси – и точка. Так удобнее.

Кике начал раздражаться:

– Да, нам удобно именно так.

Потом сказал, что пойдет на улицу покурить – а вы тут пока поговорите. От него разило одеколоном. А изо рта разило спиртным, хотя сейчас всего девять утра. Он попросался, любуясь на свою физиономию в зеркале, висевшем в прихожей. Хлыщ, другого слова не подберешь – хлыщ и есть.

² Мать, мама (*баск.*).

А потом он по-хозяйски – вежливо, но сухо? – бросил Нерее с порога:

– Только про время не забывай.

Пять минут, пообещала та. Но эти пять минут, естественно, растянулись до пятнадцати. Когда они остались вдвоем, Нерее сказала матери, что эта их поездка в Лондон очень много для нее значит.

– Да? Что-то мне плохо верится, что тебе отведена какая-то роль в переговорах, которые будет вести твой муж со своими клиентами. Или ты забыла мне сообщить, что теперь работаешь на его фирме?

– В Лондоне я сделаю все, чтобы спасти наш брак.

– В который раз?

– В последний.

– И что ты удумала теперь? Станешь ходить за ним по пятам, чтобы не изменил тебе с первой же подвернувшейся бабой?

– *Ама*, ради бога. Мне и так нелегко.

– Ты прекрасно выглядишь. Парикмахерскую сменила?

– Да нет, хожу все туда же.

Нерее вдруг понизила голос. Услышав ее шепот, мать бросила взгляд на входную дверь, словно боясь, что за ней их подслушивает кто-то посторонний. Ничего особенного не произошло, просто мы с Кике отказались от мысли усыновить младенца. А сколько было разговоров! Кого взять – китаяца, русского или мулатика? Девочку или мальчика?

Нерея и сейчас была бы не прочь, но Кике дал задний ход. Хочет собственного ребенка, плоть от плоти его.

Биттори:

– И про Библию сразу вспомнил?

– Понимаешь, сам Кике считает себя очень продвинутым, но на самом деле он мыслит прежними категориями и не может ни на шаг отступить от традиций. Это, ну, как рис с молоком...

Нерея сама и в подробностях все разузнала про усыновление – они с мужем любым формальным условиям отвечали. И с деньгами никаких проблем. Она готова была ехать хоть на край света, лишь бы наконец почувствовать себя матерью, даже если ребенок будет рожден не ею. Но Кике больше говорить на эту тему не желает. Нет – и все тут.

– Черствый он какой-то, тебе не кажется?

– Ну хочется ему своего мальчишечку, чтобы был на него похож, чтобы играл когда-нибудь потом в “Реале”. Это у него стало просто навязчивой идеей. И он у него будет. Уф, уж если он что вбил себе в голову, не отступится! От кого, не знаю. Кто-нибудь изъявит готовность. Но меня лучше ни о чем не спрашивай. Откуда мне знать кто. Наймет чужую утробу и заплатит сколько положено. А я? Я помогу ему подобрать здоровую женщину, и его прихоть будет исполнена.

– Ты что, совсем спятила?

– Но ему-то я, разумеется, пока этого не сказала. Надеюсь, в ближайшие дни в Лондоне как раз и подвернется удобный

случай. Я все хорошо обдумала. Нет у меня никакого права делать его несчастным.

Уже стоя у двери, они слегка потерлись щеками. Биттори: ну что ж, поступай как знаешь, счастливого пути. Неря с лестничной площадки, где она ждала лифт, сказала что-то про злосчастную судьбу и про то, что нельзя лишать себя радостей. А напоследок велела матери сменить коврик у двери.

2. Славный месяц октябрь

Пока все это не случилось с Чато, она верила в Бога, а сейчас не верит. И ведь какой набожной была в юности. Даже в монастырь собиралась уйти. Вместе со своей подругой из их же поселка, о которой теперь лучше не вспоминать. Но обе пошли на попятный в самый последний момент, когда дело было уже считай что решено. Нынче все эти разглагольствования про воскрешение из мертвых, и про вечную жизнь, и про Создателя, и про Дух Святой кажутся ей чистыми выдумками.

Ее сильно рассердило кое-что из сказанного епископом³, его лицемерие. Не подать руки такому важному сеньору она, конечно, не отважилась. Но его рука показалась ей какой-то липкой. Зато она посмотрела ему прямо в лицо, чтобы сказать все, что нужно, без слов, чтобы он прочитал в ее глазах, что верить в Бога она перестала. Стоило ей увидеть Чато в гробу, и вся ее вера лопнула как мыльный пузырь. Она

³ Имеется в виду епископ Сан-Себастьяна Хосе Мария Сетьен (1928–2018), который не просто занимал неоднозначную позицию по отношению к деятельности баскских сепаратистов, но и откровенно выражал свою поддержку боевикам ЭТА. Неоднократно высказывался самым пренебрежительным образом о жертвах террора. В 2000 г. под давлением Ватикана был вынужден уйти в отставку “по состоянию здоровья”. В 2007 г. выпустил книгу “Баскский епископ и ЭТА”, где террористы представлены в роли революционеров. (Здесь и далее – прим. перев.)

даже физически это почувствовала.

И тем не менее к мессе она иногда ходит, но скорее лишь по привычке. Садится на скамейку где-нибудь поближе к выходу, смотрит на спины и затылки прихожан и ведет беседу сама с собой. Дома ей очень одиноко. К тому же Биттори не из тех, кто проводит время в барах или кофейнях. Магазины? Покупает она только самое необходимое. А еще у нее пропала всякая охота хоть немного принарядиться – еще один мыльный пузырь? – пропала сразу после смерти Чато. И если бы не приставания Нерей, изо дня в день носила бы одно и то же.

Вместо того чтобы бегать по магазинам, она предпочитает сидеть в церкви и молча укрепляться в своем неверии. Однако никаких богохульств или презрения к собравшимся здесь людям она себе никогда не позволит. Биттори рассматривает росписи на стенах и говорит/думает: нет. Иногда говорит/думает об этом, чуть покачивая головой и словно подчеркивая таким образом свой протест.

Если идет служба, она остается в церкви подольше. И своим беззвучным “нет” отзывается на все, что произносит священник. Помолимся. Нет. Тело Христово. Нет. И далее в таком же духе. Иногда, утомившись, позволяет себе и вздремнуть, но так, чтобы никто этого не заметил.

Когда Биттори вышла из иезуитской церкви на улице Андиа, уже стемнело. Четверг. Тепло. После обеда она видела, что термометр у аптеки показывал двадцать градусов.

Машины, пешеходы, голуби. Вдруг попало знакомое лицо. Ни минуты не раздумывая, она свернула в сторону. Из-за резкой смены маршрута скоро оказалась у площади Гипускоа и пересекла ее по дорожке вдоль пруда. Понаблюдала за утками. Очень давно она была здесь в последний раз. Если память ей не изменяет, еще когда Неря была маленькой. Вспомнила черных лебедей, которых сейчас видно не было. Дин-дон, дин-дон. Бой часов на здании городского совета вывел ее из задумчивости.

Восемь. Хорошее время, славный месяц октябрь. Вдруг ей вспомнились слова, сказанные утром Нереей. Про то, что нужно сменить коврик у двери? Нет, другое. Что нельзя лишать себя радостей. Обычная чушь, которую говорят старикам, когда хотят их подбодрить. Ведь Биттори охотно признавала, например, что вечер нынче чудесный. Но чтобы запрыгать от счастья, ей понадобилась бы причина поосновательней. Какая? Ох, да кто ж ее знает. Вот если бы изобрели машину, способную воскрешать умерших, и вернули мне моего мужа... И она тотчас переключилась на другой вопрос: сколько уж лет прошло, не пора ли начать забывать? Забывать? А что это такое?

Воздух насыщен запахом водорослей и моря. Совсем не холодно, нет ветра, небо чистое. Значит, сказала она себе, можно вернуться домой пешком и сэкономить на автобусе. На улице Урбьета она услышала свое имя. Услышала отчетливо, но ей не хотелось оборачиваться. Мало того, она

даже ускорила шаг, хотя и это не помогло. Ее догоняли чьи-то быстрые шаги.

– Биттори, Биттори!

Голос прозвучал прямо у нее за спиной, так что нельзя было и дальше притворяться, будто не слышишь его.

– Ты уже знаешь? Они говорят, что больше этого не будет, то есть терактов больше не будет.

Биттори не могла не вспомнить времена, когда та же соседка старалась не встречаться с ней на лестнице или мокла под дождем на углу улицы, поставив сумку с покупками на асфальт, лишь бы не входить вместе в подъезд.

Она солгала:

– Да, мне только что сообщили.

– Вот ведь какая хорошая новость, правда? Наконец-то и у нас наступит мир. Давно пора.

– Ну, это мы еще посмотрим, посмотрим.

– Я ведь в первую очередь за вас радуюсь, за тех, кто по-настоящему пострадал. Дай-то бог, чтобы все это прекратилось и вас оставили в покое.

– Прекратилось что?

– Теперь они перестанут приносить людям горе, пусть добиваются своего, никого не убивая.

А так как Биттори молчала и не выказывала ни малейшего желания продолжать разговор, соседка попрощалась с ней, словно вдруг вспомнив о срочном деле:

– Ну, я пошла, а то обещала сыну приготовить на ужин

барабульку. Очень уж он ее любит, барабульку. Если ты домой, пошли вместе.

– Нет, у меня тут неподалеку встреча.

И, чтобы избавиться от ненужной компании, Биттори перешла улицу и какое-то время без определенной цели бродила поблизости. Потому что эта сплетница сейчас будет чистить рыбу для своего сыночка, который всегда казался мне глуповатым или даже совсем безмозглым, и, если услышит, что я возвращаюсь домой следом за ней, подумает: ах, вот оно как, выходит, нарочно не захотела возвращаться вместе со мной. Биттори! Что? Ты начинаешь злобствовать, а я тебе много раз говорил, что... Ладно, оставь меня в покое.

Позднее, уже двигаясь к дому, она приложила ладонь к шершавому стволу дерева и беззвучно произнесла: спасибо тебе за твою доброту. Потом приложила ладонь к стене какого-то дома и повторила фразу. Затем проговорила то же самое, по очереди касаясь урны, скамейки, светофорного столба и других уличных предметов, которые попадались ей по пути.

В подъезде было темно. Биттори хотела было воспользоваться лифтом. Нет уж. Шум может выдать меня. И она решила подняться на четвертый этаж пешком, да еще сняв туфли. У нее еще хватило времени, чтобы прошептать последнее благодарение – перилам – и тоже за их доброту. Потом со всеми возможными предосторожностями вставила ключ в замочную скважину. И что плохого нашла Нерέα в ее

коврике? Нет, не понимаю я это существо и, пожалуй, никогда не понимала.

Не успела Биттори войти, как зазвонил телефон. Кошка Уголек, свернувшись черным клубком, дремала на диване. Не меняя позы и лишь чуть приоткрыв глаза, она следила за тем, как хозяйка спешит к аппарату. Биттори подождала, пока звонки смолкнут, проверила номер на экране и тотчас набрала его.

Шавьер пребывал в страшном возбуждении. *Ata, ata!* Включи скорей телевизор.

– Мне уже сообщили.

– Кто сообщил?

– Соседка сверху.

– А я думал, ты еще не знаешь.

Он сказал, что целует ее, она ответила тем же, и на этом их разговор закончился – попрощались, и точка. Про себя она решила: не буду я включать никакой телевизор. Но очень быстро верх одержало любопытство. На экране Биттори увидела троих типов в беретах и с закрытыми лицами, они сидели за столом, и вся сцена была выдержана в стиле ку-клукс-клана. Белая скатерть, патриотические плакаты, один микрофон на всех. Биттори подумала: интересно, а мать того, который сейчас говорит, узнала его по голосу? Она чувствовала глубокое отвращение к тому, что ей показывали, мало того, все это ее просто бесило. Долго она не выдержала и телевизор все-таки выключила.

День для нее закончился. Который был час? Ближе к десяти. Она поменяла воду кошке и легла в постель – раньше обычного, не поужинав, не открыв журнала, который ждал на ночном столике. Уже надев ночную рубашку, остановилась перед фотографией Чато, висевшей на стене в спальне, чтобы сказать ему, что:

– Завтра приду и обо всем тебе расскажу. Вряд ли ты сильно обрадуешься, но, в конце концов, новость важная, и ты имеешь право ее узнать.

Погасив свет, Биттори попыталась заставить свои глаза пролить хотя бы одну слезинку. Бесполезно. Сухие. И Неря не позвонила. Не потрудилась хотя бы сообщить матери, что долетела до Лондона. Где уж там, она ведь сильно занята – старается спасти свой брак.

3. С Чато на кладбище Польоэ

Вот уже несколько лет как она не поднимается до кладбища Польоэ пешком. Не то чтобы не может, смогла бы, да сильно устает. А если честно, то и не усталость вовсе ее пугает. Просто зачем, вот именно, зачем? Кроме того, время от времени у нее начинает колоть в животе. Поэтому Биттори садится в автобус девятый номер, который останавливается в двух шагах от входа на кладбище, а побывав на могиле, уже пешком спускается в город. Шагать под горку – совсем другое дело.

Из автобуса Биттори вышла следом за какой-то женщиной, других пассажиров в нем, кстати сказать, и не было. Пятница, спокойно, хорошая погода. На арке над воротами она прочла: “Скоро о вас скажут то, что сейчас говорится о нас: они умерли!” Такого рода мрачные фразочки на меня не действуют. Звездная пыль (это я слышала по телевизору) – вот что мы такое, и не важно, дышишь ты еще или уже отправился к праотцам. Да, я люто ненавижу отвратительную надпись и тем не менее не могу при входе на кладбище не остановиться и не прочесть ее в очередной раз.

А вот пальто ты, голубушка, могла бы оставить дома. Сегодня оно уж точно лишнее. Вообще-то Биттори надела его только для того, чтобы на ней было что-то черное. Первый год она соблюдала траур, потом дети убедили ее, что пора на-

чинать снова жить обычной жизнью. Обычной жизнью? Навивные люди, знать не знают, о чем говорят. Но она последовала их совету – только чтобы сын и дочь оставили ее в покое. Тем не менее ей все равно кажется неприличным ходить среди мертвых в чем-то ярком. Поэтому сегодня так и получилось: ранним утром она открыла шкаф и поискала что-нибудь черное, чем можно было бы прикрыть платье разных оттенков синего. Увидела пальто – и надела, хотя и знала, что запарится в нем.

Чато делит могилу с дедушкой и бабушкой по материнской линии, а также со своей теткой. Могила находится прямо у идущей слегка под уклон дорожки, в одном ряду с другими такими же. На плите имя и фамилии покойного, дата рождения и дата смерти – тот день, когда его убили. Без эпитафии.

В дни, предшествовавшие похоронам, родственники из Аспейтии посоветовали Биттори не писать и не выбивать на плите ничего – ни фраз, ни символов, ни косвенных указаний, по которым можно будет узнать, что Чато стал жертвой ЭТА. Меньше будет проблем.

Она возмутилась:

– Послушайте, один раз его уже убили. Во второй у них это вряд ли получится.

По правде сказать, Биттори и не собиралась помещать на плите надпись с объяснением причин смерти мужа, но достаточно было кому-нибудь начать отговаривать ее от че-

го-то, как она немедленно решала поступить наперекор советам.

А вот Шавьер согласился с доводами родственников. Так что на плите появились только имя и даты. Нерая по телефону из Сарагосы предложила изменить дату смерти. Они удивились: как это?

– Мне пришло в голову, что лучше бы на могиле указать другой день – либо до, либо после убийства.

Шавьер пожал плечами. Биттори сказала, что об этом не может быть и речи.

Через несколько лет, когда испачкали краской плиту на могиле Грегорио Ордоньеса⁴, который лежит метрах в ста от Чато, Нерая, как всегда бестактно, снова напомнила им свое старое предложение, хотя о нем, по правде сказать, все уже давно успели забыть. Показывая фотографию в газете, она сказала матери:

– Говорила я тебе, что лучше принять хоть какие-то меры предосторожности? Посмотри, ведь такое и с нами могло случиться.

И тогда Биттори швырнула свою вилку на стол и объявила, что уходит.

– Куда это ты так заспешила?

– У меня вдруг пропал аппетит.

⁴ *Грегорио Ордоньес* Фенольяр (1958–1995) – лидер Народной партии, депутат Баскского парламента, один из самых влиятельных политиков Страны басков. Убит боевиками ЭТА.

Она ушла из квартиры дочери, насупившись и сердито топая, а Кике при этом закурил сигарету и театрально закатил глаза.

Ряд могил тянется вдоль дорожки. К счастью для Биттори, плита на две пяди поднимается над землей, так что на нее удобно присесть. Конечно, если идет дождь, то особенно там не рассидишься. И в любом случае камень обычно бывает холодным (да еще лишайник и грязь, как и положено, накопившиеся за долгие годы). Она всегда приносит с собой в сумке квадратный кусок полиэтилена, вырезанный из пакета, полученного в супермаркете, а также платок, который можно положить на полиэтилен сверху. Садится и рассказывает Чато все, что наметила рассказать. Если поблизости есть люди, разговаривает с ним мысленно, если никого нет, что случается чаще, беседует вслух:

– Дочка уже в Лондоне. Так я, по крайней мере, полагаю, поскольку она даже позвонить мне не удосужилась. А тебе она звонила? Мне – нет. Ладно, раз по телевизору ничего ни про какие авиакатастрофы не сообщали, значит, оба они спокойно добрались до Лондона и там уж в который раз пытаются спасти свой брак.

Еще в самый первый год Биттори поставила на могильную плиту четыре горшка с цветами. И старательно ухаживала за ними. Красиво получилось. Потом она какое-то время не приезжала на кладбище. Цветы засохли. Следующие продержались до первых заморозков. Тогда она купила

огромный глиняный вазон. Шавьер погрузил его на тележку. Вдвоем они посадили в него самшитовое деревце. Однажды утром Биттори нашла горшок опрокинутым и разбитым, так что часть земли просыпалась на плиту. С тех пор никаких растений у Чато на могиле не было.

– Что хочу, то и говорю, и никто мне этого запретить не может, а уж тем более ты. Шучу? Какие тут шутки. Просто я уже не такая, какой была при тебе. Я стала злой. Ну, не то чтобы злой, нет, конечно. Скорее холодной и равнодушной. Если ты вдруг воскреснешь, ни за что меня не узнаешь. И будь уверен, твоя драгоценная доченька, твоя любимица, много поспособствовала тому, чтобы я переменялась. Она ведь частенько доводит меня до белого каления. Как и раньше, впрочем, даже в детстве. С твоей потачки, само собой. Потому что ты всегда ее защищал. А вот мое слово никогда и ничего для нее не значило, она так и не научилась меня уважать.

Через три или четыре могилы от нашей, рядом с асфальтовой дорожкой, находился участок, покрытый песком. Биттори засмотрелась на пару только что прилетевших туда воробьев. Птички растопырили крылья и устроили себе песочную ванну.

– И второе, что я хотела сообщить тебе: банда решила прекратить убийства. Пока неизвестно, всерьез они об этом объявили или просто трюк какой-то задумали, чтобы выиграть время и перевооружиться. Хотя... Будут они убивать

или нет, тебе уже все равно. Да и мне тоже, можешь не сомневаться. Зато я очень хочу узнать, как все это произошло в точности. Всегда хотела. Мне это необходимо. И никто меня не остановит. И дети наши не остановят. Даже если до них что-то дойдет про мои планы. Во всяком случае, сама-то я им ничего не скажу. Ты единственный, кто в курсе дела. И не перебивай меня. Только ты знаешь, что я собираюсь туда вернуться. Нет, в тюрьму я поехать не могу. Мне ведь неизвестно, в какой именно тюрьме сидит этот мерзавец. Но они-то по-прежнему живут в поселке, никуда не делись. Кроме того, мне страшно любопытно посмотреть, в каком состоянии находится наша квартира. Ты не беспокойся, Чато, Чатито, потому что Нерезя сейчас за границей, а Шавьер думает, как всегда, только о своей работе. Они ни о чем и не догадаются.

Воробьи исчезли.

– Клянусь тебе, я ничуть не преувеличиваю. Мне очень и очень нужно примириться с самой собой, чтобы можно было сесть и сказать: ну вот, с этим покончено. С чем именно покончено? Не знаю, как лучше объяснить тебе, Чато, наверное, и это тоже мне еще предстоит для себя уяснить. А ответ, если, конечно, ответ существует, можно отыскать только в поселке, вот почему я и собираюсь туда поехать – сегодня же после обеда.

Она встала. Аккуратно сложила платок и кусок полиэтилена, убрала все в сумку.

– Ну вот, все тебе рассказала. С тем и оставайся.

4. В квартире у этих

Девять вечера. Окно на кухне распахнуто настежь, чтобы выветрился запах жареной рыбы. Новости по телевизору начались с того, о чем Мирен уже слышала накануне по радио. Полный отказ от вооруженной борьбы. Да, именно от вооруженной борьбы, а не от терроризма, как это теперь называют, потому что мой сын никаким террористом не был. Мирен повернулась к дочери:

– Слыхала? Вон, снова объявили о прекращении. Пусть их, еще посмотрим, надолго ли.

Аранча вроде бы не обращает на ее слова никакого внимания, но в действительности все отлично слышит. На перекошенном лице – или это только шея у нее перекошена? – появляется едва заметная гримаса, словно она таким образом выражает свое отношение к известию. С ней никогда и ни в чем нельзя быть уверенной, однако матери показалось, что та ее поняла.

Мирен вилкой разминает для дочери жаренного в сухарях хека. На совсем маленькие кусочки, чтобы Аранче было легче глотать. Так делать учила их врач-физиотерапевт, очень славная девушка. Правда, она не басконка, ну да ладно, бог с ней. Аранче надо очень стараться. Иначе не будет никакого прогресса. Ребро вилки то и дело с резким стуком ударяется о дно тарелки и, прорывая на рыбе зажаренную корочку,

выпускает наружу маленькие облачка пара.

– Интересно, что они придумают теперь, чтобы не выпустить на волю нашего Хосе Мари?

Она села за стол рядом с дочкой и не сводила с нее глаз. Тут отвлекаться никак нельзя. Сколько уж раз Аранча давилась. В последний – летом. Пришлось вызывать “скорую”. Сирена переполошила весь поселок. Ну и страху мы тогда натерпелись. К тому времени, когда прибыли медики, Мирен сама вытащила у дочки из глотки кусок рыбы, и пребольшой.

Сорок пять лет. Старшая из троих ее детей. Потом родился Хосе Мари. Теперь он в тюрьме Пуэрто-де-Санта-Мария-Г⁵. Вот в какую даль они нас заставляют ездить. Сволочи. Есть и еще один сын – самый младший. Этот занят своими делами. Его мы, почитай, и не видим.

Аранча взяла стакан с белым вином, которое налила ей мать. Подняла и неловко поднесла к губам той рукой, которая у нее действует нормально. Левая рука с безжизненно сжатым кулаком, как всегда, словно приросла к боку, у талии, она совсем не работает. Аранча сделала хороший глоток вина, чему, по мнению Хошиана, можно было только радоваться, если вспомнить, что еще до недавнего времени ее кормили через зонд.

Несколько капель потекло у нее по подбородку, но это

⁵ В городе Эль-Пуэрто-де-Санта-Мария (Андалусия) находилась старейшая испанская тюрьма. В 1981 г. ее закрыли, а новый (самый большой не только в Испании, но и в Европе) комплекс исправительных заведений построили в нескольких километрах от города.

ерунда. Мирен поспешно вытерла их салфеткой. А какая красивая была девка, какая здоровая, двоих детишек родила, только живи и радуйся – и вот вам, пожалуйста.

– Ну как тебе, нравится?

Аранча затрясла головой, словно желая сказать, что рыба нравится ей не слишком.

– Знаешь, а она, эта рыба, между прочим, не такая уж и дешевая. Так что не привередничай.

По телевизору тем временем пустили разные комментарии. Ба, вон и политики. Серьезный шаг к миру. Мы требуем распустить банду террористов. Начало перемен. Путь к надежде. Конец кошмара. Пусть сдадут оружие.

– Нет, ты мне скажи, что это значит: они, видите ли, прекращают борьбу? В обмен на что? А про свободу Страны басков уже забыли, что ли? И про узников, которые гниют в тюрьмах. Трусые. Нет уж, надо довести начатое до конца. А ты узнала голос, который зачитал заявление?

Аранча медленно жевала кусочек рыбы. Она отрицательно помотала головой. Но тотчас захотела что-то добавить и сделала знак рукой, прося, чтобы мать подала ей айпэд. Мирен вытянула шею, стараясь прочесть появившиеся на экране слова: “Мало соли”.

Хошиан вернулся уже после одиннадцати – со связкой лука-порей в руке. Весь вечер он провел на своем огороде. Такое вот увлечение у этого мужчины, теперь уже ставшего пенсионером. Огород расположен прямо у реки. И когда ре-

ка разливается – в последний раз это случилось в начале года, – прощайте все посадки. Бог с ними, бывают вещи и похуже, говорит Хошиан. Рано или поздно вода все равно спадает. Тогда он сушит садовые инструменты, выметает грязь из сарая, покупает новых крольчат и повторно сажает овощи там, где старые спасти не удалось. Зато яблоня, инжир и орешник выдерживают любое наводнение. Вот и все. Все? Беда в том, что в реку попадают промышленные стоки и после наводнения от земли идет сильный запах. По словам Хошиана, от нее начинает пахнуть заводом. Мирен с ним не согласна:

– Ядом от нее пахнет, вот чем. Когда-нибудь нутро у нас не выдержит, и мы все перемрем.

Еще одно ежедневное занятие Хошиана – карты по вечерам. Четверо друзей играют в мус⁶ на кувшин вина. в баре “Пагоэта” – в нижней части поселка, если идти по направлению к главной площади. Но чтобы им на четверых хватало одного кувшина – это, конечно, сказки.

По тому, как муж держал свой лук-порей, Мирен сразу поняла: явился он в хорошем подпитии. И не удержалась, съязвила, что скоро нос у него станет таким же красным, как у покойного папеньки. Была, кстати, верная примета, по которой легко было судить, что Хошиан позволил себе лишнего: в таких случаях он то и дело чесал себе правый бок в об-

⁶ *Мус* – испанская карточная игра, ведет свое происхождение из Наварры и Страны басков.

ласти печени, как будто его кто-то укусил. Тут уж никаких сомнений не оставалось. Но конечно, идя по улице, он кренделей никогда не выписывал, чего нет, того нет. Да и к жене не цеплялся. Вот только без конца чесал бок, как другие имеют привычку осенять себя крестным знамением или стучать по дереву.

Хошиан никому не умеет отказать. Вот в чем беда. И вино в баре лакает только потому, что другие тоже пьют. Если, допустим, кто-то из приятелей скажет ему: “Пошли кинем-ся головой в реку”, – побежит следом как ягненок. Короче, в тот раз домой он явился в съехавшем набок берете, с блестящими глазками и почесывая бок. И еще – сразу слишком расчувствовался. В столовой долгим нежным поцелуем приклеился ко лбу Аранчи. И при этом чуть на нее не завалился. Правда, Мирен его к себе не подпустила:

– Нет уж, охлонись, от тебя за версту кабаком несет.

– Да ладно, чего ты зря заводишься?

Она выставила вперед обе руки, чтобы удержать мужа на расстоянии:

– На кухне для тебя рыба. Небось уж остыла. Сам подогревай.

Полчаса спустя Мирен позвала его, чтобы он помог уложить в постель Аранчу. Они подняли ее с инвалидного кресла – он под одну руку, она – под другую.

– Держишь?

– А?

– Крепко держишь, спрашиваю. Да отвечай ты, горе луковое, прежде чем начнем вверх-то тянуть.

То, что не дает Аранче передвигаться, в медицине называется конской стопой. Иногда она все-таки делает несколько шагов. Но всего несколько и очень неловких. Опираясь на палку или при чьей-нибудь поддержке. Добиться, чтобы она снова научилась самостоятельно ходить, или есть, или чтобы у нее восстановилась речь, – это главные цели в семье на не самое ближайшее время. Что будет потом – поглядим. Физиотерапевт их обнадеживает. Очень она славная, эта врачиха. Совсем плохо говорит по-баскски, вернее, почти и не говорит вовсе, но в данном случае это не важно.

Общими усилиями отец и мать ставят Аранчу на ноги рядом с кроватью. В который уж раз они это проделывают! Поднаторели. Кроме того, сколько она весит теперь, их Аранча? Всего сорок с чем-то кило. Не больше. А ведь раньше всегда в теле была, особенно в лучшие свои времена.

Отец держал ее, пока Мирен откатывала к стене инвалидное кресло.

– Смотри не урони!

– Да как же я ее уроню, мою доченьку!

– С тебя станется.

– Глупости-то не говори.

Они обменялись злыми взглядами, и он покрепче стиснул зубы, чтобы не выругаться. Мирен откинула одеяло, и потом, уже вдвоем, очень осторожно, медленно – хорошо дер-

жишь? – мать с отцом уложили Аранчу в постель.

– Теперь можешь идти, я ее раздену.

Тут Хошиан наклонился, чтобы опять поцеловать дочку в лоб. И пожелал ей спокойной ночи. И еще сказал: “До завтра, *polita*”⁷, и погладил ее щеку костяшкой пальца. После чего, все так же почесывая бок, двинулся к двери. И уже стоя почти на пороге, обернулся и сообщил:

– Да, когда я возвращался из бара, видел свет в квартире у этих.

Мирен как раз разувала Аранчу.

– Небось кто-нибудь пришел навести там порядок.

– В одиннадцать вечера?

– Меня эти люди не интересуют.

– Я тебе только сказал о том, что видел своими глазами.

Они ведь могут и вернуться в поселок.

– Могут. А теперь, после того как наши решили сложить оружие, и совсем обнаглеют.

⁷ Здесь: красавица (*баск.*).

5. Переезд в темноте

Овдовев, Биттори уже через несколько недель переехала в Сан-Себастьян. Временно. В первую очередь, надо полагать, чтобы не видеть тротуара, где убили ее мужа, и чтобы избавиться от косых взглядов жителей поселка, которые столько лет были с ней дружелюбны и любезны, а теперь вдруг так разительно изменили свое отношение. И еще – чтобы не проходить каждый день мимо надписей на стенах домов и не видеть ту, что красуется на музыкальной эстраде на площади, одну из последних, с мишенью над именем убитого Чато. А ведь через два-три дня после ее появления все и произошло.

На самом деле в Сан-Себастьян ее обманом заманили дочь с сыном. Святые небеса, четвертый этаж! А ведь Биттори так привыкла жить на втором.

– Да ладно тебе, мама, там, между прочим, лифт есть.

Нерея и Шавьер договорились любой ценой вытащить Биттори из поселка, где она прожила всю жизнь, где родилась, где ее крестили и где она вышла замуж. И еще они договорились между собой любой ценой помешать ей возвратиться обратно, даже запретили, если называть вещи своими именами, возвращаться, хоть и сделали это в самой мягкой форме.

Они поселили мать в квартире с балконом, откуда бы-

ло видно море. Их семья уже какое-то время пыталась продать это жилье. Они даже объявление в газете поместили. И несколько человек позвонили им, пожелав купить квартиру или, по крайней мере, узнать цену. Чато приобрел ее за несколько месяцев до того, как его убили, когда решил обеспечить близких пристанищем подальше от поселка.

В квартире уже имелись светильники, но мебели было мало. Сын с дочерью сказали Биттори, что она должна временно пожить здесь. Правда, когда они разговаривали с ней, мать их словно не слышала. Вообще была как будто не в себе. Безразличная ко всему. И это она-то, у которой обычно рот не закрывался ни на минуту. А теперь Биттори сидела как каменная. Казалось, даже моргать разучилась.

Шавьер с одним своим приятелем, работавшим в той же больнице, перевезли для нее кое-какие вещи. В поселок они отправлялись на пикапе ближе к вечеру, когда уже стемнеет, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания. Сделали больше десятка поездок, и всегда после захода солнца. Привозили одно, потом другое. В машину-то сразу много не помещалось.

Супружескую кровать оставили, потому что Биттори, потеряв мужа, отказывалась на ней спать. В конце концов они успели забрать достаточно всего: посуду, ковер из столовой, стиральную машину. Но однажды во время погрузки пакетов с вещами их окружила группа людей, которые кричали на них и оскорбляли. Все старые знакомые Шавьера, даже

кое-кто из школьных товарищей. Один, задыхаясь от бешенства, процедил сквозь зубы, что отлично запомнил номер машины.

Когда они возвращались обратно в Сан-Себастьян, Шавьер заметил, что приятель сильно нервничает и в таком состоянии явно не может и дальше вести машину – запросто попадет в аварию. Шавьер попросил его съехать на обочину и остановиться.

Друг сказал:

– Больше я не смогу с тобой поехать. Прости.

– Все нормально.

– Поверь, мне очень жаль... И прости.

– А нам больше незачем туда возвращаться. С переездом покончено. Моей матери вполне хватит того, что мы успели ей доставить.

– Надеюсь, ты понимаешь меня, Шавьер?

– Да, разумеется. Не переживай.

Прошел год, прошел второй, прошли годы. Биттори тайком заказала себе копию ключа от оставленной в поселке квартиры, и хитрости тут большой не потребовалось. Зачем заказала? Сперва ее спросила Нерая, а через несколько дней и Шавьер: *ата*, где ключ? У тебя ведь был ключ. Словно сговорились. И дочери, и сыну она ответила, что не знает, куда его задевала. Голова-то совсем дурная стала! Обещала поискать и наконец через несколько дней сделала вид, что, как следует поискав, нашла-таки ключ, но, разумеется, к тому

времени уже успела получить в мастерской копию. А старый ключ вручила Нерее, которая время от времени (один или два раза в год?) ездила взглянуть на их квартиру и вытереть там пыль. Ключ дочь ей не вернула, хотя Биттори вовсе этого и не ждала.

Как-то Нереея мимоходом бросила: пожалуй, неплохо было бы продать квартиру в поселке. А через несколько дней то же самое предложил матери Шавьер. Биттори нутром почувяла, что эти двое опять сговорились за ее спиной. Поэтому сама вернулась к назревшему вопросу, как только они собрались втроем:

– Пока я жива, мой дом продан не будет. А уж когда помру, делайте, что вам заблагорассудится.

Они спорить не стали. Биттори произнесла это с соответствующей случаю миной, и в глазах ее сверкнула непреклонная решимость. Брат с сестрой обменялись быстрыми взглядами. Больше на эту тему никто и никогда не заговаривал.

Между тем Биттори взяла в привычку ездить в поселок, но старалась делать это как можно незаметнее, чаще выбирая ненастные дни, дождливые и ветреные, когда вероятность встретить кого-то на улице была минимальной, а также когда ее дети были чем-нибудь заняты или куда-нибудь уезжали. Потом могло пройти семь или даже восемь месяцев, прежде чем она снова туда навещалась. С автобуса она сходила, не доезжая до поселка. Чтобы не пришлось ни с кем разговаривать. Чтобы никто ее не видел. По самым безлюдным ули-

цам поднималась до своего дома. Проводила там час или два, иногда чуть больше. Разглядывала фотографии, ждала, пока церковный колокол пробьет нужный час, и, убедившись, что внизу у подъезда никого нет, той же дорогой возвращалась в город.

На местное кладбище она не заходила никогда. Зачем? Чато похоронили в Сан-Себастьяне, а не в поселке, хотя там в семейном склепе покоились его бабушка с дедушкой по отцовской линии. Но похоронить Чато вместе с ними было нельзя, им это решительно отсоветовали: если ты сделаешь так, они осквернят могилу, такое уже не раз случалось.

На кладбище Польоэ во время погребения Биттори прошептала Шавьеру то, что он никогда в жизни не забудет. Что именно? Что ей кажется, будто Чато не столько хоронят, сколько прячут.

6. Чато, *entzun*⁸

Ох, до чего же медленно ползет этот автобус. Слишком много остановок. Ну вот, еще одна. Две женщины, на вид ничего особенного, сидят вместе, на соседних местах. Уже под самый вечер возвращаются откуда-то в поселок. Говорят одновременно и каждая о своем, но при этом прекрасно понимают друг друга. Внезапно та, что сидит у прохода, незаметно толкнула локтем ту, что сидела у окошка. Добившись таким образом ее внимания, она легким кивком указала на переднюю часть автобуса.

Шепотом:

– Вон, в темном пальто.

– Кто это?

– Неужто не узнаешь?

– Да я ее только со спины вижу.

– Жена Чато.

– Которого убили, что ли? Ух и постарела же она!

– А ты как думала? Годы-то даром не проходят.

Они помолчали. Автобус ехал своим маршрутом. Входили и выходили пассажиры, а две приятельницы молча глядели в пустоту. Затем одна из них тихо сказала: несчастная она женщина.

⁸ Послушай (*баск.*).

– Почему это?

– Настрадалась, вот почему.

– Все мы настрадались.

– Это да, но ей-то досталось по полной.

– Тяжелые времена, Пили, тяжелые времена.

– А я что, разве спорю?

И тотчас другая, та, что не Пили:

– Спорим, что она выйдет у промышленной зоны?

Как только Биттори встала, обе старательно отвели глаза.

На этой остановке вышла только она одна.

– Ну, что я тебе говорила?

– А как ты угадала?

– Она всегда здесь выходит, чтобы никто ее не увидел, а потом – топ-топ, украдкой идет к своему дому.

Автобус снова тронулся, и Биттори – думают, я их не заметила? – зашагала следом в том же направлении по району, занятому предприятиями и мастерскими. На лице ее застыло выражение – нет, не облегчения, а скорее спокойствия: губы плотно сжаты, голова гордо поднята, – потому что я не собираюсь ни от кого прятаться.

Поселок, ее поселок. Уже совсем стемнело. Свет в окнах, запах зелени с соседних полей, редкие прохожие на улицах. Она шагнула на мост, подняла воротник пальто и увидела неторопливую реку, по берегам которой раскинулись сады и огороды. Но как только Биттори очутилась в окружении жилых домов, словно что-то случилось у нее с дыханием.

Одышка? Да нет, не похоже. Невидимая рука сжимает ей горло всякий раз, когда она возвращается в поселок. Биттори поднимается по тротуару не быстро и не медленно, замечая всякие мелочи и что-то вспоминая: у этих ворот мне впервые объяснялся в любви один парень, а вот это что-то новенькое, этих фонарей на моей памяти здесь вроде бы не было.

Очень скоро она услышала у себя за спиной шепот. Словно комар зудит в воздухе у окна или в темной прихожей. Так, легкий шумок, в конце которого прозвучало “Чато”. И этого ей вполне хватило, чтобы восстановить всю фразу. Наверное, нужно было приехать попозднее, когда люди окончательно разойдутся по домам. На самом последнем автобусе. Тоже придумала! А обратно как же? Как? Но я ведь все равно останусь ночевать здесь. У меня есть в поселке свой дом и есть своя кровать.

У дверей бара “Пагоэта” стояли курильщики. Биттори не хотелось проходить мимо. Как поступить? Можно повернуть назад и обогнуть церковь с другой стороны. Она замедлила шаг и тотчас пристыдила себя за трусость. И опять пошла по середине улицы, изо всех сил стараясь изобразить, что это для нее самое обычное дело. А сердце билось с такой силой, что на миг она даже испугалась, как бы мужчины не услышали его ударов.

Итак, Биттори прошла мимо, даже не посмотрев в их сторону. Курильщиков было четверо или пятеро – все со стаканом в одной руке и сигаретой в другой. Они наверняка узна-

ли ее, едва она приблизилась, во всяком случае, внезапно все они дружно смолкли. Одна, две, три секунды. Но когда Биттори дошла до конца улицы, разговор возобновился.

А вот и наш дом, в их квартире опущены шторы. На фасаде внизу можно разглядеть афиши. Одна, сравнительно новая, извещала о каком-то концерте в Сан-Себастьяне, а вторая, выцветшая, разорванная, – о Большом мировом цирке. Афиша цирка висела как раз на том месте, где однажды утром появилась сделанная краской надпись, одна из многих и многих: *TXATO ENTZUN PIM PAM PUM*⁹.

Биттори вошла в подъезд – и это было все равно что войти в свое прошлое. Та же лампа, те же старые скрипящие ступени, ровный ряд хлипких почтовых ящиков, где теперь не хватает их собственного. В свое время его снял со стены Шавьер. Сказал, что это избавит семью от лишних проблем. На стене остался квадратик того цвета, какими были стены когда-то давно, когда у нее еще не родилась Неря, а у Мирен не родился сын, этот мерзавец. И если я хочу, чтобы существовал ад, то единственно для того, чтобы там обрекали на вечные муки убийц.

Она вдохнула запах старой древесины, запах свежего воздуха и запах плесени. И сразу почувствовала, как невидимая рука отпустила ее горло. Ключ, замочная скважина – Биттори вошла. Едва перешагнув порог, еще в прихожей, она будто снова столкнулась с Шавьером, только гораздо более мо-

⁹ Чато, послушай – пиф-паф (баск.).

лодым, и тот Шавьер говорил ей со слезами на глазах: *ата*, мы не должны допускать, чтобы ненависть портила жизнь нам же самим, это унижительно, – или что-то в том же духе, она уже не помнила в точности. Зато помнила, какую почувствовала досаду – тогда, много лет назад:

– Конечно, ничего же не случилось, так что давайте будем петь и плясать.

– Ради бога, мама, перестань, охота тебе без конца расправлять раны. Надо сделать усилие, постараться, чтобы все, что произошло...

Она перебила его:

– Извини, но будет вернее сказать: все, что они с нами сделали...

– Чтобы все это не озлобило нас.

Слова. Однако забыть их нет никакой возможности. Эти слова не дают ей остаться по-настоящему одной. Туча надоедливых насекомых, слышишь? Хорошо бы распахнуть настежь окна, чтобы выпустить на улицу слова, жалобы и невеселые разговоры, случившиеся между ними, – все, что поселилось в стенах старой необитаемой квартиры.

– Чато, Чатито, что тебе приготовить на ужин?

Чато усмехался с фотографии, висевшей на стене, и у него было лицо человека, которого непременно убьют. Стоило хотя бы мельком глянуть на него, чтобы понять: рано или поздно его убьют. А уши-то, уши какие! Биттори поцеловала кончики сложенных вместе среднего и указательного пальцев,

а потом с нежностью поднесла их к черно-белой фотографии.

– Яичницу с хамоном. Я же тебя по-прежнему знаю, как если бы ты был жив.

Она открыла кран в ванной комнате. Ага, вода идет, и даже не такая мутная, как она себе воображала. Открыла ящики, сдула пыль с каких-то предметов, сделала то, сделала это, прошла туда, прошла сюда и где-то в половине одиннадцатого подняла жалюзи в соседней комнате, но свет там не зажгла. Потом принесла с кухни стул, села и стала смотреть в окно – в полной темноте, чтобы ее силуэт не вырисовывался на светлом фоне.

Какие-то парни. Редкие прохожие. Мальчик и девочка о чем-то спорили, он попытался поцеловать ее, а она даже для вида не уворачивалась. Старик с собакой. Биттори была уверена, что рано или поздно увидит перед своим домом одного из тех. Откуда, интересно, ты это знаешь? Не могу тебе объяснить, Чато. Женская интуиция.

Ну и как, предсказание исполнилось? Да, исполнилось, хотя ждать пришлось довольно долго. Церковный колокол пробил одиннадцать. Вот! Биттори сразу его узнала. Сдвинутый набок берет, свитер накинут на плечи, рукава завязаны на груди, несколько стеблей лука-порей под мышкой. Значит, до сих пор копается в своем саде-огороде? А поскольку он остановился так, что на него падал свет от фонаря, она увидела на его лице удивленную и недоверчивую гримасу.

Секунда, не больше – и он быстро-быстро зашагал, словно ему иголку воткнули в задницу.

– Ну, что я тебе говорила? Теперь он расскажет жене, что видел здесь, у нас, свет. А та ему в ответ: пить надо меньше. Но любопытство пересилит, и она явится сама, чтобы проверить. Слышишь, Чато, давай поспорим, что непременно прибежит?

Пробило полночь. Не дергайся, наберись терпения. Руку даю на отсечение, что она явится. И явилась-таки, еще бы ей не явиться. Почти в половине первого. Буквально на миг остановилась под фонарем и поглядела на их окно, но ни удивления, ни недоверия ее лицо не выражало, только брови были сердито насуплены. И тотчас же повернула назад и решительно зашагала, исчезая в темноте.

– Что ж, надо признать, она не сильно изменилась.

7. Камни в рюкзаке

Хошиан занес велосипед на кухню. Он у него легкий, гоночный. Однажды Мирен, уставившись на гору грязной посуды, сказала:

– На такую роскошную железяку денег у тебя небось хватило, а?

Ответ Хошиана:

– Ну да, хватило, как не хватить. Я ведь не зря всю жизнь пахал как вол. Они там нас всех поймали по полной.

Занести велосипед из подвала в квартиру труда не составило, он даже стену ни разу не задел. Слава богу, что мы живем на первом этаже. Хошиан повесил велосипед на плечо, как делал в молодости, когда участвовал в велокроссах. Было только семь часов утра, и было воскресенье. Он мог бы поклясться, что совсем не шумел. И тем не менее вот она, Мирен, сидит за столом в ночной рубашке и поджидает его с недовольной миной.

– А можно спросить, что твой велосипед делает в квартире? Ты что, решил все полы мне изгваздать?

– Надо перед выездом подправить тормоз и протереть велосипед тряпкой.

– Ну да, конечно, ведь на улице ты его протереть никак не можешь?

– На улице холод собачий и темно еще, ни черта не видно.

Ты-то чего вскочила в такую рань?

Две ночи подряд без сна – неужто и такие вещи нужно объяснять? Вон какие круги у нее под глазами. А все из-за чего? Из-за света, который пробивался сквозь неплотно задвинутые шторы в доме у тех. И не только в пятницу, но и вчера, а если хотите знать мое мнение, отныне он будет гореть там каждый божий день. Чтобы потом люди качали головой: ах, бедные несчастные жертвы, а мы-то как ни в чем не бывало с улыбочками проходили мимо. Свет, шторы, люди, которые видели Биттори на улице и сразу прибежали к ней, к Мирен, чтобы доложить об этом, – все это вернуло ее к старым мыслям, дурным мыслям, да, очень и очень дурным:

– Наш сынок испортил-таки нам жизнь.

– Испортил, но, если тебя услышат в поселке, жизнь у нас будет еще веселей.

– Я ведь это только тебе говорю. Если не с тобой, то с кем еще мне быть откровенной?

– Ты у нас заделалась настоящей *abertzale*¹⁰. Вечно идешь впереди всех, вечно кричишь громче всех, революционерка хренова. А если у меня, скажем, слезы на глаза наворачивались во время свиданий в тюрьме – тут же скандал. “Не будь слабаком, – передразнил он жену, – не плачь при сыне, он от этого падает духом”.

Много лет назад – сколько? двадцать? больше? – они на-

¹⁰ Патриот(ка), борец за независимость Страны басков (*баск.*).

чали что-то подозревать, о чем-то догадываться, делать какие-то выводы. Вот и Аранча сказала однажды на кухне:

– Вы что, и вправду ничего не видите? Не видите всех этих плакатов на стенах у него в комнате. А деревянная фигура на ночном столике? Змея, обвивающая топор?¹¹ Это что, по вашему?

Как-то вечером Мирен вернулась домой в тревоге/гневе. Хосе Мари был среди тех, кто устроил уличные беспорядки в Сан-Себастьяне.

– Ах, кто это видел, спрашиваешь? Да мы с Биттори и видели собственными глазами. Или ты думаешь, я туда с мужиком гулять отправилась?

– Ну, будет тебе, утихни. Он молодой еще, кровь бурлит. Все это у него пройдет.

Мирен, глотая липовый чай, который спешно себе заварила, стала молиться святому Игнатию, прося у него защиты и совета. И потом, пока чистила чеснок, чтобы вставить дольки в тушку морского леща, то и дело осеняла себя крестным знаменем, не выпуская при этом ножа из руки. За ужином она не переставала причитать под молчаливыми взглядами близких, предсказывала все мыслимые и немыслимые беды и объясняла подвиги Хосе Мари влиянием дурной компании. А виноваты во всем, по ее мнению, были сын мясника или сын Маноли и вся их шайка.

– В кого он только превратился? На кого стал похож?

¹¹ Змея, обвивающая топор, – символ ЭТА.

Да еще эта серьга в ухе... Глаза бы мои на него не глядели. А там, на улице, у него еще и рот платком был завязан.

В ту пору они с Биттори были – как это лучше назвать? – подругами? Больше чем подругами, все равно что сестрами. А еще раньше чуть в монастырь вместе не ушли, да тут появился Хошиан, появился Чато, оба вместе в баре в мус играли и ужинали вместе в гастрономическом обществе¹², в основном по субботам, а по воскресеньям занимались велотуризмом. Обе подруги, Биттори и Мирен, венчались в белом в местной церкви, где потом у дверей исполнялся аурреску¹³. Одна вышла замуж в июне, другая в июле того же, 1963-го, года. И в то, и в другое воскресенье небо, как по заказу, было голубым, без единого облачка. Друг дружку на свадьбу они, разумеется, пригласили. Мирен и Хошиан устроили свадьбу в сидрерии – очень приличном, надо сказать, заведении, расположенном за пределами поселка. Свадьба была небогатой, а пахло вокруг скошенной травой и навозом. Биттори и Чато праздновали свою в шикарном ресторане с официантами в костюмах, потому что Чато, который мальчишкой бегал

¹² *Гастрономическое общество* – закрытое мужское гастрономическое общество, существующее в Стране басков. Готовят там только мужчины. Первое появилось в 1843 г. В основном там собирались моряки после долгих плаваний, а также мужчины, решившие отдохнуть от своих жен. Сейчас в Сан-Себастьяне насчитывается около сотни таких обществ. В каждом имеются своя кухня и столовая. Каждый участник имеет свои ключи и может пригласить друзей на обед, приготовленный им собственноручно.

¹³ *Аурреску* – традиционный церемониальный танец басков. Исполняется на разного рода торжествах.

по поселку в драных альпаргатах, теперь неплохо зарабатывал на им же самим основанной фирме грузоперевозок.

Мирен и Хошиан провели медовый месяц в Мадриде (четыре дня, дешевый пансион недалеко от Пласа-Майор). Биттори и Чато сперва отправились на неделю в Рим, где видели нового Папу, который приветствовал толпу, а потом совершили путешествие по разным итальянским городам. Мирен, слушая рассказ подруги об их поездке, заявила:

– Сразу видно, что ты вышла за богача.

– Знаешь, я об этом меньше всего думала. А вышла за него в первую очередь из-за больших ушей...

Подруги возвращались из кофейни в Старом городе, куда часто ходили есть чуррос. Именно в тот день в Сан-Себастьяне и случились уличные беспорядки. Женщины остановились в переулке у бульвара. Поперек дороги стоял горящий городской автобус. Черный дым растекался по фасаду здания, так что не было видно окон. Потом стало известно, что водителя избивали. Он тоже находился там. Мужчина лет пятидесяти – пятидесяти пяти сидел на земле с залитым кровью лицом и широко открытым ртом, словно ему не хватало воздуха. Рядом с ним суетились двое прохожих, которые пытались оказать ему помощь и успокоить, а также полицейский. Тот, судя по жестам, давал понять, что посторонним оставаться здесь не следует.

Биттори:

– Ты только посмотри, что творится.

Мирен:

– Сворачивай на улицу Окендо, лучше сделаем круг, от туда и выйдем к автобусной остановке.

Прежде чем свернуть за угол, они еще какое-то время поглазели на происходящее. Вдалеке, рядом с мэрией, выстроились в ряд фургоны полиции. Полицейские в красных касках, с лицами, закрытыми черными масками, начали действовать. Они стреляли резиновыми пулями по толпе молодежи, которая в ответ осыпала их обычными для такой ситуации ругательствами: продажная сволочь, убийцы, негодяи – то на испанском, то на баскском.

Между тем автобус так и продолжал гореть посреди уличной схватки. И черный дымище продолжал подниматься вверх. Запах горелой резины разносился по соседним улицам, от него щипало в носу и слезились глаза. Мирен и Биттори слышали, как некоторые прохожие жалуются, правда, больше шепотом: автобусы ведь на наши общие деньги покупаются, неужели это и называется защитой прав народа, возмутительно. Какая-то женщина шикнула на мужа:

– Тише, ты, не услышал бы кто.

И тут они его узнали, хотя, как и у многих других, капюшон закрывал лицо, а рот был завязан платком. Ой, Хосе Мари! А он-то что тут делает? Мирен еле удержалась, чтобы не окликнуть сына. Парни вышли из Старого города по тому же переулку, что и Биттори с Мирен несколькими минутами раньше. Шестеро или семеро остановились на углу ря-

дом с лавкой морепродуктов. Среди них сын мясника и сын Маноли. Хосе Мари вместе с несколькими другими бежал, держа рюкзак в руках. Потом они выстроились вдоль тротуара и, приближаясь, запустили руки в рюкзаки, чтобы что-то оттуда достать, но что именно, Мирен не поняла. У Биттори зрение было хорошее, и она сказала подруге: камни. Да, там были камни. Парни со всей силы швыряли их в полицейских.

8. Случай из далекого прошлого

Внимание Мирен внезапно привлек отблеск на ободе велосипедного колеса. Ихватило слабой вспышки утреннего света, чтобы она вспомнила тот случай из далекого прошлого. Где было дело? Да на их же кухне. Первое, что пришло на память, – как у нее дрожали руки, пока она готовила ужин. Даже сейчас, вспоминая тот день, она начинает чувствовать что-то вроде удушья, а тогда решила, что виной всему жара и чад от сковородки. Мирен распахнула окно, но воздуху ей все равно не хватало.

Половина десятого, десять. Наконец она услышала, что он явился. Его шаги по лестнице в подъезде было трудно не узнать. К тому же он вечно поднимался бегом. Ну вот, сейчас войдет.

Вошел. Здоровенный, девятнадцатилетний, грива до плеч и серьга в ухе, будь она проклята. Хосе Мари, ее сынок, крепыш и обжора. Он рос и рос, пока не превратился в высоко-го и широкоплечего парня. Пока не стал заметно выше всех в семье, кроме младшего, который тоже вымахал дай боже, хотя по натуре был совсем другим, не знаю, как объяснить. Горка был тощим, хилым, но при этом, по словам Хошиана, поголовастей, чем Хосе Мари.

Мирен встретила сына с грозным видом и даже не позволила подойти и поцеловать ее:

– Откуда ты?

Как будто сама не знала. Как будто не видела его днем на бульваре в Сан-Себастьяне. Как будто не рисовала себе потом картины одна страшней другой: сын в обгоревшей одежде, или с раной на лбу, или в больнице.

Он поначалу отвечал уклончиво. Это вообще с некоторых пор вошло у него в привычку. Каждое слово приходилось вытягивать из него словно клещами. Ну ладно, коли сам ничего не пожелал рассказывать, она сама описала их встречу. Точное время, место, набитый камнями рюкзак.

– А не был ли ты, случайно, с теми, кто поджег автобус? Только этого нам и не хватало.

– Хватало вам – не хватало, меня это не волнует, – заорал он.

Ну а что Мирен? В первую очередь поспешила закрыть окно. Не то их ссору услышит весь поселок. А еще про оккупационные силы и свободу Страны басков. Она даже схватилась за ручку раскаленной сковороды, приготовившись от него защищаться, потому что я ведь раздумывать долго не стану, возьму и шарахну его как следует по башке. Потом, разумеется, поставила сковородку опять на плиту, заметив кипящее масло: нет, только не это. И Хошиан, как на грех, все не возвращался. Торчит в своей “Пагоэте”, а она тут одна разбирается со взбесившимся сыночком, который продолжает кричать про свободу, независимость и борьбу. Мало того, он вдруг сделался таким агрессивным, что Мирен поверила:

этот запросто и ударить может. Но ведь он ее сын, ее Хосе Мари, она его родила, кормила грудью, а теперь вот, полюбуйтесь, посмел орать на родную мать.

Она развязала фартук, скрутила в комок и швырнула – в бешенстве? испуганно? – на пол, примерно туда, где сейчас стоит велосипед Хошиана. Тоже мне сообразил притащить в дом свою железяку. Чего она ни в коем случае не хотела, так это чтобы сын видел ее плачущей. Вот почему очень быстро вышла из кухни, зажмурившись и оттопырив губы, с лицом, искаженным в попытке сдержать рыдания. И с тем же выражением вошла/ворвалась в комнату Горки и сказала: быстро ступай за отцом. Горка, который сидел, склонившись над своими книгами и тетрадями, спросил, что случилось. Мать велела ему бежать со всех ног, и парень – шестнадцать лет – помчался в бар “Пагоэта”.

Очень скоро явился Хошиан, сильно разозленный из-за того, что пришлось прервать партию:

– Что ты сделал с матерью?

С сыном он вынужден был разговаривать, глядя снизу вверх – из-за разницы в росте. И сейчас, всматриваясь в блик на ободке велосипеда, Мирен как наяву наблюдала всю сцену, не напрягая памяти. Правда, все представало перед ней в уменьшенном размере: кафельная плитка до середины стены, трубки дневного света, льющие убогий свет – как и положено в доме у людей из рабочего класса – на покрытые пластиком кухонные полки, а еще запах горелого масла

на непроветренной кухне.

Он чуть не ударил его. Кто кого? Сын здоровяк мямлю отца. Но потрянул как следует. Никогда еще Хосе Мари не позволял себе ничего подобного по отношению к Хошиану. Никаких счетов между ними никогда не было и быть не могло. И вообще, Хошиан руки на детей никогда не поднимал. Чтобы он бил детей? В лучшем случае мог отругать, не повышая голоса, и поскорее улизнуть в свой бар, если в воздухе начинало пахнуть ссорой. Да, муж всегда все переваливал на меня – воспитание детей, болезни, заботу о мире и покое в семье.

Когда сын в первый раз потрянул Хошиана, с того слетел берет, но упал не на пол, а на стул, как будто ему приказали сесть и тихонько посидеть. Отец отпрянул, грустный/пораженный, испуганный/опешивший, его редкие седые волосы растрепались. В этот миг он навсегда утратил положение альфа-самца в семье, которая считалась вполне благополучной, да благополучной она и была, по крайней мере до того момента.

Аранча однажды, придя к родителям в гости, сказала матери:

- *Ата*, знаешь, в чем состоит главная беда нашей семьи? В том, что мы всегда очень мало разговаривали между собой.
- Да ну тебя!
- Мне кажется, мы плохо друг друга знаем.
- Уж кто-кто, а я-то вас всех знаю как облупленных.

Именно что как облупленных.

И этот их разговор тоже сохранился в блике на ободке колеса, в отблеске между двумя спицами, рядом с той давней сценой, которую, ох, мне не забыть до конца своих дней. Я смотрела, как бедный Хошиан, опустив голову, уходит с кухни. Он лег спать раньше обычного, не пожелав никому спокойной ночи, и потом Мирен не слышала его храпа. Он до утра не сомкнул глаз.

Хошиан несколько дней молчал. Вообще-то, он никогда не был особенно говорливым. Но сейчас и вовсе перестал разговаривать. Как и Хосе Мари, который тоже не проронил ни слова за те четыре или пять дней, что еще продолжал жить дома. Рот открывал, только чтобы поесть. А потом – дело было в субботу – собрал свои вещи и был таков. Но мы и вообразить не могли, что он ушел навсегда. Наверное, Хосе Мари и сам этого не мог вообразить. На кухонном столе он оставил нам листок бумаги: *Barkatu*¹⁴. Даже без подписи. Да, вот так: *Barkatu* – на листке, вырванном из тетрадки брата, и больше ничего. Ни *mixus*¹⁵, ни куда отправился, ни прощайте.

Домой вернулся дней через десять с сумкой, полной грязного белья, – чтобы мать постирала, а еще с мешком, куда сложил очередную порцию своих вещей, еще оставшихся в их с Горкой общей комнате. Матери он подарил букет калл.

– Это что, мне?

¹⁴ Простите (*баск.*).

¹⁵ Целую (*баск.*).

– А кому же еще?

– Ну и где ты взял эти цветы?

– Где-где, в лавке. Где еще берут цветы? Не с неба же они свалились!

Мирен долго смотрела на него. Ее сын. Маленьким она купала его, одевала, кормила с ложки кашей. И что бы он теперь ни сделал, сказала я себе, это мой Хосе Мари, и я должна его любить.

Пока крутился барабан стиральной машины, он сел поесть. И съел почти целый батон. Прямо зверь. Тут вернулся со своего огорода отец:

– *Kaixo*¹⁶.

– *Kaixo*.

Вот и весь разговор. Перекусив, Хосе Мари затолкал мокрую одежду в сумку. Сказал, что повесит сушиться у себя в квартире. В квартире?

– Сейчас я живу с друзьями на съемной квартире, это вон там, сразу как выедешь на шоссе, в сторону Гойсуэты.

Хосе Мари простился – сначала поцеловал мать, потом ласково похлопал по плечу отца. Схватил сумку, мешок и ушел – в тот мир, где были его друзья и бог знает кто еще, в мир, которого его родители не знали, хотя и находился он в том же поселке. Мать вспомнила, как выглянула в окно, чтобы проводить взглядом удаляющуюся фигуру сына, но на этот раз довести воспоминание до конца ей не уда-

¹⁶ Привет (*баск.*).

лось – Хошиан сдвинул велосипед с места, и блик на ободке погас.

9. Красное

Кошка снова принесла мертвую птичку. Воробья. Второго за три дня. Иногда она приносит хозяйке мышей. Известно, что таким образом кошки исполняют свой долг и делают вклад в семейный бюджет или демонстрируют благодарность за заботу. Уголек без малейшего труда взлетает по стволу конского каштана до той ветки, с которой можно допрыгнуть до одного из балконов четвертого этажа, а уже оттуда перебирается на балкон Биттори, где обычно и кладет принесенную в подарок добычу – прямо на пол или на землю в цветочный горшок. Если находит дверь открытой, то нередко оставляет свой дар и на ковре в гостиной.

– Ну сколько раз тебе повторять? Не смей таскать сюда эту дрянь!

Что, ей противно смотреть на мертвых птиц? Да, немного противно, но дело тут не в нелепых женских причудах. Хуже другое: подношения кошки наталкивают ее на мысли о насильственной смерти. Поначалу Биттори брала щетку и выметала их с балкона на улицу, но порой они падали на машины, оставленные у подъезда, и это, разумеется, никуда не годилось. Чтобы не ссориться с соседями, Биттори уже давно подхватывает мертвых животных на лопату и кидает в мусорное ведро, а потом несет за дом, где незаметно выбрасывает за кусты ежевики.

Как раз этим она и занималась, надев резиновые перчатки, когда раздался звонок в дверь. Шавьер взял за правило звонком предупредить ее о своем приходе, прежде чем войти, чтобы не напугать мать внезапным появлением.

Увидев ее в перчатках, он спросил:

– Ты занята уборкой?

– Я тебя не ждала.

Высокий сын, низенькая мать – они слегка потерлись щеками, стоя в прихожей.

– Я встречался с адвокатом. Дело ерундовое и заняло всего несколько минут. Но поскольку был здесь поблизости, решил заглянуть, а заодно и взять у тебя кровь на анализ. Тогда тебе не придется тащиться завтра в больницу.

– Ладно, только постарайся сделать не так больно, как в прошлый раз.

Шавьер, человек по характеру скорее молчаливый, сейчас, чтобы отвлечь мать, говорил о всяких пустяках. О прекрасных сонных глазах кошки, которая вылизывала лапы, лежа на кресле. О прогнозе погоды. О том, как подорожали в этом году каштаны.

– А чего тебе думать о цене каштанов при твоей-то зарплате?

Биттори сидела в гостиной с закатанным рукавом, положив руку на обеденный стол. Сейчас ей хотелось поговорить самой, а не слушать чужую болтовню. Была и тема, занимавшая все ее мысли, – Неряя.

Неряя то, Неряя се. Жалобы, обиды, претензии. Нахмуренные брови.

– Я говорю об этом тебе, потому что ты мой сын и мы с тобой друг другу доверяем. Ума не приложу, что с ней делать. Впрочем, и прежде никогда не знала. Принято считать, будто первые роды – самые тяжелые и для следующих дорога уже проложена. Но мне родить ее было куда тяжелее, чем тебя. Уж поверь, куда как тяжелее. Потом? Натерпелась я горя с этой девчонкой. А уж когда она подросла – сладу с ней и вовсе не было. Сейчас и того хуже. Я-то рассчитывала, что после того, что случилось с отцом, она образумится. Но из-за ее фокусов мне было еще труднее перенести это несчастье.

– Ты не права. На свой манер она переживала не меньше, чем ты или я.

– Понятно, что она моя дочь и мне негоже так говорить про нее, но чего ради я должна молчать о том, что чувствую, если, промолчав, чувствовать буду то же самое? С каждым днем она бесит меня все больше, еще немного, и я ее просто возненавижу. Я уже не в том возрасте, чтобы терпеть кое-какие ее выходки, понимаешь ты или нет? Прошло уже четыре дня, с тех пор как она уехала в Лондон с этим разгильдяем, своим мужем.

– Хочу тебе напомнить, что у моего зятя имеется имя.

– Ненавижу я его.

– Так вот, его зовут Энрике.

– Для меня его имя – Ненавижу.

Иголка легко попала в вену. Тонкая трубочка быстро окрасилась в красный цвет.

Красное. Шавьер, Шавьер, ты должен срочно ехать домой, что-то случилось с твоим отцом. И было понятно, что случилось что-то плохое. Эти слова – “что-то случилось с твоим отцом” – так и продолжают звучать у него внутри в бесконечном настоящем, которое резко выделилось из временного потока. Больше ему ничего не сказали, а он не посмел спросить, хотя уже понял по лицу коллеги, пришедшей к нему с этой вестью, а также по выражению лиц тех, кто встречался ему в коридорах, что с отцом случилось что-то очень серьезное, что-то очень красное, самое плохое. И ни о каком несчастном случае речи, разумеется, идти не могло. По пути к выходу из больницы он видел сумрачные лица и ужас/сострадание на них, а еще Шавьер встретил старого приятеля, который резко повернул назад, чтобы не ехать с ним в одном лифте. Значит, ЭТА. Пересекая площадку перед парковкой, он взвешивал три варианта прогнозов, они зависели от степени тяжести того, что произошло с отцом: трудности в движениях, всю жизнь в инвалидном кресле или гроб.

Красное. У него так дрожала рука, что он никак не мог вставить куда следует ключ зажигания. Ключ упал на пол, и пришлось нагибаться и шарить под сиденьем. Наверное, было бы правильнее взять такси. Включить или не включать радио? Он так торопился, что даже забыл снять белый халат. Говорил сам с собой вслух, проклинал красный свет свето-

форов, матерился. Наконец при виде первых домов поселка все-таки решился радио включить. Музыка. Он нервно крутил колесико. Музыка, реклама, какая-то ерунда, шуточки.

Красное. Дальше его не пропустила полиция. Он оставил машину за церковью. Черт с ним, пусть штрафуют. Шел сильный дождь, и Шавьер как мог быстрее перебежал дорогу. К тому времени он уже услышал новость по радио, хотя комментатор не имел точных сведений о состоянии жертвы. И еще неправильно произнес фамилию. Между гаражом и родительским домом Шавьер увидел лужу крови, уже разбавленной дождевой водой, одна струйка добралась почти до бортика тротуара. Он так спешил, так нервничал, что чуть не наступил на кровь. Полиции Шавьер назвался сыном. Чьим сыном? Никто не стал уточнять. Белый халат открыл ему дорогу, к тому же по его виду было настолько очевидно, что он приходится родственником тому, в кого стреляли, что ни один полицейский и не подумал поинтересоваться, куда он идет.

– Так вот, представляешь, она до сих пор мне не позволила.

– Может, звонила, да ты выходила из дому. Я вот звонил тебе и вчера, и позавчера. Никто не брал трубку. Отчасти поэтому я и забежал сегодня. Хотел убедиться, что с тобой все в порядке.

– Если ты так тревожился, то чего же не зашел раньше?

– А того, что я знал, где ты, то есть где ты провела послед-

ние ночи. Об этом, между прочим, знает весь поселок.

– И что еще они обо мне знают?

– Знают, что ты выходишь из автобуса на остановке у промышленной зоны и что потом идешь к дому, стараясь избежать случайных встреч. Мне об этом рассказал в больнице один человек, который тебя видел. Вот почему я, если честно, не очень беспокоился. Не исключено, что Неря не раз пыталась с тобой связаться. Я не собираюсь спрашивать тебя, что ты задумала. Это твой поселок, твой дом. Но предположим, ты хочешь во что бы то ни стало вернуться к событиям прошлого, тогда я буду благодарен, если ты согласишься держать меня в курсе дела.

– Это касается только меня одной.

Шавьер убрал в чемоданчик инструменты и пробирку со взятой у матери кровью.

– Я тоже часть той истории.

Он подошел к кошке, которая милостиво позволила себя погладить. Потом сказал, что обедать не останется. Сказал еще что-то. На прощанье поцеловал мать, а так как знал, что она обязательно выглянет в окно, то, прежде чем сесть в машину, поднял глаза и махнул ей рукой.

10. Телефонные звонки

Зазвонил телефон. Наверняка она. Биттори не сняла трубки, хотя для этого ей достаточно было лишь протянуть руку. Пусть себе звонит, пусть звонит. И она вообразила, как дочь со все растущим нетерпением повторяет на другом конце провода: мама, ответь, мама, ну ответь же. Нет, отвечать Биттори и не подумала. Через десять минут телефон зазвонил снова. Мама, ответь. Встревоженная нескончаемыми звонками кошка воспользовалась тем, что балконная дверь стояла открытой, и выскользнула на улицу.

Биттори танцевальным шагом подошла к фотографии Чато:

– Ты танцуешь, Чатито?

Еще несколько секунд – и телефон смолк.

– Это была она, твоя любимица. Как это, откуда я знаю? Ой, милый ты мой, ты вон разбирался в грузовиках, а я разбираюсь в том, что касается меня.

Нерея не присутствовала ни на отпевании, ни на похоронах отца.

– Даже если у меня случится альтигеймер, даже если я забуду, что тебя убили, или забуду собственное имя, клянусь, пока в моей памяти будет продолжать гореть хоть одна лампочка, я буду помнить, что она отказалась быть с нами, когда нам это было больше всего нужно.

За год до того девочка перебралась в Сарагосу, чтобы там продолжать учебу на юридическом факультете. В ее студенческой квартире на улице Лопеса Альюэ, которую она делила с двумя соседками, телефона не было. Биттори, приехав как-то раз навестить дочь, записала телефон бара, расположенного в нижнем этаже того же дома. На всякий случай. Мобильник? Насколько она помнит, тогда мало кто ими пользовался. К тому же прежде у Биттори не возникало необходимости срочно разыскивать свою девочку. А сейчас другого выхода не было.

Шавьер по ее просьбе – сама она под воздействием транквилизаторов, из-за шока и душевной муки не была способна связать даже пары фраз – позвонил в бар, объяснил, кто он такой, сказал, стараясь держать себя в руках, то, что следовало сказать, и назвал хозяину адрес своей сестры. Тот был очень любезен:

– Сию минуту кого-нибудь туда пошлю.

Шавьер: пожалуйста, пусть скажут сестре, чтобы немедленно позвонила домой. Потом еще раз повторил, что дело срочное, очень срочное. Причину такой срочности он объяснять не стал, как и просила мать. К тому времени и телевидение, и бесчисленные радиоканалы сообщили о случившемся. Шавьер и Биттори решили, что Нерая уже и без них узнала о трагедии.

Но она не позвонила. Проходили часы. Появились первые комментарии: дикое убийство, грязное преступление, хоро-

ший человек, мы осуждаем, мы заявляем свой решительный протест – и так далее. Смеркалось. Шавьер еще раз набрал номер бара. Хозяин пообещал, что снова отправит своего сына к девушке. Звонка не последовало. До следующего утра Нереза так и не объявилась. А когда наконец позвонила, молча дождалась, пока мать перестанет плакать, и причитать, и изливать душу, и подробно рассказывать срывающимся голосом, как все произошло, и только потом мрачно, но решительно заявила, что пока останется в Сарагосе.

Что? У Биттори мгновенно высохли слезы.

– Ты сядешь на первый же автобус и приедешь домой. Слышишь? Убили твоего отца, а ты там гуляешь себе спокойно и в ус не дуешь.

– Я не гуляю спокойно, *ama*. Мне очень горько. Я не хочу видеть мертвого *aita*. Просто не выдержу этого. И еще не хочу, чтобы мои фотографии появились в газетах. Не хочу ни с кем встречаться в поселке. Ты сама знаешь, до чего они нас ненавидят. Прошу, постарайся понять меня, постарайся.

Она говорила очень быстро, чтобы мать не смогла ее перебить и чтобы из-за плача, который рвался у нее из самой груди, не сорвался голос.

Она продолжала говорить, едва сдерживая слезы:

– Здесь, в Сарагосе, никто не связывает меня с отцом. Даже мои преподаватели. И это позволит мне жить нормально. Не хочу, чтобы на факультете шептались: гляди, это дочка того, которого убили. А если сейчас я приеду в поселок, ме-

ня начнут показывать по телевизору, и в университете все до одного узнают, кто я такая. Поэтому я остаюсь в Сарагосе, и ради бога, не считай меня бесчувственной. У меня душа разрывается на части, как и у тебя. Ради всего святого, позволь мне самой решить, как лучше справиться с горем.

Биттори попыталась настоять на своем, но Нерея повесила трубку. И в поселке появилась только неделю спустя.

Она все рассчитала по-своему. Почти никто в Сарагосе (ни соседи, ни ребята из их компании, ни товарищи по факультету) не знал, что она дочь жертвы ЭТА – последней, а потом уже и предпоследней, а потом и предпредпоследней. Знали подружки по квартире – только они, если, конечно, не проболтаются. Фамилия у нее довольно распространенная и часто звучит в самых разных обстоятельствах. Если кто спросит, не родственница ли она того предпринимателя из Гипускоа, которого убила ЭТА, она скажет, что нет.

Правда, еще до соседок по квартире об этом узнал один парень, Хосе Карлос. Он тогда заехал за ней, и они вместе отправились в ближайший бар, где договорились встретиться с другими студентами. Все вместе они наметили ближе к вечеру поехать на нескольких машинах на ветеринарный факультет, где устраивали какую-то вечеринку. Пока они шутили и смеялись, на нее и свалилось это известие, и она попросила Хосе Карлоса не оставлять ее одну, поэтому он, никому не сказав ни слова, проводил Нерею домой. Они заперлись в ее комнате. Парень пытался найти какие-то слова уте-

шения, но безрезультатно. Он долго клял на чем свет стоит и террористов, и нынешнее правительство, которое не принимает нужных мер, а потом по просьбе своей безутешной подруги остался у нее ночевать.

– А тебе и вправду этого хочется?

– Мне это очень нужно.

Но он заранее стал извиняться на случай, если у него ничего не получится. И все время повторял:

– Ведь убили твоего отца, черт побери, его убили.

Увлечясь эротической игрой он просто не мог, только изрыгал ругательства, а она тем временем старалась закрыть ему рот поцелуями. Где-то к полуночи она легла на него, и они кое-как довершили дело. Хосе Карлос продолжал что-то цедить сквозь зубы, возмущаться, чертыхаться и материться, пока наконец, сраженный усталостью, не повернулся на бок и не умолк. Неряя провела рядом с ним остаток ночи, не сомкнув глаз. Сидела у изголовья кровати, курила сигарету за сигаретой и перебирала воспоминания об отце.

Снова зазвонил телефон. На сей раз Биттори сняла трубку.

– *Ата*, ну наконец. Я уже три дня тебе звоню.

– Как там Лондон?

– Фантастика. Нет слов. А ты сменила коврик у двери?

11. Наводнение

Три дня шли проливные дожди – просто библейский потоп, что называется. Ночью, лежа в постели, Хошиан с тревогой прислушивался к яростному стуку водяных струй по крыше и по асфальту. А оказавшись у себя в литейном цеху, в течение рабочего дня то и дело выглядывал наружу и только качал головой со все растущим отчаянием. Потопки воды как занавесой закрывали ближние горы и сулили разлив реки. А огород? Что будет с его огородом, мать вашу так и разэдак? Хлещет и хлещет. Потом еще целых три дня лило без передышки.

На сам-то огород наплевать. Посажу все заново. Деревья? С ними ни черта не случится. Орешник? Тому все нипочем. Хошиана больше беспокоило, что будут испорчены садовые инструменты и что поднявшаяся вода снесет ограду и зальет клетки с кроликами. Он обсудил это с товарищем по работе.

– Забор надо было делать из цемента, тогда тебе ничего не было бы страшно.

Хошиан:

– Да черт бы с ним, с этим хреновым ограждением. Беда еще в том, что река наверняка унесла кучу земли. Как пить дать, там уже образовалась огромная яма. А то и целый овраг. И кролики, они точно утопли. А уж про виноградник лучше не говорить.

– Это из-за того, что ты устроил огород на самом берегу.

– Потому что там, мать твою, земля родит лучше.

После конца работы он прямо с завода отправился к себе на участок. А дождь? Лупил как бешеный. Пока Хошиан спускался вниз с холма – под зонтом, в сползшем набок берете, – увидел, что полиция перекрыла движение на мосту. Вода уже поднялась почти до парапета. Картинка что надо! А уж коли вода едва не залила мост, то что же она сотворила с его огородом? Он ведь расположен гораздо ниже. Хошиан пошел кружной дорогой. Одно дело, когда река разливается, и совсем другое, когда она не только разливается, но еще и вырывает все с корнем, утягивает за собой, разрушает. Хошиан надавил на кнопку звонка, потом сказал что-то, почти вплотную прижав рот к панели домофона, и ему открыли. И вот он уже в квартире своего друга, на балконе, выходящем на реку.

– Ты только погляди, туда-растуда! Ну и где он теперь, мой огород?

Стволы деревьев были похожи на тонущие лодки, их ветви то погружались в воду цвета кофе с молоком, то снова высовывались наружу. Проплыл, крутясь и подсакивая, ржавый бидон. Неслись с дикой скоростью пластиковые бутылки, а еще от взбесившегося потока поднимался жуткий запах – запах ила и взбаламученной гнили. И тогда друг, наверное, чтобы пригасить жалобы Хошиана, указал пальцем на противоположный берег:

– Вон, смотри, там мастерская братьев Аррисабалага. Эти теперь уж точно разорятся.

– Мои кролики, мать твою...

– Братьям это обойдется в копейчку.

– Сколько труда я туда угрохал. Ведь даже клетки сам делал. А сколько времени потратил!

Прошло еще несколько дней, ливни прекратились, вода спала. Хошиан шел по своему участку, и резиновые сапоги по середину голенища проваливались в раскисшую землю. Выдержали деревья, теперь покрытые грязью, и орешник тоже выдержал. И виноградник – благодаря чуду или своим крепким корням. Все остальное – хоть плачь. Забор, отделявший огород от реки, исчез вовсе, будто его и не было. Ничего не осталось ни от помидоров, ни от лука-порей. Ничего. С нижней части участка, примыкавшей к воде, унесло массу земли вместе со всем, что там росло, с кустами малины и красной смородины, погиб и уголок, засаженный каллами и розами. У сарая с одного бока не хватало досок, на крыше – шифера. Кролики так и лежали в своих клетках – облепленные тиной, раздувшиеся, мертвые. Куда подевались инструменты, один бог знает.

Теперь в свои свободные часы Хошиан сидел на диване, уперев локти в колени и опустив голову на руки. Статуя, воплощающая скорбь. Если его о чем-то спрашивали, он не отвечал.

– Дать тебе газету?

Молчание. Наконец Мирен не выдержала:

– Знаешь что, если ты так горюешь из-за своего огорода, пошел бы да и начал приводить его в порядок.

Хошиан послушно встал. Как будто не ожидал, что кто-нибудь велит ему сделать что-то подобное. Уже на следующий день он выглядел чуть более оживленным. Во всяком случае, снова пошел играть в карты со своими приятелями в бар “Пагоэта”. Из бара пришел довольный, почти в эйфории. Друзья присоветовали ему поставить между огородом и рекой бетонную стену.

– Слышь, это ведь и стоить тебе будет сухую ерунду, а?

За ужином – морской угорь в соусе и большой кувшин вина, разбавленного газировкой, – он рассказал Мирен, почесывая себе правый бок, как Чато сам предложил привезти ему грузовик земли, чтобы заменить ту, что унесло во время наводнения.

– И земля будет, надо полагать, хорошая, а? Из Наварры. Он использует свой грузовик и ничего с меня за это не возьмет.

Но прежде надо было возвести стену. А еще прежде – очистить участок. Слишком тяжело для него одного. А главное – когда? После работы?

Мирен:

– Ну, это уж ты сам соображай.

Потом посоветовала поговорить с сыновьями – может, они подсобят. Поэтому Хошиан не ложился спать, дожидая-

ьясь Горку, и сказал ему: Горка, воскресенье, сад, нужна помощь, ты с твоим братом – и так далее. Сын ничего не ответил. Очень уж он вялый, нерешительный. Отец, чтобы подбодрить его:

– А потом мы втроем отправимся в сидрерию и каждому закажем по чулетону. Ну что, договорились?

– Ладно.

И больше ни слова. Наступило воскресенье. Солнечное, но не жаркое, река опять спокойно текла в своем русле. Хошиан отказался от участия в очередном этапе соревнований по велотуризму, потому что если велосипед для него и много значит, то огород все-таки важнее. Огород – это религия. Именно такие слова он как-то раз произнес в “Пагоэте” в ответ на шутки друзей. Дескать, когда он помрет, пусть Господь не суется к нему со всякими там райскими кущами и прочей ерундой, пусть даст ему огород – такой, какой есть у него сейчас. И все засмеялись.

На улице:

– А ты сказал Хосе Мари, чтобы пришел к девяти?

– Нет, не сказал.

– А чего ж так?

И тогда сын ему сообщил, пришлось сообщить, другого выхода не было:

– Брат уже две недели как не живет в поселке.

Хошиан остановился, и вид у него был огорошенный.

– Так он же ничего нам не сказал. Мне, по крайней мере,

нет, не сказал. Про мать не знаю. Или вы с ней были в курсе? А я один ни сном ни духом? И где же он теперь живет?

– Мы понятия не имеем, *aita*. Думаю, уехал во Францию. Меня уверяли, что, как только появится малейшая возможность, он нас известит.

– А кто это тебя, интересно, уверял?

– Друзья из поселка.

Остаток пути до огорода они прошли молча. Но как только добрались до места, Хошиан вдруг спросил:

– Нет, ты мне все-таки скажи, ежели он теперь во Франции, то как, черт возьми, на работу ходит?

– Он бросил работу.

– Но ведь еще и срок обучения не кончился...

– Вот так.

– А гандбол?

– И его бросил.

Короче, трудиться им пришлось вдвоем, каждому в своей части огорода. Ближе к одиннадцати Горка сказал, что ему пора уходить. И на прощанье даже обнял отца – вот уж удивил! Они никогда с ним не обнимались, и вот теперь – с чего бы это?

Хошиан остался на участке один и не расставался с лопатой до обеда, убирая грязь и мусор. Тут и там помыл что-то из шланга, положил добытые из грязи инструменты сушиться на солнце. Франция? И какого хрена этот дурень потерял во Франции, скажите на милость? А если он не работает,

то чем кормится?

12. Стена

Стену они поставили. Кто они? Хошиан, Горка, который пообещал привести с собой друга, хотя тот так и не явился, и Гильермо (Гильермо!), бывший в ту пору еще симпатичным и отзывчивым зятем Хошиана.

Несколькими годами раньше Аранча на кухне:

– *Ата*, у меня есть парень.

– Да? Кто-то из поселка?

– Он живет в Рентерии.

– И как его зовут?

– Гильермо.

– Гильермо? Это не тот ли из гвардии?

Однако без помощи Чато ничего бы у них со стеной не вышло. Да и как бы они без него обошлись? Ведь Чато не только обеспечил им опалубку, но и добыл автобетономешалку. Хошиан так никогда и не узнал, сколько она ему стоила, не узнал и того, взял что-то за свою работу мужик, который с ней управлялся, или не взял. Чато сказал: не твоя забота, просто у той строительной фирмы был передо мной должок. Короче, Хошиану пришлось заплатить только за бетон. Он еще не успел привести в приличный вид свой участок и починить сарай, а новенькая стена уже радовала глаз, готовая выдержать любое наводнение, во всяком случае такое, по словам Чато, какое было в прошлом месяце.

Но возникла еще одна проблема: перед стеной осталась огромная яма – хоть пруд устраивай и рыбу разводи. Про рыбу это сам Хошиан сказал и даже представил себе одну размером с тунца. На что друг ответил: ну, с этим мы справимся. Чато выполнил обещание, данное еще в “Пагоэте”. Не сразу, но выполнил. Когда? Недели через две. Как только понадобилось отправить транспорт в Андосилью, в Наварру. Чато велел шоферу по дороге обратно привезти хорошей земли. По всей видимости, людям из Наварры Чато тоже оказывал какие-то услуги. Он много кому оказывал услуги. И Хошиан, понятное дело, был ему очень благодарен. Но если надо заплатить, он заплатит.

Опять проблема: землю вывалили, а дальше что? И Чато сам сел за руль. Земля была рыжеватая, покрасней, чем здешняя, и, видать, очень даже подходящая для посадок, но тут же выяснилось, что для такой ямы ее маловато.

Хошиан:

– Тут небось не меньше трех грузовиков нужно.

Выход: устроить террасы.

– Разделишь участок на два уровня, соединишь их ступенями или пандусом для тачки. Тогда, если снова будет наводнение, вся вода останется в нижней части. И если немного повезет, пострадает только половина огорода, а не весь, как в прошлый раз.

Чато, он сообразительный был, вечно что-нибудь да придумает. Это все признавали. К нему очень подходила старин-

ная поговорка: он, мол, хитрее голода. А вот Хошиана Бог смекалкой обделил. Ну ладно, какой есть, такой есть. Будь он побойчее, заделался бы партнером Чато на этой его транспортной фирме; только он тогда все сомневался, не хватило ему характера, да и Мирен разубедила. Бизнес – это для Чато. В поселке все жители так говорили, пока однажды ночью не появилось на стене: *TXATO ENTZUN PIM PAM PUM*, и тогда уж вообще перестали упоминать его в разговорах, словно никакого Чато здесь отродясь и не было.

Да, от недостатка идей Чато не страдал, но имелись у него и проблемы. Какие? А вот какие:

– Мне прислали еще одно письмо.

ЭТА, боевая организация, выступающая за баскскую революцию, обращается к вам с требованием внести двадцать пять миллионов песет в качестве взноса на поддержку вооруженных сил, необходимых для обеспечения революционного процесса в борьбе за независимость и социализм. Согласно собранной нашими службами информации...

и т. д.

Из-за этих писем он потерял сон.

Хошиан:

– Еще бы, кто бы на твоём месте не потерял. А семья?

– Они ничего не знают.

– Эх-х, так оно небось и лучше.

Чато не хотел их волновать, к тому же поначалу он ду-

мал – наивный человек, нет, до чего наивный! – что проблему можно решить быстро, как если бы речь шла о рядовой коммерческой сделке. Я плачу – и меня оставляют в покое. Письма, где вместо подписи стояли змея, обвившаяся вокруг топора, и символы ЭТА, приходили на фирму. Первое: миллион шестьсот тысяч песет. Никому ничего не говоря, он сел в машину и отправился во Францию, где ему назначили встречу с очередным сеньором Ошиа. Возвращался в поселок – словно груз с плеч скинул, всю дорогу слушал музыку. Идиотизм, конечно, но так оно все сложилось. Через несколько дней случился теракт, убили человека – безутешная вдова, сироты и заявления с протестами и проклятиями в адрес убийц. И Чато почувствовал укол вины: да пошли они все к растакой-то матери, ведь и его деньги могли быть потрачены на взрывчатку и пистолеты, а Хошиан ответил: да, он его понимает. Короче, Чато заплатил и решил, что на какое-то время – может, на несколько лет – его оставят в покое. Да, да. Но только не прошло и четырех месяцев, как ему прислали второе письмо.

– Теперь они просят двадцать пять миллионов. Это уж слишком, это уж черт знает что такое.

Хошиан:

– Такие штучки между своими, между басками, вытворять не годится.

– Вот скажи мне честно, неужели я похож на эксплуататора? Всю свою жизнь я и сам работал как проклятый, и людям

давал работу. Сейчас, например, у меня числится четырнадцать человек. И что мне делать? Хорошо, я переведу свое дело в Логроньо, а их всех выгоню на улицу – без зарплаты, без страховки, пусть стоят с протянутой рукой?

– Может, они ошиблись и отправили тебе письмо, которое писали кому-то другому.

– Я человек не бедный, нет, не бедный. А расходы у меня какие? Налоги туда, пошлины сюда, не буду перечислять, а то у тебя голова кругом пойдет, но сам можешь вообразить: ремонт, бензин, невыплаченные кредиты и хрен знает что еще, так что не думай, что я купаюсь в золоте. Искупашься тут, как же. Не знаю, что они себе думают. У меня вон машина та же самая, что и десять лет назад. Некоторые грузовики совсем уже никуда не годятся, а где взять денег на новые? Недавно попросил кредит, чтобы купить парочку. И вот ведь что мне обидней всего: кто-то из тех, кому я даю работу, пошел, видать, к террористам и доложил, что у этого, мол, денег куры не клюют. – Чато в отчаянии помотал головой, под глазами у него после бессонных ночей залегли темные круги. – И дело не во мне самом. Меня эта банда убийц не пугает. Пусть пристрелят – и готово дело. Мертвый, зато в мире и покое. Но они ведь упоминают в своем письме Нерею, место, где она учится, и прочие детали.

– Во черт!

– И это меня прямо сразило. А ты что бы сделал на моем месте?

Хошиан почесал в затылке, прежде чем ответить:

– Не знаю.

Они сидели в тени под смоковницей и курили, погода стояла хорошая, на камне замерла ящерица – грелась на солнце. Посреди участка стоял грузовик, увязший колесами в мягкой земле. С другого берега до них доносился непрерывный стук какой-то машины из мастерской братьев Аррисабалага.

– А как ты думаешь, те тоже платят?

– Кто?

– Аррисабалага.

Хошиан пожал плечами. Чато продолжил:

– Существует только три варианта. Либо ты платишь, либо перебираешься жить в другое место, либо пеняй на себя. Чего я никак не могу взять в толк, так это почему они привязались ко мне, если я уже заплатил, что просили, и заплатил без проволочек, сразу же.

– Я в таких вещах не разбираюсь, но, по мне, так тут произошла какая-то ошибка.

– Сказал же тебе, что они упомянули про Нерею.

– Ну, видно, послали тебе письмо, которое собирались послать на следующий год.

Стук-стук. Чато швырнул окурок на землю и придавил ногой:

– Мог бы я попросить тебя об одолжении?

– Все что угодно.

– Я вот о чем подумал. Хорошо бы мне потолковать с ни-

ми, с кем-нибудь из их самых главных или с тем, кто отвечает за финансы, чтобы объяснить им мое положение. Тот священник, с которым я в прошлый раз встречался, он только посредник. Может, уменьшат сумму или позволят заплатить частями. Понимаешь?

– Пожалуй, это хорошая мысль.

Стук-стук. Слышны были также птичий щебет и шум машин, проезжающих по близкому мосту.

– Мне нужно переговорить с Хосе Мари. Это и есть одолжение, о котором я тебя прошу.

Хошиан с удивлением на лице:

– А какое отношение имеет мой сын ко всему этому?

– Мне нужен кто-то, кто поможет мне выйти с ними на связь.

– Хосе Мари не член ЭТА. С чего ты взял? Кроме того, он уехал. Куда? А мы и сами не знаем. Хосе Мари у нас – балбес и лодырь. Он бросил работу, и Мирен говорит, что сын смылся отсюда, потому что решил помотаться по миру со своими приятелями. Может, он сейчас где-нибудь в Америке...

Стук-стук-стук.

13. Пандус, ванная, сиделка

Мирен сразу правильно оценила ситуацию. Если бы они жили не на первом этаже, пришлось бы менять квартиру и переезжать. Почему? Черт, да потому, что мы не смогли бы каждый день затаскивать и спускать Аранчу на инвалидной коляске по лестнице. Ты себе это только представь! А так всего три ступени отделяют площадку, куда выходит дверь их квартиры, от улицы и двери подъезда. Невысоко, конечно, но и с этими ступенями тоже проблема, долго им такого не выдержать.

– Тебя целыми днями нету дома, а у меня сил не хватает. Того и гляди грохнусь на улице с каким-нибудь приступом. Тогда что делать? Просить у прохожих помощи? Оставлять Аранчу у подъезда?

Короче, она велела мужу что-нибудь сообразить, и Хошиан, недолго думая, надел свой берет и отправился в “Пагоэту”, а оттуда, наслушавшись советов друзей, – в мастерскую к столярам, где и заказал пандус. Столяр, все хорошенько промерив, пандус изготовил, попробовал и установил. И в одно прекрасное утро соседи по подъезду обнаружили, что три четверти ширины их небольшой лестницы теперь заняты несуразным деревянным пандусом, который к тому же выдвигался еще примерно на полметра от нижней ступеньки вперед на покрытый плиткой пол подъезда, что-

бы спуск был более плавным. Хошиан и Мирен попробовали поднимать и спускать по нему коляску, сперва пустую, без Аранчи, потом уже и с ней – и оказалось, что отныне можно будет без труда вывозить дочку на прогулку.

Для прочих жильцов на лестнице оставался узкий проход, если, конечно, они не станут подниматься и спускаться по пандусу, как это уже делала ребятня, а именно это посоветовала Мирен тому, кто пожаловался, что такие переделки надо согласовывать с соседями:

– Слушай, а ты ходи по пандусу. Какая тебе разница?

Двойная проблема. Для соседей – что кто-нибудь поскользнется и сломает себе хребет. Для нас – что каждый раз, когда кто-то идет по пандусу, шаги слышны в квартире и ночью бывает невозможно уснуть. Хошиану в баре опять дали совет: пусть прибьет сверху ковровое покрытие. И как нам самим такое не пришло в голову раньше? Ведь тогда и не поскользнется никто и шаги будут приглушаться. Они затянули пандус ковровином, вернее, затянул один их приятель – сперва прилепил ковровин столярным клеем, а потом еще и закрепил гвоздями для прочности.

Хошиан озабоченно:

– Только пусть ноги вытирают. Даже подумать боюсь, во что это все превратится, когда на улице дождь пойдет.

Соседи роптать не стали, а может, просто решили не ссориться с семьей, у которой сын связан с ЭТА, во всяком случае, свое недовольство они оставили при себе, все, кроме од-

ного, по имени Аррондо, и жил он на третьем этаже с правой стороны. На самом деле это жена послала его, чтобы он потребовал немедленно убрать пандус. Лестница, мол, принадлежит всем; а ее мать, которой исполнилось восемьдесят восемь лет, не в состоянии там пройти – и так далее. Они с Мирен еще раньше поскандалили у церкви после мессы – прямо как две тигрицы: глаза злые, зубы стиснуты, губы выгнуты презрительной дугой. И в субботу Аррондо, человек неразговорчивый, но сильный, спустился к ним и сказал как припечатал: или они убирают пандус, или он сам его уберет, и пошли бы вы все на...

Дверь ему открыла Мирен. Хошиан спрятался на кухне.

– Ничего ты не уберешь.

– Не уберу, говоришь?

Между прочим, этот Аррондо, он хоть силой и не обделен, но не видит дальше своего носа. Не подумал, не прикинул последствий, послушался жены. Короче, снял он пандус и кинул в угол, где висели почтовые ящики. Ах ты так, Аррондо! Теперь пеняй на себя!

Потому что Мирен прямо в чем была, даже не сняв фартука, прямо в тапочках бросилась в таверну “Аррано”. Было еще утро, и люди там собраться не успели. Но хватило и двоих. Двадцати минут не прошло, как Аррондо вернул пандус на прежнее место. И больше никаких жалоб от него не было. Там пандус и стоит до сих пор, неказистый, зато удобный.

Хошиан: можно было бы все сделать и по-другому. А как

по-другому? Как по-другому, он и сам толком не знал, ну, потолковать с ним по-хорошему.

– Так чего ж ты не вышел и не потолковал, раз такой умный?

Но пандус на лестнице стал не единственной переменной, на которую им пришлось пойти, чтобы сделать жилье удобным для Аранчи. Ванную с туалетом они переделали целиком. И, честно сказать, даже сравнить нельзя с тем, что было раньше. Взявшись за это дело, они пользовались инструкциями, которые нашли в брошюре, которую им вручили в Центре реабилитации. Часть денег дал Гильермо. Мирен: еще бы, он же мечтал избавиться от нее как можно быстрее. Ага, вот вам ваша инвалидка, возвращаю, а я уже нашел себе другую, которая будет меня ублажать. Детей он оставил у себя. Мирен в церкви: святой Игнатий, молю тебя, накажи ты его, а уж каким способом, это тебе виднее. И еще верни мне внуков и вызволи Хосе Мари из тюрьмы. Если сделаешь мне все это, никогда больше ни о чем тебя не попрошу. Клянись, что не попрошу.

Короче, к тому дню, когда Аранча перебралась к ним, ванная у них была как в пятизвездочном санатории: душевая кабина без поддона и без ступеньки, чтобы туда легче было попасть. Что еще? Крепкие ручки, противоскользящий коврик, шаровой кран. Короче, все, как советовала директорша Центра реабилитации и как было прописано в брошюре.

Но, чтобы вымыть Аранчу должным образом, нужны бы-

ли все-таки два человека. Одна Мирен с этим никак не могла справиться, ведь Аранча, поначалу такая тощая, теперь растолстела и весила порядочно. А ее надо раздеть, усадить на специальный стул для душа, намылить, вытереть и снова одеть.

– Да ладно, чего ты мне объясняешь, я и без тебя это знаю.

И Хошиан, который торопился поскорее улизнуть в бар, чтобы поиграть там в карты, охотно согласился с тем, что придется нанять помощницу, потому что Мирен ни в жизнь бы не согласилась с тем, чтобы Хошиан видел/трогал/держал голую Аранчу, хоть он ей и отец. Об этом даже речи быть не могло.

Наутро заходит Хошиан на кухню – и что он видит? Небольшого росточка женщина с узкими, какие бывают у индейцев, глазками и длинными черными гладкими волосами, сверкая при улыбке двумя рядами белых зубов, почтительно его встречает, называет сеньором – сеньором! – и говорит:

– Доброе утро, сеньор. Меня зовут Селесте, к вашим услугам.

Она из Эквадора. Очень славная, а? И вежливенькая.

Хошиан ночью в постели:

– Откуда ты ее вытащила?

– Ну, порасспрашивала там да сям. Видел, какая она чисто плотная и старательная?

– Я спрашиваю, откуда ты ее вытащила.

– А я отвечаю: порасспрашивала людей в мясной лав-

ке. Хуани говорит: послушай, я знаю тут одних из Эквадора, женщина убирает квартиры совсем задешево. Живут они там, внизу, почти у самого моста. Муж что-то развозит на фургончике. Так мне сказала Хуани. А вчера, когда я гуляла с Аранчей, кое-что про эту женщину разузнала, и вот она здесь. Настоящее сокровище. Я рассказала ей, что один мой сын живет в Андалусии и что я езжу к нему раз в месяц. Селесте говорит, чтобы я не беспокоилась, что она присмотрит за Аранчей.

– И сколько ты ей собралась платить?

– Десять евро за каждый визит.

– Не много.

– Они бедные. Она и за это будет благодарна.

14. Последние посиделки

Биттори любила тосты с мармеладом и кофе без кофеина из аппарата, Мирен отдавала предпочтение шоколаду с чуррос. Хотя от них, от этих чуррос, только толстеешь! Ну и ладно. Все ли было между ними двумя хорошо? Даже очень хорошо, ближе подруг вообразить невозможно. Субботы они чередовали: в одну ходили в кафе на проспекте, а в следующую – в чуррерию¹⁷ в Старом городе. И всегда только в Сан-Себастьяне. Называли они его то Сан-Себастьяном, то Доностией¹⁸. Доностия? Ну, пусть будет Доностия. Они начинали разговор на баскском, переходили на испанский, потом снова на баскский...

– Скажи, а ты можешь себе вообразить, как бы оно все сейчас обернулось, если бы мы с тобой тогда ушли в монастырь?

И они смеялись. Сестра Биттори, сестра Мирен. И все в таком духе. Специально ради этих субботних встреч обе делали прически в парикмахерской, а потом сидели вдвоем и перебирали местные сплетни, с полуслова понимая друг друга, хотя часто трещали в два голоса. Ругали падко-

¹⁷ *Чуррос* – традиционный испанский десерт из заварного теста, их обжаривают во фритюре или выпекают; часто подаются в специальном заведении – *чуррерие*.

¹⁸ *Доностия (Сан-Себастьян)* – оба названия города имеют официальный статус.

го на женщин священника, перемывали косточки соседкам. Они всё между собой обсуждали – и домашние дела, и даже постельные. Волосатую спину Хошиана или не всегда пристойные ночные причуды Чато. Всё, оно и значит всё.

Но касались и другого:

– Мы знаем, что он во Франции, но где именно, непонятно. Наконец-то этот разгильдяй нам написал. Бедный Хошиан уже спать перестал от огорчения. Все спрашивает, за что на нас такая беда свалилась.

В ту субботу они угощались тостами с мармеладом. День выдался дождливый и ветреный. Кофейня была переполнена. У них имелось свое любимое место в углу, где можно было разговаривать без помех.

– Само письмо я тебе принести не смогла. Хосе Мари не велел никому показывать. Так и написал: чтобы мы сразу письмо порвали. Ну, я его – раз-раз, и все, – хотя мне письма было очень жалко, а как ты думала? Зато Хошиан прямо скандал закатил. Неужто, говорит, ты не понимаешь, что письмо можно восстановить, если соединить по кусочку. Ну, коли так, говорю, возьми и съешь его. А он схватил спички и сжег обрывки в кухонной раковине.

Письмо занесла вчера вечером подружка Хосе Мари – или как там их теперь называют. Потому что, по словам Мирен, эти нынешние молодые люди спариваются как кролики. Еще бы, сколько всяких средств появилось, чтобы не забеременеть. Она часто это повторяла. А Биттори ей поддакивала.

Обе были уверены: не повезло им – родились лет на тридцать раньше, чем следовало. Франко, священники, боязнь пересудов – и вообще, они в те времена были слишком наивными. Так, во всяком случае, подружки думали сейчас и, пока сидели в кофейне, все поглядывали на соседние столики – а вдруг кто-то рядом держит ушки на макушке.

– Почему, спрашиваешь, он не послал нам письмо по почте? Какая почта, об этом не может быть и речи. Они используют только свои каналы. Адреса отправителя там, разумеется, тоже не было. Так мы и не узнали, где он пропадает. Навещать их запрещено. А ведь еще несколько лет тому назад запросто можно было пересечь границу и повидаться, отвезти одежду и все, что нужно. Сейчас приходится соблюдать осторожность, потому как фашисты их повсюду выслеживают.

– А ты не боишься за него?

– Хошиан – да, он боится. Хошиан порой даже в бар не идет, все телевизор смотрит: вдруг фотографию Хосе Мари покажут. А вот я совершенно спокойна. Я знаю своего сына. Он умный и сильный. Сумеет за себя постоять.

Жуя тосты и прихлебывая кофе с молоком, Мирен наизусть цитирует отрывки из письма. Мы, мол, не должны обращать внимания на слухи. Люди говорят то, чего не знают. Тем более – на вранье газетчиков. Для него борьба за свободу нашего народа – это священный долг. А если кто начнет говорить родителям, будто он спутался с бандой преступни-

ков, пусть не верят, он все готов отдать за Страну басков, а также за права тех людей, которые любят жаловаться, но сами ничего не делают. В наших рядах много *gударis*¹⁹, пишет он. И с каждым днем их становится все больше. Это цвет баскской молодежи. И под конец: “Я вас люблю. Часто вспоминаю брата и сестру. Крепко целую и надеюсь, что вы мной гордитесь”.

Кошка бесшумно приближается. Запрыгивает к Биттори на колени и терпеливо ждет, пока ее погладят. Пальцы хозяйки проверяют, не слишком ли тесен ошейник, играют кошачьими ушками, касаются век, которые остаются закрытыми, так как кошке все это нравится. Биттори говорит, проводя ладонью по ее спинке и слушая, как кошка мурлычет: знаешь, я ведь тогда и взаправду сильно расстроилась, Уголек. В самом деле расстроилась. Из-за сына моей лучшей подруги, который бросил работу, ушел из команды по гандболу, оставил невесту – ну, или полуневесту, – чтобы присоединиться к банде головорезов, которая регулярно совершает убийства.

А что Мирен? Так вот, Уголек, раз уж ты сама меня об этом спросила, я тебе скажу, что думаю. В глубине души – и да простит меня Чато – я Мирен понимаю. Понимаю, почему она вдруг так переменялась, хоть и не одобряю. За время между двумя нашими встречами – в кафе на проспекте и следующей, в Старом городе, – моя подруга Мирен пере-

¹⁹ Здесь: борцы (*баск.*).

менилась. Да, вот так сразу стала другим человеком. Если говорить коротко, она приняла сторону сына. И у меня нет ни малейших сомнений, что до такого вот безудержного фанатизма ее довел материнский инстинкт. На месте Мирен я, возможно, вела бы себя точно так же. Разве можно отвернуться от собственного сына, даже если знаешь, что он творит зло? До тех пор Мирен совершенно не интересовалась политикой. А меня политика и тогда не интересовала, и сейчас не интересуется, а уж мужа моего тем более. Все мысли Чато были о семье, по воскресеньям – о велосипеде, в остальные дни недели – о его грузовиках.

Можно ли назвать их националистами? Да ни за что на свете. Ну, если только не считать того, что в день выборов они голосуют за здешних. Я, например, милый Уголек, никогда не слышала от них ни слова про политику. То же самое скажу про Аранчу, а может, и того не скажу. Младший? Ну, тот всегда был настоящим ангелом. Если честно, не верю я, чтобы они учили своих детей кого-то ненавидеть. Друзья, дурная компания – вот кто замутил мозги этому негодяю, вбил ему в башку идеи, из-за которых он разрушил жизнь многих и многих семей. И при этом наверняка считает себя героем. Говорят, он из самых упертых. Из самых упертых или из самых безмозглых. Он ведь понятия не имеет, с какого конца книгу начинают читать.

Ровно через неделю, в следующую субботу, я в первый раз заметила, как Мирен переменялась. После чуррос с шоко-

ладом мы с ней, как всегда, пошли к автобусной остановке. И что мы увидели? Очередную демонстрацию на бульваре. Ничего нового: плакаты, независимость, амнистия, *gora ETA*²⁰ и так далее. Людей довольно много. Два или три лица – знакомые, из поселка, дождь, зонты. И вместо того, чтобы уйти подальше от этой толпы, Мирен говорит мне: нука, пошли и мы. Схватила Биттори за руку, дернула, и они вдвоем оказались среди демонстрантов, именно что в самой середине. Мало того, Мирен вдруг начала во всю глотку выкрикивать те же лозунги, которые орали вокруг: “Это вы фашисты, это вы террористы!” А Биттори шла рядом с ней – слегка обескураженная, но все-таки шла рядом.

Тогда она еще ничего не знала. Чато ей ничего не рассказал. Вот так-то, Уголек. Эта упрямая башка, мой муж, решил все от меня скрыть. Чтобы защитить нас, как он потом объяснил. Хорошенькая защита! Нас ведь всех запросто могли взорвать, подложив бомбу.

Биттори впервые слышала о письмах от Мирен, а той рассказал Хошиан, узнавший о них от самого Чато, там, на огороде, в тот день, когда Чато привез ему грузовик земли из Андосильи. Мирен, конечно, и вообразить не могла, что ее подруга не в курсе дела.

– Встретиться с ним нет никакой возможности. Потому что, если бы мы могли с ним встретиться, давно бы уже сказали: слушай, поговорил бы ты со своими шефами, пусть

²⁰ Да здравствует ЭТА (баск.).

оставят наконец Чато в покое.

Биттори насторожившись:

– Оставить в покое моего мужа?

– Ну, это из-за тех писем.

– Из-за писем? Из-за каких писем?

– Ой, а ты разве ничего не знаешь?

15. Встречи

На могильной плите два белых, уже засохших пятна от птичьего помета, а одно побольше натекло на имена, выбитые на камне. Она с ненавистью подумала о проклятых голубях. Птичка, казалось бы, ну как из нее может столько дряни вывалиться? Здесь ведь сотни, тысячи – бог весть сколько – могил, так нет же, этим сволочным голубьям понадобилось сесть именно сюда, чтобы обгадить могилу Чато.

– Они тебе, что называется, удружили, дорогой. Это, наверное, принесет тебе удачу.

Вечно она со своими шуточками. А что еще ей остается делать? Изо дня в день растревлять собственные раны? Биттори, как смогла, с помощью сухих листьев и пучков травы, вырванной там и сям, очистила плиту. В остальном понадеялась на ближайший дождь. Это она прошептала, глянув на небо над городом, где маячило одно-единственное далекое облачко. Потом, как всегда, постелила на плиту кусок полиэтилена и платок.

– А я ведь теперь каждый день бываю в поселке. Иногда беру с собой еду, чтобы там разогреть. И знаешь, поставила на балкон герань. Да, ты не ослышался. Огромный красный куст – чтобы они знали, что я вернулась.

И еще она рассказала ему, что больше не сходит с автобуса у промышленной зоны. А позавчера – хочешь верь, хочешь

нет – я собралась с духом и зашла в “Пагоэту”. Времени было одиннадцать утра. Посетителей мало. На первый взгляд никого из знакомых. За стойкой стоял сын хозяина. Биттори уже несколько дней мучило желание заглянуть наконец, спустя столько лет, в бар. Сейчас ей даже пить не хотелось. Ни пить, ни есть, а если подумать как следует, то и любопытства особого не осталось, было что-то более сильное, бушевавшее у нее глубоко внутри.

– Ну теперь-то я и сама понимаю, в чем было дело.

На улицу долетал из бара привычный гул голосов, порой прерываемый смехом. Войти или нет? Она вошла. И сразу наступила тишина. В баре находилось около дюжины посетителей. Она не считала. И все они вмиг смолкли и отвели глаза. Куда они их отвели? А туда, где не было ее. Парень, который водил тряпкой между тарелочками с пинчос²¹, тоже не смотрел на Биттори. Ее окружало молчание. Агрессивное, враждебное? Нет, скорее в нем сквозили удивление и недоумение. Так ей, во всяком случае, показалось.

– Знаешь, Чато, такие вещи легко угадать.

Барная стойка имеет форму буквы L. Биттори села у самой короткой ее стороны, спиной к двери. Воспользовавшись тем, что на нее вроде бы не обращали внимания, она оглядела зал. Пол, покрытый двуцветной плиткой, вентилятор у потолка, полки с рядами бутылок. Если не считать каких-то мелких деталей, все было таким же, как всегда, как

²¹ *Пинчос* – испанская легкая закуска, часто – маленькие бутербродики.

прежде. Таким же, как тогда, когда она заходила сюда, чтобы купить своим маленьким детям мороженое на палочке. Незабываемое апельсиновое и лимонное мороженое из “Пагоэты” – которое представляло собой всего лишь замороженные в специальной форме напитки, с торчащей наружу палочкой, чтобы удобно было держать.

– Там почти ничего не изменилось, клянусь тебе. Столы, за которыми вы, мужчины, играли в карты, стоят на прежних местах, придвинутые к обшитым деревом стенам. Обеденный зал – в глубине. Туалет – вниз по лестнице. Правда, нет больше ни настольного футбола, ни машины с шариками, которая так ужасно грохотала, зато есть игровой автомат. Больше ничего нового я там не обнаружила. Да, еще на барной стойке стоит кружка, куда кладут деньги для заключенных. На стенах – футбольные афиши и реклама кризисов вместо прежних афиш боя быков, вот и все. У меня содалось впечатление, что баром сейчас управляет сын.

Наконец он подошел и к ней:

– Что желаете?

Ей хотелось встретиться с ним взглядом, но не тут-то было. Парню было лет тридцать с небольшим. Серьга в ухе, волосы на груди, торчащие из-под расстегнутой сверху рубашки. Он продолжал орудовать тряпкой, но теперь не там, где прежде, на расстоянии двух-трех метров от Биттори, а прямо у нее перед носом. Она спросила, только чтобы заставить его заговорить, есть ли у них кофе без кофеина из аппарата.

Есть. Остальные посетители вернулись к своим разговорам. Биттори не узнавала их лиц. Хотя вон тот, с седыми волосами, это, случайно, не...

– У меня нет ни малейшего сомнения, что все они думали об одном и том же. Здесь жена Чато. Когда я выходила, мне страшно хотелось обернуться и спокойно сказать им с порога: да, я Биттори, ну и что тут особенного? Разве мне запрещено находиться в моем родном поселке?

Нельзя показывать свои переживания. Нельзя плакать на людях. Надо прямо смотреть им в глаза, как в объектив фотокамер. Она поклялась вести себя только так, еще когда стояла в танатории перед гробом Чато.

– Сколько я вам должна?

Бармен сказал, но так и не поднял на Биттори глаз. Чтобы не рыться в кошельке, она протянула ему бумажку в десять песет. Дожидаясь сдачи, переместилась ближе к углу буквы L. Там она и стояла. Что? Да кружка же! С приклеенной спереди надписью: “*Dispersiorik ez*”²². Биттори жгло изнутри безумное желание, которое опускалось сверху по левой руке до локтя, до кисти, до мизинца. Только бы они не увидели, только бы не увидели. Почти против собственной воли она вытянула палец и провела ногтем по нижнему краю кружки. Всего полсекунды – и Биттори отдернула палец, словно кос-

²² Букв.: “Нет рассеянию” (баск.). Протест против того, что осужденные баскские боевики, как правило, отбывали наказание в тюрьмах, расположенных далеко от Страны басков.

нулась огня.

– Только не проси, чтобы я тебе объяснила, зачем это сделала. Я и сама не знаю. Как-то само собой получилось.

Она вышла на улицу. Синее небо, машины. И еще не дотя до угла, увидела ее.

– И поначалу даже не узнала.

Но когда поняла, кто это... Господи! Я застыла как вкопанная, так это меня поразило. А еще я почувствовала что-то вроде боли в груди. Как говорится, не могла ни охнуть, ни вздохнуть.

Они продолжали свой путь, а Биттори так и стояла столбом. Словно вросла в землю. Но разве...

– Подожди, сейчас я тебе все расскажу.

Биттори шла по солнечной стороне улицы. По противоположной стороне спускались какие-то люди, среди них низкорослая женщина с узкими, какие бывают у андских индейцев, глазками. Из Перу, наверное, или откуда-то оттуда. Так вот, эта перуанка толкала перед собой инвалидную коляску, а в коляске сидела женщина – голова чуть склонена набок, одна рука прижата к телу, словно разжать руку ей было не под силу. А вот другой рукой она двигала вполне свободно.

– И только тут я сообразила, что она подает мне знаки. Женщина мотала рукой на уровне груди, словно здороваясь со мной. И смотрела на меня, но не прямо. Не знаю, как тебе лучше объяснить. Лицо повернуто, улыбка во весь рот,

но перекошенная, так что в уголке губ даже появилась капля слюны, глаза прищурены. С первого взгляда узнать ее было никак невозможно, клянусь тебе. Казалось, все ее тело сотрясают судороги, понимаешь? Так вот, это была Аранча. Ее парализовало. Не спрашивай, как с ней такое случилось. Однако перейти улицу и спросить ее я, само собой, не решилась.

Биттори в точности не поняла, то ли Аранча таким образом здоровалась с ней, то ли звала подойти. Женщина, которая ее везла, ничего не заметила, занятая инвалидной коляской. Шли они под горку, не торопясь, а Биттори, искренне огорчившись, все продолжала стоять на том же месте, пока они не скрылись из виду.

– Вот, Чато, я рассказала тебе и об этом. Ну, что тут скажешь? Грустно. Аранчу я всегда считала самой лучшей в их семье. Испытывала к ней слабость, еще когда она была совсем маленькой. Самая разумная и нормальная среди них и единственная, как я тебе уже однажды сообщила, кто выразил сочувствие мне и моим детям.

Сложив и убрав в сумку кусок полиэтилена и платок, Биттори пошла к кладбищенским воротам. По дороге она не разворачивала то туда, то сюда, правда, так, чтобы ни с кем ненароком не столкнуться. Почти в самом конце пути она увидела в промежутке между двумя могилами голубку с голубем, который, раздувшись, ее обхаживал. Кыш! Биттори спугнула птиц, сильно топнув ногой.

16. Воскресная месса

Колокол у них один, но ранним утром по воскресеньям он звучит не так, как в обычные дни. Воскресные удары сменяют друг друга немного устало, а не сварливо и понукающе и словно задают особый, ленивый ритм: люди – бум! – уже восемь – бум! – если желаете – бум! – можете оставаться в постели – бум! – мне все равно.

К этому времени Хошиан уже три четверти часа крутил педали по местным дорогам. Куда он направился, что сказал жене? Да какая разница. В самую глубину провинции Гипускоа, в какой-нибудь бар, где подают яичницу с хамоном, это уж к гадалке не ходи. Каждый этап в их клубе велотуризма заканчивается тарелкой яичницы с хамоном, а потом можно и домой поворачивать.

Итак, восемь. Звонок в дверь совпал с одним из последних ударов колокола, и Мирен, еще не причесанная, в ночной рубашке, впустила свою помощницу Селесте, которая со свойственной ей любезностью (и не в первый раз) купила им к завтраку половину свежего батона.

– Ох, милая, да зачем же ты себя утруждала!

Вдвоем им легче посадить Аранчу в инвалидную коляску. На Мирен приходится голова и верхняя часть тела. Но сперва – и это уж непременно – она поднимает жалюзи и говорит

дочери всякие ласковые слова на баскском: *egun on, polita*²³, – и так далее. Селесте вторит ей, но уже со своим андским акцентом: *egun on*, – и готовится взять Аранчу за ноги.

Как только они подступают к больной, Мирен то и дело дает распоряжения: хватайся, подтягивай, поднимай, подхватывай, опускай, – но вовсе не для того, чтобы показать, кто тут главный. А зачем же тогда? А затем, что она страшно боится, как бы они не уронили Аранчу, и хотя ничего подобного до сих пор не случилось, она таращит глаза, суетится, и нередко сиделке приходится успокаивать хозяйку:

– Тише, тише, Мирен. Вот сейчас, вот так мы ее аккуратненько и поднимем.

Наконец они посадили Аранчу на коляску. Как обычно. Потом Селесте идет впереди, открывая перед коляской двери. При поддержке двух женщин Аранча встает на ноги. Ноги у нее достаточно сильные. В чем же тогда проблема? В конской стопе. Доктор Уласиа уверенно обещала, что какое-то время спустя Аранча, опираясь на палку или при посторонней помощи, сможет сделать несколько шагов, и вовсе не исключалось, что когда-нибудь больная будет способна самостоятельно передвигаться по дому.

Аранчу посадили на унитаз. Затем – на специальный стул в душевой кабинке. Селесте взялась намыливать ее, а под конец вытерла полотенцем, потому что у нее это получается лучше, потому что у нее больше терпения и еще – как бы

²³ Доброе утро, красавица (*баск.*).

лучше объяснить? – потому что она мягче, о чем Мирен вроде как и не догадывалась, пока однажды Аранча не написала ей на своем айпэде: “Хочу, чтобы меня всегда мыла под душем Селесте”.

– Почему это?

И снова текст на экране: “Ты это делаешь очень грубо”.

Голоса у Аранчи нет. Иногда можно по губам угадать какое-то беззвучное слово, которое лицевые мускулы изо всех сил стараются вытолкнуть наружу, можно уловить какие-то попытки связной речи, только вот дистанцию между этими попытками и произнесением внятных звуков Аранча никак не может одолеть. Тем не менее ее надо непременно подбадривать и поощрять похвалами. Так советует физиотерапевт, так советуют невролог и директор Центра реабилитации, а также логопед:

– Хвалите ее, Мирен. Все время хвалите. Хвалите Аранчу за любую попытку говорить или самостоятельно передвигаться.

Вдвоем они – Мирен (держи лучше, встань туда, осторожней) и Селесте – вытерли и одели Аранчу. Потом Селесте причесала ее, а мать тем временем взялась готовить завтрак. Причесывать Аранчу легко, так как волосы у нее коротко подстрижены. Подстригли их в больнице, ни у кого не спрашивая разрешения. А как больная могла воспротивиться этому в те дни, когда веки были единственной частью ее тела, способной двигаться? Потом Селесте ушла домой,

потом пробило десять, потом – одиннадцать.

– Ладно, нам с тобой пора идти к мессе.

Аранча поспешно вынула из чехла айпэд.

Мать:

– Уймись, я и так знаю, что ты хочешь мне сказать.

Аранча и на самом деле пишет то, что матери давно известно: “Я не верю в Бога”.

– Давай не будем начинать все сначала. Не желаешь – не молись. Сама прекрасно знаешь, что одну тебя я тут не оставлю, но и лишать себя воскресной мессы из-за твоих капризов не собираюсь. А тебе вечные муки в любом случае обеспечены, хоть в церкви сиди, хоть дома.

И отняла у нее айпэд. Потому что они могут опоздать, сказала Мирен. Вот так – сердитая мать, сердитая дочь – они и двинулись в путь. Причина спешить у Мирен имелась. Ведь если не прийти в церковь вовремя, кто-то может занять ее место – на самом конце скамьи рядом с колонной. Перед колонной, сбоку от себя, Мирен ставит инвалидную коляску. Тогда коляска не перегораживает проход и никому не мешает, к тому же и от сквозняков Аранча закрыта, а сама Мирен может сколько угодно, не вытягивая шеи, беседовать со статуей святого Игнатия Лойолы, которая стоит там же. Где именно? В середине стены на подставке. Если признаться честно, Мирен, как правило, не особенно прислушивается к тому, что говорит священник, кроме того, мессу она и так знает наизусть. А вот разговаривать со святым Игнати-

ем, давать ему обещания, предлагать что-то в обмен на помощь, молить о чем-то и за что-то упрекать (случается, она даже устраивает святому нешуточные разносы) – это для нее очень важно. Святому Игнатию она доверяет вдвое больше, чем Хошиану.

Мирен ни за что не согласилась бы сесть с Аранчей в передние ряды. Вот уж это никогда. И до сих пор краснеет, вспоминая то давнее воскресенье. Ужас, до чего стыдно. В первый раз она никак не могла сообразить, куда лучше поставить инвалидную коляску. В главном проходе? Людям будет не пройти. Тогда Мирен и села впереди, решив, что, раз там нет прохода, значит, коляска никому не помешает. Господи, знала бы она! Аранча тогда только-только выписалась из больницы, и мать еще надеялась на чудо. Ведь взял же Иисус за руку дочь Иаира и сказал: “девица, тебе говорю, встань”²⁴. Надеялась, что случится нечто в том же роде, только не с мертвой девицей, а с парализованной Аранчей. Ради этого можно было стерпеть, что дон Серапио поприветствовал их прямо в микрофон, перед тем как начать служить мессу, да, в микрофон, а потом, уже во время проповеди, сослался на историю Аранчи как на пример бесконечной доброты Господа Нашего. Но и в этих словах Мирен не увидела ничего дурного. В церкви было довольно много народу, все знакомые, так что, если они с дочерью найдут здесь немного утешения или поддержки и почувствуют себя в центре вни-

²⁴ Мк. 5:35–43.

мания, что тут плохого, а? Еще поглядим, вдруг эта наша неверующая вновь уверует?

Между тем подошло время причащения, и как вы думаете, что сделал дон Серапио? Вот уж настырный тип! Он торжественно спустился по трем ступеням, которые отделяют алтарь от скамей для прихожан, подошел к Аранче и очень ласково, очень серьезно и даже с волнением дал ей причаститься (вложил хлеб в рот). Иисус, Мария и Иосиф! Да она ведь даже не исповедалась! Да она и в Бога-то не верует! Того и гляди эта упрямая девка возьмет и выплюнет облатку, с нее станется. А если облатка застрянет в горле? Тогда что делать? Короче, уже после мессы по дороге домой Аранча вдруг открыла рот – там облатка и была, прилипшая к языку, размякшая, – святой хлеб, вот счастье-то. Ну и как теперь прикажете поступить с телом Христовым? А вот как: Мирен осторожными пальцами подцепила влажную облатку и сунула в рот себе. Застыв посреди тротуара, закрыла глаза и сбивчиво пробормотала молитву – это стало ее вторым причащением за тот день. А что еще ей оставалось делать?

Сегодня их обычное место занято не было. Игнатий, сделай то, Игнатий, сделай это. Мой бедный-несчастный Хосе Мари так далеко, а ведь все его преступление состоит в том, что он боролся за Страну басков, ты-то это знаешь, Игнатий. И вот еще дочка – сам можешь на нее полюбоваться, хороша, правда? А младший сын носу в родительский дом не кажет и не звонит.

Тем временем Аранча спала в своем кресле рядом с матерью или делала вид, что спит, – в знак протеста. Злитесь небось на меня. А так как крикнуть она не может... Ну, увидят ее здесь, и что с того? Благословение Господа нашего, Отца, Сына и Святого Духа снисходит на вас. Месса для Мирен пролетела будто в одно мгновение. Она подождала, пока люди выйдут из церкви. До чего же нерасторопные, черт их побери. Когда церковь опустела, подошла к ризнице. А как же Аранча? Да ладно, никакой трагедии не случится, если и посидит пять минут одна.

Мирен сразу взяла быка за рога:

– Я из-за нее вся извелась, падре. Ночами спать перестала. И чует мое сердце, доведет она нас до беды, как пить дать доведет. Мы ведь сами жертвы этого государства, а теперь стали еще и жертвами жертв. Со всех сторон нам достается.

Наконец Мирен изложила священнику свою просьбу. Пусть падре сходит к той и поговорит; пусть выяснит, чего ради она каждый божий день приезжает в поселок; пусть убедит ее сидеть в своем Сан-Себастьяне и к нам сюда носа не совать.

Священник, любивший, что называется, распускать руки, приобнял Мирен и обдал своим нечистым дыханием:

– Не беспокойся, Мирен. Я этим непременно займусь.

17. Прогулка

Очень славно – а разве нет? – иметь сына, который, несмотря на кучу дел, и очень важных дел, готов посвятить матери утро рабочего дня. Вот он, явился – тщательно одетый, хотя ботинки, конечно, к этому костюму никак не подходят. Вкуса у него, то есть того, что называется вкусом в одежде, нет и в помине. У кого-то сыновья становятся террористами. А у меня сын стал врачом. И я имею право об этом говорить, потому что это правда. Сорок восемь лет, хорошее положение, собственный дом... Правда, ни жены, ни детей до сих пор не завел. Один, вечно один. И даже путешествиями, как его сестра, не увлекается. Вот я и спрашиваю себя: а счастлив ли он, радуется ли его хоть чем-нибудь жизнь?

Мать и сын обменялись поцелуями под часами у пляжа Ла-Конча, где заранее условились встретиться. Он предложил ей заглянуть в кафе гостиницы “Лондон”. Она: ни за что. Такая дивная погода, а он собрался сидеть в закрытом помещении? Шавьер покрутил головой по сторонам, словно желая убедиться, что мать права. Действительно легкие облачка на горизонте, мягкий ветерок и приятная осенняя температура так и манили прогуляться.

– А куда тебе хочется?

– Пойдем вон туда.

И Биттори мотнула подбородком в сторону бульвара Мираконча. Она не стала ждать согласия сына, а сразу двинулась в том направлении, и Шавьер покорно пошел рядом.

– Интересно, как оно так получилось, что ты до сих пор не нашел себе женщину? Никак не могу этого понять. Внешне ты мужчина вполне привлекательный, у тебя престижная работа. Что еще надо? Денег достаточно. Да бабы должны толпами за тобой бегать!

– А я не оборачиваюсь.

– Послушай, не прими за обиду, но, может, тебя мужчины интересуют, а?

– Меня интересует моя работа, в первую очередь работа. Помогать пациентам, лечить больных и так далее.

– Не увиливай.

– Не гожусь я для семейной жизни, *ата*. Вот и все. Как не гожусь для занятий скульптурой или для регби, но о моем отношении к этим видам деятельности ты почему-то не спрашиваешь.

Она взяла его за руку повыше локтя. Мать, которая, прогуливаясь по бульвару, с гордостью показывает окружающим своего сына. Слева – поток машин, а еще – едущие в двух направлениях велосипедисты, и пешеходы, и люди в спортивных костюмах, увлеченные бегом. Справа – залив, море, привычная водная роскошь в сине-зеленых тонах, которая так радует взор: барашки, волны, лодки, бескрайний морской горизонт.

Накануне они разговаривали по телефону, поэтому Биттори известно, что Шавьер уже навел справки у знакомых врачей и может поделиться с ней результатами своих расспросов, она только не знает какими. Ну, давай, говори же, больше она терпеть такую неопределенность не могла.

– Прежде всего должен тебя предупредить, что делаю это в последний раз. Разглашение информации, касающейся пациентов, то есть врачебной тайны, может стоить мне работы. В данном случае я обратился к одной своей коллеге, человеку надежному, она-то мне и помогла, навела справки. Но в таких вопросах надо действовать с большой оглядкой.

Мать: ну хватит крутить, пусть наконец скажет, что ему удалось по ее просьбе разузнать. Они продолжают идти (море, белые перила, гора Игуэльдо вдали), и тут он говорит, что:

– Два года назад у Аранчи случился удар. Не спрашивай, при каких обстоятельствах, потому что такую информацию мне получить не удалось. В бумагах написано, что ее поместили в отделение интенсивной терапии больницы в Пальма-де-Майорка, из чего можно сделать очевидный вывод: она отправилась на остров в отпуск, и там с ней это произошло. Ситуация, поверь мне, была крайней тяжелой. У Аранчи было то, что мы называем синдромом “запертого человека” – из-за закупорки или сдавливания ветвей базилярной артерии.

– Сразу видно, что ты врач и по-человечески говорить ра-

зучился.

– Подожди, не дергайся, сейчас я все тебе объясню. Эта артерия образована в результате слияния позвоночных артерий, и от нее зависит снабжение кровью задней части головного мозга. Поражение этой зоны способно лишить все тело подвижности. Что с Аранчей и случилось, понятно? Мозг становится пленником парализованного тела. И человек, хоть все слышит и понимает, теряет способность реагировать. Может лишь двигать глазами и поднимать или опускать веки.

Это надо же! Из всей их семьи Биттори в последнюю очередь пожелала бы чего-нибудь плохого Аранче. Однажды Биттори шла по улице. Аранча к тому времени уже вроде бы вышла замуж за парня из Рентерии. Или нет? Да, вышла, но детей у них еще не было. И Чато к тому времени уже перестал участвовать в соревнованиях по велотуризму и не ходил в “Пагоэту” играть с друзьями в карты, а это сильно расстраивало беднягу, хотя он потом и говорил: ладно, бывают вещи и похуже. Уже появились надписи на стенах. Одна из них: *ТХАТО ТХИВАТО*. Это надо же: “Чато стукач”. Думаю, они это для рифмы придумали, но главное – чтобы очернить его и запугать. Так оно все и складывается: кто-то один делает сущую мелочь, другой добавляет еще немного, и когда случается несчастье, к которому привели их общие усилия, никто не чувствует себя виноватым, потому что: я только надписи на стенах делал, а я только сообщил, где он живет,

а я только сказал ему несколько обидных слов, но, имейте в виду, это были всего лишь слова – промелькнули в воздухе и испарились. А ведь тогда как-то вдруг и сразу многие жители поселка перестали с ними здороваться. Только здороваться? Если бы! В их сторону и смотреть-то перестали. Даже те, с кем они дружили всю жизнь, даже соседи, даже некоторые дети. А эти невинные души, скажите на милость, что могли знать? Ну, они, само собой, слышали дома разговоры родителей. Итак, с Аранчей Биттори столкнулась на улице. Но девушка не стала понижать голоса. Очень громко с ней заговорила. И любой, кто находился поблизости, мог бы ее услышать:

– То, как с вами здесь обходятся, подлость. Я с этим не согласна.

Ничего больше она не сказала. И не стала ждать ответа. Правда, не поцеловала Биттори в щеку, как всегда делала в былые времена. Зато в знак поддержки похлопала по плечу, прежде чем пойти дальше своей дорогой. Да, она выразилась приблизительно так. Может, чуть иначе, ведь память порой нас подводит. Но в любом случае лицо у нее было самое дружелюбное, и Биттори никогда этого не забудет. Чтобы я забыла? Нет, скорее умру, чем забуду.

– Аранчу доставили в больницу Пальмы в очень тяжелом состоянии, потребовалось провести трахеотомию, применить аппарат искусственного дыхания и прочее, хотя сейчас нет никакой необходимости все это перечислять, пото-

му что вряд ли тебе так уж хочется знать такие подробности. Достаточно сказать, что в то время Аранча не могла сама ни дышать, ни говорить, ни, разумеется, принимать пищу. Короче, ее жизнь целиком и полностью зависела от посторонней помощи.

Чато убили дождливым днем всего в нескольких метрах от подъезда их дома. И священник, хитрая бестия, настойчиво советовал Биттори отпевать его в Сан-Себастьяне. Как это? Туда, мол, придет больше народу. На что она ответила: об этом не может быть и речи, мы местные, нас крестили в поселке, венчали в поселке, и здесь, в поселке, моего мужа убили. Священник сдался. Он отслужил заупокойную мессу, и колокол отзвонил по новопреставленному. Местных жителей в церкви было совсем немного. Несколько политиков из числа конституционалистов, несколько родственников, специально приехавших по этому случаю, и мало кто еще. Люди с его фирмы? Ни одного. В проповеди не прозвучало даже намек на убийство. Трагическое событие, всех нас потрясшее... Аранчу Биттори в церкви не видела, но Шавьер говорил, что она сидела вместе с мужем в задних рядах. Выразить свои соболезнования они не подошли, но на отпевании присутствовали, не то что другие. И это Биттори тоже не забывает.

Между тем мать с сыном дошли до туннеля в районе Антигуо – и что дальше? Решили возвращаться. Шавьер продолжал рассказывать о болезни Аранчи, правда сильно все

упрощая, чтобы было понятнее. Биттори с задумчивым видом куда-то смотрела – взгляд ее улетел за пределы города, за горы и за далекие и редкие облака. Она наблюдала там картины, которых не видела никогда раньше и которые сейчас возникли перед ней в первый раз: Аранча, утыканная трубками, Аранча, говорящая да или нет с помощью одних только век. Что ж, они это заслужили. Хотя нет, не так: Аранча этого не заслужила, уж она-то ни в коем случае этого не заслужила.

– *Ата*, кажется, ты меня не слушаешь.

– Ты зайдешь ко мне пообедать?

– Нет, не смогу.

– У тебя свидание? И как же зовут эту счастливицу?

– Ее зовут медицина.

В лучшем случае, по словам Шавьера, Аранча сможет когда-нибудь передвигаться по дому, но с чьей-либо помощью или опираясь на палку. Но ест она сейчас самостоятельно, хотя нельзя оставлять ее при этом без присмотра. Нельзя исключать в будущем и фонацию.

– Исключать что?

– Что она сможет пользоваться голосом.

Однако, как бы Аранча ни старалась восстановить здоровье (а она, как говорят, действительно старается), Шавьер не верит, что больная когда-нибудь вернется к тому, что называют нормальной жизнью.

Они уже собирались разойтись, так как дошли до часов

Ла-Кончи. И тут Биттори спросила:

– А ты ничего не хочешь сказать мне про результаты моего анализа крови?

– Да, кстати... Очень хорошо, что ты напомнила. Чуть не забыл. Кое-какие показатели мне там не слишком нравятся, и я попросил Арруабарену всерьез тебя обследовать. А в остальном ты у нас крепкая как дуб.

Они поцеловались на прощанье. Мимо проезжали велосипеды, коляски с младенцами, вокруг прыгали городские воробьи.

– А этот Арруабаррена, он кто?

– Мой друг и один из лучших наших специалистов.

Она смотрела, как сын уходит. Но знала, чувствовала, что через несколько шагов он обернется. Из любопытства, по привычке, чтобы проверить, как она. Так и случилось. Биттори, которая продолжала стоять на том же месте, строгим голосом спросила:

– Он онколог, правда?

Шавьер кивнул. И постарался изобразить лицом, что ничего страшного это не означает. Он шел между двумя рядами тамарисков, слегка сгорбившись, наверное, потому что из-за своего высокого роста привык смотреть вниз, разговаривая с людьми. Кто бы мог поверить, что такой мужчина до сих пор остается холостяком. Неужели причина в том, что он не умеет одеваться со вкусом?

18. Отпуск на острове

Что ж, такие вещи происходят потому, что должны произойти, или, как говорила ее мать, потому что так захотел Господь Бог или так захотел святой Игнатий во исполнение Божьей воли. Какая злая судьба, и почему это случилось именно со мной... И так далее. В голове у нее накопился уже целый набор похожих жалоб на павшие на ее голову беды и невзгоды (ха-ха-ха, не будь циничной, девушка). Однажды она написала на айпэде своему невеселому братцу Горке – или просто напуганному? – что, раз он стал писателем, пусть расскажет также и ее историю. У Горки в глазах сразу вспыхнула тревога, и он поспешно ответил, что нет, что он сочиняет только книги для детей. Аранча снова показала ему экран: “Когда-нибудь я сама напишу об этом и все расскажу”. Она не в первый раз обещала – в виде угрозы? – сделать это.

Мирен обычно выходила из себя:

– Да, напишешь ты, как же, тоже мне писательница нашлась! Сначала зубы научись сама чистить. А главное – для чего? Чтобы рассказать всем и всякому, какие несчастья свалились на наш дом?

Аранча смотрела из своей инвалидной коляски на родителей (кухня, воскресенье, жареная курица) и понимала все лучше (не много ли ты на себя берешь, девушка?), чем мать с отцом, вместе взятые. Вот уж семейка так семейка! Вар-

вары, одно слово варвары. Отец, сильно постаревший, лицо от переживаний покрыто морщинами, на рубашке спереди капля масла. Он уже лет двадцать как перестал ориентироваться в том, что происходит вокруг. Брат Горка живет – или прячется? – в Бильбао и подолгу не появляется и даже не звонит. Второго брата с ними нет, но впечатление такое, будто он всегда здесь, потому что любой разговор неизбежно сворачивает на него. Их богатырь гниет в тюрьме – сколько уж лет? – даже припомнить в точности не могу. Мать почти такая же бесчувственная, такая же равнодушная, как выхлопная труба у мотоцикла, хотя готовит она хорошо, надо отдать ей должное.

Аранча смотрела на мать с отцом, смотрела, как они молча, сосредоточенно жуют, наклонив лица над своими тарелками, и чувствовала волну горечи – или злобы? – поднимающуюся у нее из груди к горлу (держи себя в руках, девушка). Аранча закрывала глаза и снова ехала на взятой напрокат машине по тому же отрезку шоссе между сосен, когда до Пальмы оставалось всего несколько километров. Аранча с дочерью. Две недели в августе в недорогой гостинице – без вида на море, но и не далеко от пляжа. Эндика, ему тогда было семнадцать, не захотел ехать с ними. Наотрез отказался. Да и младшей дочери не очень хотелось, но Аранча уговорила ее, наобещав кучу развлечений, слегка надавив на чувства и сказав, что купит ей фотоаппарат, несмотря на плохие оценки в школе. Для самой Аранчи главным было хо-

тя бы какое-то время не видеть Гильермо. Она бы одна отправилась куда угодно, но совесть не позволяла оставить детей на попечение отца. Их брак? Да ладно, разве это можно было назвать браком? Скандал за скандалом. Они могли по многу дней не обмениваться ни словом, зато обменивались взглядами, полными презрения, ненависти, отвращения, если уж без взглядов было не обойтись. А дети... А финансовые проблемы... А квартира, купленная общими усилиями... А родственники, что скажут они? Аранча решила терпеть – хотя в глубине души и чувствовала большие сомнения в правильности такого решения, да, чувствовала, к тому же он завел себе подружку и не скрывал этого.

– Раз ты отказываешь мне в постели, надо же мне куда-то его совать.

И все в том же духе. При детях. А если и не прямо при детях, то когда они находились поблизости и, разумеется, слышали его язвительные упреки, его злобные крики.

Айноа, тринадцать лет:

– Знаешь, *ата*, я бы лучше осталась здесь, с подругами.

– Ну пожалуйста, я тебя очень прошу.

И они отправились в отпуск вдвоем. Гильермо отвез их в аэропорт на своей машине. Девочке захотелось музыки, и он включил ее на полную громкость. Думаю, чтобы избежать разговоров. И под конец выгрузил наши чемоданы на асфальт, быстро поцеловал дочку, пожелал счастливого пути, непонятно, правда, кому – им или облакам, потому

что говорил, глядя поверх их голов, как святой на образке, и поскорее помчался обратно. Даже не подумал проводить их с багажом до стойки регистрации.

А я? Я прямиком неслась к своей сволочной беде, которая ждала меня среди сосен Майорки именно тогда, когда можно было расслабиться хотя бы на несколько дней, и провести их без слез, без злобы, без ссор. Порадоваться солнцу, морской воде, тому, что дочка рядом со мной, и развлечь себя интрижкой с каким-нибудь иностранцем из той же гостиницы. Только чтобы почувствовать прежний зуд и отплатить Гильермо за унижения, а то вздумал корчить из себя быка-производителя и Казанову, хотя на самом деле был жалким поросенком и едва шевелился в постели.

Они проехали Манакор, оставили позади еще какие-то городки. Неужели она не чувствовала никаких симптомов? Нет, не чувствовала. Машина, взятая напрокат, теперь, в воспоминаниях, пока она вяло жует куриную грудку, которую мать порезала для нее на мелкие кусочки, – та машина кажется ей пузырьком счастья. Сама Аранча – за рулем, Айноа в солнечных очках сидит рядом, обменивается посланиями с мальчишкой немцем, с которым познакомилась на пляже и в которого отчаянно влюбилась. Как красива любовь в их возрасте. А вокруг сосны – под утренним синим небом сосны, уже готовые вспороть этот ее пузырек счастья.

Вдруг она перестала чувствовать ноги. Но ей все же удалось каким-то образом остановить машину посреди шоссе,

если, конечно, машина не остановилась сама, благодаря тому что дорога на этом отрезке пошла немного вверх, и Аранча, как могла, нажала на ручной тормоз, поскольку руками она действовать могла, как могла думать, и говорить, и видеть, и дышать. На самом деле у нее вообще ничего не болело.

– *Ама*, что ты делаешь, почему ты остановилась?

– Выходи и попроси помощи. Со мной что-то не так.

Пятница. Какая злая судьба, дети мои, ну почему такое должно было случиться именно со мной? Она повторяла это про себя в машине “скорой помощи”. Врач задавал ей вопросы. Чтобы поддерживать в сознании? Она рассеянно отвечала. Мысли были заняты главным образом детьми, ее работой продавщицы, ее будущим, но в первую очередь детьми, еще такими молодыми, – что с ними будет без меня? Суббота, воскресенье. Аранча постепенно успокаивается, убеждает себя: она отделалась легким испугом. Айноа устраивает ей сцены, ведет себя несносно. Чего она хочет? Во-первых, не желает ни селиться в гостиницу в Пальме, ни возвращаться в Кала-Мильор. Во-вторых, остров теперь кажется девочке тюрьмой, и она мечтает первым же самолетом улететь в Сан-Себастьян. Ей позволили спать в больнице, в кресле рядом с матерью. Отыскать Гильермо не удавалось. Куда делся Эндика, поди узнай. Дома его, во всяком случае, не было. Остается надеяться, что никаких сюрпризов он мне не готовит. Наконец в понедельник врач сообщил, что выпишет ее на следующий день, и самоуверенным тоном дал несколько

советов, сказал, что Аранча в своем городе должна пройти тщательное обследование. Поэтому она по телефону сообщила матери, а потом и Гильермо, что им нет надобности прилетать за ней на Майорку, что она вернется вместе с Айноа, как и планировалось. Мало того, она решила провести оставшиеся пять дней в Кала-Мильор.

Айноа:

– А мне здесь скучно.

– А твой немец? Разве ты не хочешь попрощаться с ним?

Но немец вдруг стал девчонке по барабану, пусть катится к чертовой матери.

– Не говори так, еще кто-нибудь услышит.

Через полтора часа, ближе к вечеру, Аранча лежала вся увешанная трубками в отделении интенсивной терапии. У нее случился второй удар, сильный, сопровождавшийся не-вы-но-си-мы-ми болями. Она все слышала. Врача, медсестер. Но не могла ответить и была раздавлена страшной тоской. Господи, вот ведь беда какая! И еще ужас от мысли, что ее, сочтя мертвой, могут положить в гроб и похоронить заживо.

– Послушай, милая, можно узнать, почему ты не ешь?

Она открыла глаза. Ее вроде бы удивило и даже поразило, что напротив сидит мать, а слева отец с блестящими от жира губами, который жадно расправляется с куриной ножкой.

19. Ссора

Но до чего же жарко в этих местах. Мирен полагала, что благодаря морю на острове будет посвежее.

– Нет, *amona*²⁵.

– Такая же жара, как и там, куда я езжу навещать *osaba*²⁶Хосе Мари.

Как она добралась? Ужас. Приземлилась в Пальме с опозданием на пять с половиной часов после нескончаемого ожидания – просто кошмарного и так далее ожидания – в аэропорту Бильбао. Она страдала от жажды и терпела, терпела, сколько могла, но под конец ей пришлось-таки пойти на непредвиденный расход. Мирен купила бутылочку минеральной воды без газа, потому что ничего более дорогого позволить себе не могла, но и пить воду из-под крана в туалете как-то не хотелось. У меня после этого желудок наверняка бы расстроился. Сначала Мирен очень надеялась, что им что-нибудь предложат в самолете и она утолит жажду, но время шло (час, второй...), и ей казалось, что в горле у нее застряла горсть песка. Так и пришлось идти в бар и просить – резко, словно с обидой – жалкую бутылку воды.

В чем было дело? Улетали все самолеты, кроме нужного

²⁵ Бабушка (*баск.*).

²⁶ Дядя (*баск.*).

ей. По радио только и делали, что объявляли начало посадки на другие рейсы (в Мюнхен, Париж, Малагу – из выхода номер...) и в промежутках предупреждали, что надо внимательно следить за своими вещами.

Она обращалась то к одним, то к другим пассажирам, которые, как и она, ожидали посадки у назначенного выхода. Послушайте, простите... Но одни оказывались иностранцами, а другие знали не больше, чем она сама, так что ей никак не удавалось получить объяснение, почему им не разрешают пройти в самолет, если он уже стоит у рукава и чемоданы туда погружены.

А моя дочка там, далеко, в больнице. Теперь Мирен смотрела на часы не с раздражением, как прежде, а покорно и с вялой злобой и решила (жара, пот) подняться на верхний этаж и утолить наконец жажду. Так она и сделала, потом вытащила из стакана кружок лимона и пососала его, а под конец даже куснула белый слой у самой кожицы, потому что мучил ее еще и голод.

Выходя из бара, она увидела идущих навстречу двух гвардейцев. Мирен смотрела на их форму, а не на лица. Неожиданное препятствие и необоримое отвращение заставили ее шарахнуться к перилам и там остановиться. Когда они подошли ближе, она разглядела, что гвардейцы – еще совсем молодые люди, парень и девушка. А так как они были заняты беседой, она не таясь на них уставилась. Что делать? Эти

*txakurras*²⁷ наверняка в курсе дела. Они подошли еще ближе, и ее поразила естественность/улыбка/рыжеватые волосы девушки, у которой к тому же сзади из-под фуражки торчала коса. Мирен оглянулась по сторонам. Нет ли рядом кого-нибудь из поселка? Не дай-то бог. И все-таки решилась.

– Послушайте! – Мирен обратилась к девушке.

Совсем не похоже, чтобы та была способна кого-то пытаться. И девушка в форме очень любезно, что тоже поразило Мирен, ответила: аэропорт в Пальма-де-Майорка закрыт.

– Как это закрыт?

Объяснил уже парень:

– Да, сеньора, закрыт. Было совершено покушение на наших товарищей. Но вы не беспокойтесь. Возможно, это всего лишь предупредительные меры и вы сможете улететь.

– А, хорошо, хорошо.

И она все-таки добралась до Пальмы. Город там, внизу, казался скопищем сияющих точек, а какое черное море, и вдали – последняя лиловая полоса сумерек. Слишком поздно, чтобы ехать в больницу к Аранче. Айноа ждала ее в аэропорту, как они и договорились.

– Ну как?

– С мамой все очень плохо, со всех сторон трубки.

– Мог бы приехать вместо меня и твой папаша. Эта история встанет мне в копеечку.

– Он сказал, что приедет в понедельник и на другой же

²⁷ Собаки (*баск.*) – презрительное название полицейских в Стране басков.

день увезет меня домой.

– Остаться он, значит, не намерен? Совсем обнаглел. Все заботы и все расходы на меня переваливает.

– *Аinoa*, я не хочу, чтобы ты плохо говорила о моем папе.

Одна из медсестер по имени Карме, очень приятная на вид, заботилась об Айноа с первых дней и до приезда Мирен. Сразу сказала девочке, желая утешить, очень ласково сказала, чтобы та не тревожилась, что она ей поможет. Карме свозила ее на машине в гостиницу в Кала-Мильор за вещами. По дороге объяснила кое-что про состояние матери и снова постаралась утешить:

– Ты, наверное, сильно ее любишь.

Карме поселила девочку у себя дома в Пальманове, где жила с мужем и двумя маленькими детьми. Муж был таким толстым, что весил, кажется, не меньше ста пятидесяти кило. Хотя не исключено, что до того как растолстеть, был голубоглазым красавцем. Он приехал из Германии, и лицо у него было чуть красноватое (ну, может, даже и не чуть), а при разговоре был заметен акцент. С детьми общался по-немецки, а с Карме на том баскском языке, который был в ходу на Майорке.

Когда стала известна дата приезда Мирен, Карме нашла для бабушки с внучкой комнату с двумя кроватями в пансионе – подальше от туристических мест, хотя далеко и от больницы, но тут уж ничего не поделаешь. Она выполняла инструкции, полученные по телефону от Мирен:

– Только пусть будет подешевле, мы люди небогатые.

– Постараюсь.

Постаралась? Более чем. Комната без завтрака, без вида на море, у шумного шоссе, далеко от центра, зато дешево, как Мирен и пожелала, предвидя, что прожить ей здесь придется долго. Она очень волновалась, прикидывая, в какую сумму все это обойдется. И как мы повезем отсюда Аранчу, если от дома нас отделяет море? Святой Игнатий, помоги мне справиться, очень тебя прошу. А Гильермо? Почему всем этим не занимается Гильермо, он ведь ей муж? Нет, ему, видите ли, надо работать. Нет, его начальник, видите ли... Нет, только через несколько дней, не раньше... Короче, сплошные отговорки.

Айноа рассказала бабушке, что теракт случился совсем близко от дома Карме – аж все задрожало. В гостиной со стены свалилась картина. На картине разбилось стекло, а еще разбилась стоявшая под ней лампа, и толстый муж Карме начал жутко ругаться на своем языке, а дети испугались и плакали. Айноа подумала, что плакали они не только из-за грохота, но еще из-за отцовских криков. Карме и Айноа только что вернулись из больницы. Они как раз договаривались вместе приготовить еду, когда грохнул взрыв. За несколько улиц от них. Где? Как сообщили по радио, перед казармой гражданской гвардии²⁸. И тотчас истошно завывли сирены,

²⁸ Казармы гражданской гвардии в Испании представляют собой здания, где имеются и служебные, и жилые помещения, поэтому их называют “дома-казар-”

а в воздухе появился какой-то странный запах.

– Знаешь, бабушка, вчера в то самое время мы ехали с Карме по той самой улице. А ведь бомба могла подорвать и нас с ней.

– Не говори так громко, вокруг люди.

Айноа, широко распахнув глаза, возбужденно продолжала:

– Так вот, одна соседка рассказала, что пожарным пришлось снимать куски тел аж с дерева.

– Ладно, хватит тебе, мы ведь за столом сидим.

Они вдвоем зашли в бар неподалеку от пансиона и заказали несколько бутербродов.

– Заруби себе на носу, что все эти дела с твоей матерью будут стоить мне кучу денег. Поэтому я должна тратить их с оглядкой. Завтра купим еду в каком-нибудь супермаркете и за милую душу поедим у себя в комнате, пусть и всухомятку. В любом случае с голоду не умрем, поняла?

Айноа опять о своем:

– Мне не нравится, когда убивают. Это ведь очень далеко от Страны басков. Разве виноваты те, кто живет здесь, в том, что происходит там?

– Послушай, мы пришли сюда ужинать или болтать?

– Но ведь бомба могла убить и нас с Карме.

мы”. В отличие от обычных испанских полицейских и военнослужащих, многие гражданские гвардейцы вместе с семьями обязаны постоянно жить в таких домах-казармах, которые часто становились объектом террористов (89 раз).

– Нет, еще до взрыва они все хорошо проверяют. Или ты что, думаешь, они бомбы-то всем подряд подкладывают? Ты когда-нибудь видела, чтобы бомба взорвалась в школе или на футбольном поле, когда на стадионе полно народу? Бомбы, они нужны, чтобы защитить права басков, их используют против наших врагов. Против тех, кто пытал твоего дядю Хосе Мари и кто до сих пор пытается его в тюрьме. Если ты даже этого не понимаешь, уж не знаю, на что тебе вообще голова дана.

Мирен строго смотрела на внучку. А внучка старалась смотреть вправо, влево, куда угодно, только не в глаза своей бабушке. Они сидели за столиком в углу, и девочка без всякой охоты обкусывала бутерброд.

– А моему папе тоже не нравится, когда убивают.

– Твой папа, видно, и вбил тебе в голову такие идеи.

– Я ничего не понимаю про идеи, бабушка. Я только говорю, что мне не нравится, когда убивают.

– Они убивают, да, а их разве не убивают? Так всегда бывает на войне. Мне тоже не нравятся войны, но ты что, хочешь, чтобы баскский народ гнобили из века в век?

– Хорошие люди не убивают.

– Это, конечно, тебе тоже сказал Гильермо.

– Это говорю я.

– Когда подрастешь, сама все поймешь. Ладно, доедай свой бутерброд и пошли, я за сегодняшний день достаточно набегалась, чтобы теперь выслушивать твои глупости.

И тогда Айноа, словно разговаривая сама с собой, сказала/пробормотала дрожащим от слез голосом, что она не хочет есть, и положила недоеденный бутерброд – больше половины – на тарелку. Мирен, нахмурившись, тоже не стала доедать свой.

20. Преждевременный траур

Утром в субботу Айноа пережила большое разочарование. Нет, даже не большое, а просто огромное. И оно было не первым после приезда бабушки, с которой они никак не могли поладить. Как говорил Гильермо: “А кто, интересно знать, способен поладить с этой железобетонной женщиной?”

Субботнюю обиду Айноа восприняла как пощечину. Перед поездкой в больницу девочка спросила бабушку, не купит ли та ей карточку для мобильного. Как только Мирен услышала слово “купить”, она нахмурилась. Потом: мол, и так опаздываем, где, мол, их покупают, эти карточки, и сколько они стоят. И едва внучка самым сахарным голоском сообщила цену, Мирен отрезала: нет и нет. А по дороге стала перечислять свои нынешние расходы.

– Все никак с подружками не наболтаешься? Можно и подождать, ты ведь во вторник уже домой вернешься. Видишь, как тебе везет! А я останусь здесь ухаживать за твоей матерью.

– А вот мама наверняка купила бы мне карточку.

– Так я же не твоя мама.

Мирен продолжала говорить и все жаловалась и жаловалась, в то время как Айноа, разозлившись, смотрела куда угодно – на других пассажиров автобуса, на дома и уличных

прохожих, только не в лицо бабушке, всем своим видом показывая, что разговаривать с ней не желает.

В больнице, оставшись одна, она все рассказала по телефону отцу. Вот почему, папа, я не смогу тебе больше позвонить – и так далее.

Он:

– Дочка, потерпи до понедельника.

И они договорились встретиться в понедельник в холле гостиницы, где Гильермо забронировал себе номер. Задолго до условленного часа Айноа уже ждала его, тщательно наряженная, с чемоданом, куда уложила все свои вещи, поскольку решила ни за что на свете не возвращаться в пансион.

Ну а Мирен, что сказала она? А что она могла сказать? Что отец с дочкой сыграли с ней злую шутку. Вернувшись к себе около восьми вечера и увидев, что в шкафу нет внучкиных вещей, Мирен сразу все поняла. Ну и ладно, так даже лучше. Больше будет места для меня и меньше расходов.

Гильермо вышел из такси у дверей гостиницы. Айноа, сияя от счастья, выбежала на улицу, чтобы обнять его. Вопросы, ответы, быстрые реплики и наконец объятие, как будто он говорил ей: спокойно, теперь я с тобой, теперь все будет хорошо. Она: это была просто жуть кошмарная, как здорово, что ты приехал. Про Аранчу они почти не упоминали. Каждый день Гильермо по телефону узнавал новости о состоянии жены – вопреки убеждению Мирен, что он человек бездушный и до Аранчи ему нет никакого дела. Сейчас он

только спросил у дочери, нет ли чего нового, и Айноа ответила, что нет, мама по-прежнему лежит вся в трубках, и:

– Знаешь, мне кажется, она больше никогда не сможет двигаться.

Они поднялись в номер, Гильермо принял душ, а потом отец с дочкой отправились погулять по центру Пальмы, завернули в универмаг, и Айноа купила себе карточку для мобильного, а прежде чем вернуться в гостиницу, они поужинали на террасе ресторана, откуда открывался вид на порт.

– До чего же мне надоели ее бананы и бутерброды!

В сумеречном свете вырисовывались мачты кораблей. Дул легкий ветер, поэтому сидеть на террасе было особенно приятно. Вокруг улыбки, загорелые лица, элегантные дамы. По земле прыгали воробьи в ожидании вкусных подачек. Айноа попросила официанта принести ей второй, а вскоре и третий стакан кока-колы, чтобы восполнить, как она объяснила, то, в чем отказывала ей все последние дни Мирен.

– *Aita*, я бы лучше не ходила завтра в больницу. Понимаешь, не хочу видеть бабушку. Иди ты один, я подожду тебя в гостинице, а после обеда мы спокойно сядем в самолет. Все равно ведь мама ничего не понимает.

Нет, ни на какой самолет они завтра не сядут. Почему? Планы переменялись. Девочка сначала не поняла. Гильермо впервые попал на Майорку и, разумеется, захотел воспользоваться случаем. Начальник отпустил его до четверга.

– Вот это да!

Он замахал руками, призывая ее успокоиться:

– Завтра в больницу пойду я один. Надеюсь, кто-нибудь из врачей объяснит, какое будущее ожидает твою маму. И мне без разницы, встречу я там бабушку или нет. Но если мы встретимся и можно будет трезво обсудить с ней ситуацию, в чем я сомневаюсь, сообщу ей о своем решении и о том, о чем вы с Эндикой уже знаете. Потом заеду за тобой, и у нас будет два дня в нашем полном распоряжении. Мы сможем объехать весь остров, сможем прокатиться по морю. Короче, что тебе захочется. Одни только развлечения, обещаю. Да, бабушка не должна ничего об этом знать, не хочу, чтобы она отравляла нам жизнь.

Трубки, дыхательный аппарат, зонды, провода, а на кровати неподвижное тело, открытые глаза. Гильермо в белом халате, в бахилах, вытянул шею, чтобы его лицо попало в поле зрения Аранчи. Реакция? Никакой. Как и после поцелуя в щеку. Только легкий взмах ресниц. Веки до конца не сомкнулись. Тихим голосом (его проинструктировали, как надо себя вести) он сказал ей, что приехал, чтобы позаботиться об Айноа, но обращался все равно что к статуе. А еще он сказал, что очень огорчен тем, что с ней случилось. Кто знает, может, жена его и услышит, она ведь точно не спит.

– Ты меня слышишь?

В ответ ничего. В качестве проверки он медленно отодвинул свое лицо, и она чуть-чуть скосила следом глаза, чуть-чуть. Тогда Гильермо, надеясь, что Аранча его слушает, по-

благодарил ее за те годы, что они прожили вместе, за их общих детей и за разного рода хорошие мгновения; а за плохие попросил прощения и уже начал шептать ласковые и сочувственные слова, когда в палату вошла, враждебно хмурия брови, теща. Правила, естественно, гласили, что навещать больных можно только по одному и в течение весьма ограниченного времени, но медсестры, судя по всему, прихода Мирен не заметили.

Та с ходу начала осыпать зятя упреками. Во-первых, из-за черной рубашки. Рановато он облачился в траур. На нем действительно были черная рубашка, серые брюки и черные мокасины, но он решил одеться в темное, после того как дочка сказала по телефону, что священник причастил Аранчу. И Гильермо, честно говоря, подумал, что жена может вот-вот отойти в мир иной, и только поэтому, а вовсе не со зла положил в чемодан черную рубашку. Кроме того, он в таких вещах плохо разбирался, поскольку заботы о них всегда взваливал на Аранчу: она сама покупала ему одежду и каждый день говорила, что следует надеть.

И вообще, этот вопрос так мало волновал Гильермо, что он даже не подумал оправдываться в ответ на упреки тещи. Боже, до чего у нее мерзкая рожа. Хотя сейчас он особенно на нее не смотрел. Однако старуха не унималась, словно позабыв о том, что у постели больной следует говорить тихо. И вскоре совсем разбушевалась, перейдя на денежные/человеческие отношения, но тут уж Гильермо решил дать ей от-

пор. Припомнил это, сослался на то – очень спокойно, не повышая голоса, предельно вежливо. А еще, чтобы поставить точку, сказал:

– Да, я твердо решил развестись с Аранчей, но это ни в каком случае не связано с ее болезнью. Мы с ней давным-давно все обсудили. Наши дети знают о нашем решении и его принимают. Так что нечего все валить на меня и придумывать, будто весь воз одной тебе приходится тянуть. Пора бы научиться хоть немного уважать людей – уж если не меня, то хотя бы свою дочь, которую я, кстати, никогда не называл бы возом. А ты называешь.

Он швырнул ей несколько купюр по пятьдесят евро:

– Вот, бери, это за то, что ты потратила на мою дочь.

И ушел.

21. Она лучшая из всех этих

Он помнил свое обещание: если узнает что-то еще, сразу сообщит матери. И обещание решил исполнить. Как только выпала передышка в работе, он заперся у себя в кабинете и позвонил.

На письменном столе компьютер, бумаги, то да се, а еще – фотография в серебряной рамке. Отец. Взгляд прямой, открытый, мягкий, но брови приподняты так, словно он хочет сказать: я запрещаю тебе быть несправедливым. Лицо человека трудолюбивого и энергичного, наделенного не столько глубоким умом, сколько трезвым пониманием жизни – и безошибочным деловым чутьем.

Биттори трубку не брала. Вряд ли она опять укатила в поселок. Шавьер долго слушал длинные гудки. Четырнадцать, пятнадцать... Если понадобится, он будет слушать их целый день. Пока мать не поймет, что звонят ей не по ошибке и не потому, что телефонная компания проводит опрос среди своих клиентов, и не потому, что очередной ловкач решил впарить ей рай земной в виде выгодного (для кого?) контракта, а что звонит он – я ведь отлично знаю, что ты там, дома. Шестнадцать гудков. Он считал их, одновременно отбивая ритм кончиком шариковой ручки по блокноту. И тут мать взяла трубку.

Голос едва слышный, настороженный:

– Слушаю.

– Это я.

– Что случилось?

Он спросил, помнит ли она Рамона.

– Какого Рамона?

– Рамона Ласу.

– Который был водителем “скорой”?

– Он и сейчас там работает.

Так вот, этот самый Рамон Ласа – человек спокойный, по взглядам националист, но ни в какие их свары не лезет, – уже не живет в поселке, однако часто туда навевывается, у него там родители. К тому же он продолжает состоять в тамошнем гастрономическом обществе. Шавьер столкнулся с ним недавно в больничном кафетерии. Ага, вот уж кто точно должен что-нибудь знать. Ну а не знает, так не знает. Попытка не пытка. Шавьер подошел к нему вроде как поболтать, вроде как любопытство вдруг разобрало, когда он увидел старого знакомого, который стоял у стойки и помешивал ложечкой кофе.

– Ты помнишь Аранчу?

– Еще бы, бедная она несчастная. Приезжает, кстати, регулярно сюда к нам на физиотерапию, обычно после обеда. Я и сам ее как-то раз привозил.

Шавьер матери по телефону:

– Чтобы он не подумал, будто у меня какой-то особый интерес к этому делу, я сказал, что только недавно узнал про

Аранчу, про ее болезнь. А потом упомянул кое-какие детали: Майорка, лето две тысячи девятого, ну, сама понимаешь. Оказалось, он в курсе всего. Ужасно жаль ее. По-настоящему жаль, искренне, потому что она лучшая из всех этих.

– Лучшая? Нет, только она одна и была в той семье хорошей.

– Я постарался выжать из Рамона какие-нибудь подробности, но исподволь.

– Ладно, давай короче. Что ты узнал?

Несколько деталей, которые в поселке ни для кого не секрет. Первое: как только с ней это случилось, муж ее бросил. Общее мнение в передаче Рамона такое: мерзавец, настоящий мерзавец, без смягчающих обстоятельств.

– Ну, про смягчающие обстоятельства – это, разумеется, я от себя добавляю. Но можешь быть уверена, что слово “мерзавец” он произнес, так что все было понятно. А еще он сообщил, что заботу о детях этот тип все-таки взял на себя. Вернее, заботу о дочери, потому что их парню уже за двадцать.

– А живет он с отцом?

– Этого я не спросил.

– Напрасно.

Альберто (на самом деле он Гильермо, но я нарочно так его назвал, чтобы не показать, что в действительности знаю больше, чем говорю) сошелся с другой женщиной. Женился он на ней или нет, этого Рамон достоверно не знает, как и то-

го, развеялся ли он с Аранчей. Во всяком случае, в поселке муж не бывает. Дети – да, появляются, приезжают навестить мать.

Потом Рамон спросил меня:

– А тебе что, и вправду интересно, развелись они или нет? Моя мать наверняка знает все в точности. Если надо, я ей позвоню. Она к этому часу уже наверняка проснулась.

– Нет, зачем же. Просто я только что услышал о том, что случилось с бедной Аранчей, и это для меня было как гром среди ясного неба.

Но было еще кое-что. Этот самый Альберто (ну, Гильермо, черт бы его побрал) продал квартиру в Рентерии и отдал Аранче ее часть. А еще в поселке собрали деньги: поставили кружки в барах и магазинах, устроили лотерею, провели благотворительный футбольный матч и прочее, и прочее. Рамону не все известно, но якобы очень многие люди поучаствовали, помогая набрать нужную сумму, чтобы перевезти Аранчу из больницы на Майорке домой и оплатить лечение в специальной клинике в Каталонии.

В этот миг Шавьер словно посмотрел матери в глаза. Будь справедливым, будь честным, будь верным себе, что бы ни случилось и что бы кто ни говорил. Мать молчала.

– Ты меня слушаешь?

– Продолжай.

– Рамон не сообщил мне названия клиники, а я не спросил, чтобы он не догадался о моих детективных ухищрени-

ях. Да и незачем было спрашивать. Я и так без труда выяснил, что Аранча восемь месяцев провела в Институте Гуттмана. Сейчас вкратце объясню. Клиника находится в Бадалоне, и там занимаются лечением и реабилитацией больных с повреждением спинного и головного мозга. Это лучший из вариантов. Но стоит такое лечение, естественно, дорого, их семье не по карману.

– Сколько я их знаю, с деньгами у них всегда было туго. И твой отец иногда втихаря им помогал, не надеясь на отдачу. Сам знаешь, как они нам отплатили.

– Так вот, Аранчу лечили в этом Институте Гуттмана, потом она смогла вернуться в поселок, а сейчас проходит нейрореабилитацию здесь, у нас в больнице.

– А что еще?

– Больше ничего. Теперь скажи, ты вчера ходила на консультацию к Арруабаррене? Что он сказал?

– Ох, совсем забыла. И где у меня только голова?

– Пойми, это важно, он должен тебя посмотреть.

– Важно или срочно?

– Важно.

Они, две истерзанных души, простились со сдержанной любовью и с любовной сдержанностью. И Шавьер уставился на чернильные точки, оставленные им на верхнем листке блокнота. Потом посмотрел в глаза отцу – не позволяй себе быть несправедливым, береги вместо меня мать, – потом перевел взгляд на белую дверь кабинета, расположенную по-

зади стола. Когда-то давно, много лет назад – сколько? двенадцать, тринадцать? – эта самая дверь вдруг распахнулась, и там, на пороге, стояла со скорбным лицом она:

– Я пришла сказать тебе, что я сестра убийцы.

Он пригласил ее войти, но Аранча и так уже вошла. Предложил сесть, она отказалась.

– Я представляю, как вашей семье сейчас тяжело. И от всей души вам сочувствую, Шавьер. Прости.

Она всхлипнула, и нижняя губа у нее поползла вниз. Может, именно поэтому она говорила так быстро – чтобы от слез не сорвался голос.

Аранча, заметно нервничая, сказала какие-то слова про общую ответственность, про мучительные переживания, про стыд, а потом очень решительно положила на стол что-то зеленое и золотистое, и Шавьер не сразу понял, что это такое. Он был ошеломлен, смущен и, возможно, чуть ли не испуган. Даже слегка отпрянул назад, решив/опасаясь, что ее жест таит в себе некую угрозу. Нет, на стол она положила простой дешевый браслет, детскую безделушку.

– Мне его подарил твой отец, когда я была совсем маленькой, во время какого-то нашего местного праздника. Мы шли все вместе по улице, хотя ты, скорее всего, этого не помнишь, и Чато купил браслет Нерее. А я, конечно, позавидовала. Мне захотелось такой же. Но моя мама: нет, и все тут. И тогда Чато, не говоря ни слова, повел меня к негру, который продавал безделушки, и купил браслетик. Я при-

шла, чтобы вернуть тебе его. Нашла дома и поняла, что недостойна хранить браслет у себя. Я бы возвратила его Биттори, но мне не хватит духу посмотреть ей в глаза.

Шавьер, человек замкнутый, закрывшийся в своей скорлупе, только кивнул в ответ. И ни слова больше. Только кивнул, словно говоря: хорошо. Или: я понимаю, успокойся, я ничего не имею против тебя лично.

Несколькими днями раньше Высокий суд приговорил Хосе Мари к 126 годам тюремного заключения. Шавьер узнал об этом от Нерей, которая услышала новость по радио. Они никак не могли решить, стоит ли рассказывать о приговоре матери. Шавьер счел, что скрывать было бы нечестно, и позвонил, но Биттори уже была в курсе дела.

Прошли годы. Считать их Шавьеру лень, и он по-прежнему сидит тут, в своем кабинете. Он только что поговорил с матерью, потом посмотрел на дверь, потом открыл один из боковых ящиков письменного стола, где хранил, бог знает зачем, пластмассовый браслет Аранчи рядом с початой бутылкой коньяку.

22. Воспоминания в паутине

Этого не знает никто, кроме меня. А она? Ну, пожалуй, тот поцелуй помнит еще и она, если поражение мозга не опустошило ее память. Хотя, возможно, в ту пору она раздавала столько поцелуев и стольким парням, что сама потеряла им счет, или в тот вечер выпила лишнего и не сознавала, что делает и с кем.

По правде сказать, те девчонки – сейчас сорокалетние женщины – не знали удержу, стоило им положить на кого-то глаз, зато тогдашние мальчишки были в вопросах любви и секса полными профанами, по крайней мере я точно был профаном. И чего наверняка не знает Аранча, так это что она стала первой девушкой, которая поцеловала меня в губы.

После окончания рабочего дня Шавьер, как всегда, заперся у себя в кабинете. На столе – фотография отца и бутылка коньяку. А сам он с унылой обреченностью шарит глазами по окружающим предметам, по потолку и стенам в поиске воспоминаний.

Он мог бы уже уйти, но сама мысль о том, чтобы провести дома вечер рабочего дня, приводит его в ужас. Даже если он зажжет все лампы, это не избавит от неотвязного и непонятного полумрака, намертво въевшегося во все вокруг подобно слою цепкой плесени, и от этого полумрака веки нали-

ваются безотрадной тяжестью. Каждый взмах ресниц – диндон – удар колокола из погребального звона, и так будет продолжаться, пока не окажет свое действие снотворное. Часто Шавьер сражается с одиночеством, участвуя в социальных сетях, всегда под вымышленными именами. Обменивается непристойными шутками. С кем? А кто его знает. С Паулой, например, или с Паломитой, но за этими никами вполне могли скрываться как похотливый старик из провинции Сория, так и девушка-подросток из Мадрида, которая еще не легла спать, несмотря на поздний час. Он заходит на форумы, чтобы спорить и отстаивать – с намеренным обилием орфографических ошибок – отвратительные для него самого политические позиции. А еще он выкладывает язвительные тексты в качестве комментария к статьям в электронных версиях той или другой газеты, исключительно ради удовольствия кого-то позлить или оскорбить, а также чтобы порезвиться под защитой придуманной маски. Таким образом он пытается побороть свою неизлечимую робость и чувствует себя кем-то другим, а не одиноким мужчиной сорока восьми лет, каким на самом деле является.

Вот почему очень часто после окончания рабочего дня Шавьер на час или два задерживается в своем кабинете – а вдруг кто-нибудь из медперсонала или какой-нибудь сотрудник администрации, проходя по коридору, заметит свет из-под двери и зайдет, чтобы немного с ним поболтать. И еще потому, что у него есть суеверное чувство, будто

здесь, в кабинете, воспоминания получаются более приятными, чем те, что память обычно подкидывает дома. Заодно он читает специальные журналы, пролистывает отчеты или раздумывает над старыми и желательно греющими душу историями из прошлого, пока под влиянием коньяка не начинает терять власть над ходом мыслей. Дойдя до той точки, когда опьянение становится очевидным для него самого, он уходит из больницы до следующего утра.

Но сейчас такой момент еще не наступил, и Шавьер медленно, смакуя, пьет коньяк и внимательно, неторопливо осматривает стену в поисках той или иной картины из минувшего. В углу под потолком уборщицы не заметили крошечную паутину, но обнаружить ее способен лишь опытный взгляд. Это был лишь остаток серой вуали, уже покинутой тем, кто ее сплел. Однако в едва заметную сеть попало-таки воспоминание о поцелуе Аранчи. Сколько же лет мне тогда было? Двадцать или двадцать один. А ей? На два года меньше.

Таким вещам обычно не придают никакого значения, они нередко случаются на праздниках в небольших поселках, где все друг друга знают. Там танцуют, выпивают, потеют, и если ты молод и тебе под руку подвернулась девичья грудь, ты начинаешь ее тискать, а если совсем близко оказываются чьи-то губы, ты впиваешься в них поцелуем. Мелочи и пустяки, поглощенные забвением, и тем не менее порой, когда Шавьер глядит на паутину, его память ни с того ни с сего вдруг

снова извлекает их на поверхность.

Это случилось еще до призыва на военную службу, он изучал тогда медицину в Памплоне. У него была репутация скучного, правильного, замкнутого парня, репутация человека, которого считают чересчур уж серьезным, если выразиться точнее. Друзья? Обычная компания, пока она не распалась из-за последовавших одна за другой женитьб. Он не пил, не курил, не чревоугодничал, не увлекался спортом или, скажем, альпинизмом; но при всем при том относились к нему хорошо, так как он составлял часть человеческого пейзажа, характерного именно для этого поселка. Он вместе с остальными ходил в школу, и вообще, он, Шавьер, был своим, такой же принадлежностью здешней жизни, как балкон мэрии или липы на площади. Можно было бы сказать, что будущее ожидает его с распростертыми объятиями. Высокий, видный собой, хотя у девушек почему-то успехом не пользовался. Слишком рассудительный, слишком робкий? По мнению знакомых, чем-то таким это и объяснялось.

Он делает еще один глоток коньяку, не спуская глаз с маленькой паутины. Почему он улыбается? Да просто ему приятно вспомнить один случай. На краю площади пылает костер святого Хуана²⁹. На улицах толпы людей. Носятся дети, сияют счастливые лица, все едят мороженое, жители поселка

²⁹ Праздник *святого Хуана* отмечается в ночь с 23 на 24 июня; напоминает славянский праздник Ивана Купалы.

ведут себя раскованно и перекрикиваются через улицу. Жарко. А он, разве он тогда не жил в Памплоне? Жил, но приехал провести несколько дней со своей семьей (и чтобы мать постирала ему кое-что), порадоваться празднику и пошататься с приятелями по барам. Уже под самый конец, когда они шли по улице, к ним присоединились Аранча с подругами. Смех, новые бары, она что-то говорит ему. Что? Он почти не слышит ее, такой гам стоит вокруг. Но она что-то говорит ему, это он отлично понимает, она говорит, приблизив лицо к его лицу. Он видит подведенные глаза, помаду на губах, но для Шавьера Аранча прежде всего – старшая дочь лучших друзей его родителей, почти что двоюродная сестра, которая столько раз играла при нем с Нереей.

Поэтому, когда в красноватой полутьме паба она вдруг, вроде бы ненароком, кладет руку ему на ширинку, Шавьер не сразу понимает, что, собственно, происходит. Ему это кажется шуткой, рискованной выходкой, которой он не находит объяснения. И вот сейчас он словно во сне смотрит на крошечный кусочек паутины и видит, как его целует та, кого он считал почти что своей кровной родственницей. Ее жадный язык ищет его язык, но тот не отзывается. Шавьер как будто одеревенел от изумления, а еще – от растущего ужаса, ибо понимает, что поцелуй длится слишком долго, и дело вроде бы идет всерьез, и кто-нибудь из родственников, из знакомых, из друзей или Нереея, наконец, которая находится в глубине зала, в любой момент могут обратить

на них внимание. Аранча – пот и духи – прижимается к боку Шавьера. Она шепчет ему на ухо: слушай, я уже совсем готова, – и спрашивает, разве ему не хочется пойти с ней в такое место, где их никто не увидит. Но для Шавьера – даже еще и сегодня – это предложение граничит с инцестом.

Сейчас, когда он сидит у себя в кабинете, его разбирает смех. Надо же упустить такую возможность! Девушка хочет его, он хочет ее, она уже на все готова. Но – Памплона, но – дело... Его тогда одолел стыд, да и смелости не хватало, ведь он жил в своем убежище, в одинокой студенческой комнате, руководствуясь законами онанистов, которые точно так же приводят к семяизвержению – зато никаких заморочек с девицами и со всякими там ухаживаниями. Он смотрит на паутину – и смеется. Смотрит на спокойные брови отца – и смеется. Наливает себе еще порцию коньку из бутылки – и смеется. Смеется, сам не зная чему, потому что чувствует себя запачканным, заляпанным и покрытым печалью как плесенью. Будь справедливым, будь честным. Да, *aita*. Он чувствует, что дошел до критической точки, после которой еще одна капля спиртного – и придется оставлять машину на бо́льничной парковке и брать такси. Поэтому он убирает бутылку обратно в ящик, видит там золотисто-зеленый браслет и говорит себе: завтра верну браслет ей. Но, черт побери, почему я тогда ее не трахнул? Ответ: потому что ты был/есть мудила. Отец с фотографии кивает, и Шавьер взрывается: а ты-то уж молчал бы там. Нет, все-таки лучше будет вызвать такси.

23. Невидимая веревка

Он думал, что это займет у него не больше пяти минут. Спустишь и тотчас вернусь обратно. И заранее уточнил время, когда она приезжает. Но, уже дойдя до коридора, который ведет в отделение физиотерапии, услышал, что сзади его зовет Ициар Уласиа. Доктор пыталась догнать Шавьера и возбужденно размахивала руками, чтобы привлечь его внимание. Они были хорошо знакомы и обращались друг к другу на “ты”.

– Хочу тебя предупредить, что сегодня она приехала не с сиделкой, а с матерью. Имей в виду.

Шавьер поблагодарил Ициар и повернул назад.

На следующий день примерно в тот же час доктор Уласиа позвонила ему на мобильник. Если он хочет увидаться с Аранчей, может спокойно спускаться, сегодня при ней Селесте.

– Кто?

– Эквадорка, которая за ней ухаживает.

На сей раз Шавьер не был настроен так решительно, как накануне. Идти или нет? С одной стороны, его матушка каждый день ездит в поселок, выходит из автобуса на одной из центральных улиц, посещает лавки – то есть всячески демонстрирует свое присутствие. А теперь вот и я вздумал воспользоваться случаем, чтобы встретиться с *их* дочерью. По-

том Аранча расскажет об этом дома. Она ведь без проблем общается с кем угодно при помощи айпэда. И что подумают ее родители? Они, видно, и так уже решили, что мы разработали специальный план и преследуем их, вознамерившись отомстить.

Но Шавьера на встречу с Аранчей тянуло сострадание – словно невидимая веревка, обмотанная у него вокруг шеи. И не вздумай этого отрицать. Ты чувствуешь к Аранче такую жалость только потому, что она составляет очень личную часть твоего прошлого. А может, это и вообще хитрая уловка, то есть обходной способ пожалеть себя самого, а? Он рассуждал вслух, не замечая, что привлекает к себе внимание. Двое в белых халатах, встретившись с ним в коридоре, остановили его, не скрывая удивления. Шавьер, с тобой все в порядке? Да, все нормально. И он опять вернулся к себе в кабинет, хотя намеченное дело не терпело отлагательств. Однако ему требовалось хоть немного побыть одному.

Жарко. Шавьер расстегнул верхние пуговицы на рубашке, словно пытаясь ослабить узел веревки, которая с каждым разом все туже сдавливала шею, но это не помогло. Веревка продолжала тянуть – то сильно, то исподволь, и в конце концов ему пришлось подчиниться – другого выхода у него не было.

Кто бы поверил: целые дни он проводит среди искалеченных, нередко уже агонизирующих тел, среди тел, у которых не осталось никакой надежды, среди тел, которым жить оста-

лось считанные часы, он видит матерей, которых дома ждут двое-трое детей и которые не доживут до ближайшего Рождества. Он видит молодых ребят (в большинстве своем мотоциклистов), на которых смерть остановила свой выбор. Он видит тела людей, чьи имена и фамилии очень скоро можно будет прочесть в газетах в траурной рамке. Неужели все это происходит с ним, человеком, неуязвимым для сострадания, всегда спокойным, умеющим сухо и профессионально выражать соболезнования безутешным родственникам, человеком, который с полной отдачей выполняет свою работу (будь справедливым, будь честным, будь верным себе)? И тем не менее сейчас он чувствовал нечто иное, и это при том, что как врач не нес за Аранчу никакой ответственности. А может, именно поэтому? Потому что у него не было спасительной возможности установить с ней такие же отношения, как с любым другим пациентом? И поэтому ее история так сильно подействовала на него? Вопрос повис в воздухе, в блеклом свете ламп дневного освещения. Но на поиск ответа у Шавьера не было времени, так как он уже вышел из лифта и быстрым шагом, какого требовала от него туго натянутая веревка, двинулся в отделение реабилитации.

В глубине коридора он увидел эквадорку, она сидела на скамейке у стены. Женщина маленького росточка, с внешностью, типичной для уроженцев Андских стран. Рядом с ней стояла инвалидная коляска. Заметив проходившего мимо доктора, она быстро вскочила и сделала легкий по-

клон. Шавьер ответил – сдержанно, даже церемонно, однако стараясь не глядеть ей в лицо.

Потом он вошел в кабинет. Два молодых физиотерапевта шутили с мальчиком лет десяти – двенадцати. Его пристегнули ремнями к кушетке, поднятой в вертикальное положение. Шавьер опытным взглядом сразу определил: цитомегаловирус. Он поздоровался, ему ответили, мальчикглянул на него своими большими глазами через увеличивающие очки, а чуть дальше, на другой кушетке, Шавьер увидел Аранчу, прежде чем она заметила его самого. Девушка, которая ею занималась, сделала весьма красноречивый жест, подтвердив, что о его визите была предупреждена. Она осторожно выполняла с пациенткой упражнение – то сгибала, то выпрямляла ее ногу в колене. И Шавьер, подходя, отметил про себя: гипертония, лишний вес. Он рассматривал Аранчу в профиль – и не узнавал. Потом-то, разумеется, узнал, но только когда оказался у кушетки и мог вблизи разглядеть черты ее лица. Наверное, чтобы снизить эффект неожиданности, физиотерапевт сочла за лучшее небрежным тоном предупредить Аранчу:

– А вот к тебе и высокое начальство пожаловало.

Шавьер подождал реакции Аранчи, прежде чем протянуть ей руку. Первая секунда – изумление, а может, даже и страх. Потом она одарила его улыбкой, если можно так назвать результат спастического сокращения мышц лица. Правая половина ее тела сохранила относительную по-

движность. И Аранча пожала ему руку правой рукой. Потом на лице ее появилась гримаса, которую Шавьер не смог расшифровать.

– Как у тебя дела?

Аранча, по-прежнему лежа на кушетке, помотала головой, и в то же время губы ее изобразили слово, которое физиотерапевт озвучила:

– Песец.

Он, смущаясь, сбивчиво сказал, что очень сочувствует ей, что доктор Уласиа описала ему ситуацию. Аранча слушала Шавьера с радостью, даже словно зачарованная, как будто все никак не могла поверить, что этот вежливый мужчина в белом халате – действительно Шавьер.

– К тебе здесь хорошо относятся?

Она кивнула.

Шавьер задал физиотерапевту какой-то подходящий к случаю вопрос об упражнении, которое они с пациенткой сейчас делали, и пока врач давала нужные объяснения, Аранча пыталась что-то сказать и трясла здоровой рукой. Поначалу они ее не понимали, но тут другая врач, та, что занималась с мальчиком в нескольких метрах от них, сообразила, что Аранча просит свой айпэд, и, выйдя в коридор, взяла его у эквадорки. Аранча приподнялась на кушетке, сняла чехол и написала ловким пальцем: “Ты всегда мне нравился, козлина”.

И всеми силами заставила лицевые мускулы изобразить

улыбку. В уголке губ у нее появилась капля слюны. Она выглядела совершенно счастливой, просто сияла. И вот тут-то – сейчас или никогда! – Шавьер вынул из кармана халата тот самый дешевый браслетик, взял Аранчу за правую руку, как если бы решил посчитать ей пульс, и надел браслет:

– Я берег его для тебя все эти годы. И пожалуйста, не вздумай мне его возвращать.

Она какое-то время серьезно смотрела на Шавьера, потом написала: “Ну и чего ты ждешь? Поцелуй меня”. Он поцеловал ее в щеку. Потом сказал, что ему пора, что он желает ей всего самого лучшего, потом произнес еще какие-то вежливые слова. Аранча знаками попросила, чтобы он подождал еще минутку. И, отстучав по клавишам пальцем, повернула к нему экран: “Если и у тебя случится удар, мы с тобой поженимся”.

24. Игрушечный браслет

Настроение ей испортила обычная герань, а теперь прибавилось еще и это. Но это куда хуже герани, хотя на самом деле (что они о себе возомнили? что я дам слабинку?) составляет лишь часть все того же хитрого замысла. Если бы я сама обнаружила проклятый горшок с геранью, особо волноваться не стала бы. Ну и что – горшок и горшок, подумаешь, невидаль какая. Так нет же, то одна ко мне прибежит, то другая – новость на хвосте несут.

Сначала Хуани:

– Видала? Она поставила на балкон герань.

Мирен в ответ промолчала и смотреть на герань не пошла.

Вскоре на улице к ней подскочила другая знакомая:

– Слушай, ты уже видала?

Но и тогда у нее не появилось ни малейшей охоты пойти и лично удостовериться, хотя от ее дома до дома *этих* всего-то пара шагов, не больше.

По-настоящему она взбесилась вечером, когда Хошиан вернулся из бара и не только сообщил про герань, но еще и передал, будто кто-то сказал: что, интересно, подумает Мирен, когда ее увидит. Вот почему на следующий день она отправилась глянуть на чертову герань. Да, разумеется, там она и стояла. Самая обычная герань с двумя красными цветками и словно говорила голосом *той*: я вернулась, я водрузила

здесь свое знамя, и теперь вам придется со мной считаться.

Мирен Хошиану:

– Ну герань, ну и что с того? Вот наступят холода, и если *та* ее не уберет, никакой герани больше не будет.

– Дом ее. Пусть выставляет на свой балкон все, что хочет.

Но едва Мирен убедила себя, что лучше всего будет забыть историю с геранью и думать о своих делах, от которых у нее и без того голова идет кругом, – а что мне сделает *та*, если весь поселок в любом случае на моей стороне? – как в дверь позвонили, и, прежде чем Селесте закатали инвалидную коляску в квартиру, Мирен узнала браслет. Только этого мне и не хватало! Сперва герань, теперь браслет. Мирен нагнулась, чтобы поцеловать дочь, а заодно и лучше рассмотреть безделушку. Никаких сомнений. В памяти у нее всплыли картинки из далекого прошлого: лето, конец дня, жарко, в поселке праздник. Франко умер год назад – это она тоже помнит. Два их семейства прогуливаются по улицам вместе со всем своим выводком. Они посмеялись, слушая *bertsolari*³⁰. Хотя Мирен было не до смеха, потому что Хосе Мари уже успел довести ее до белого каления. Трудный ребенок, непоседливый, вечная головная боль для матери. Он несколько раз пытался вскарабкаться на деревянную сцену, так что один из *bertsolari* даже отругал его. Потом решил на ходу соскочить с карусели. Непонятно когда умуд-

³⁰ Букв.: стихотворцы (баск.); исполнители ими же сочиненных стихов и песен на баскском языке, обычно – импровизаторы.

рился посадить жирное пятно на рубашку... А вот Хошиан, тот вроде бы даже гордился, что сынок у него вертлявый как обезьяна.

– Какая еще обезьяна? Что ты придумываешь? Обычный здоровый мальчик.

В довершение всех бед у этого сорванца с одного бока распоролось по шву брюки, и мне хотелось прямо там, прямо посреди улицы, отлупить его. Конечно, шить и стирать на всю семью – это моя забота. Мирен процедила сквозь зубы:

– погоди, вот вернемся домой, тогда ты у меня получишь.

Хошиан купил всем детям по пирожному с кремом. Обжора Хосе Мари проглотил свое в два приема. Потом кусанул пирожное Нерей, после чего та, разумеется, есть его отказалась. И Хошиан купил девочке другое пирожное – хотя мы не такие уж богачи. Потом Хосе Мари попытался отнять пирожное у Горки, которому тогда было годков пять, не больше, но бедняга ни за что свое пирожное отдавать не хотел или чем-то там еще разозлил братца, во всяком случае, тот взял и размазал весь крем Горке по лицу, так что нам пришлось попросить в баре салфеток и вытирать его.

Как раз тогда Чато с Биттори собирались поехать в отпуск на остров Лансароте, вскоре они туда и отправились вместе с детьми и привезли нам сувенир – одногорбого верблюда, страшного как смертный грех, но мы в конце концов, чтобы не обижать их, поставили верблюда на телевизор, а то придут

как-нибудь в гости и, не дай бог, спросят про него. От Биттори только и слышно было: ах, Лансароте, ах, гостиница, – хвалилась, а может, и посмеивалась над ними, ведь ни Хошиан, ни Мирен и знать не знали, где это такое – Лансароте.

Так вот, дело шло к вечеру, и оба семейства решили вернуться домой, чтобы накормить малышей ужином и уложить спать. А после этого можно будет выйти снова, уже без детей, и поразвлечься в свое удовольствие, хотя на самом деле Мирен мечтала только об одном – как бы поскорее оказаться в постели и отдохнуть.

По дороге домой они прошли мимо выстроившихся в ряд уличных торговцев. Продавали здесь все: фигурки из глины, альпаргаты, сумки – то есть буквально все. Чато, который с такой же готовностью выхватывал кошелек из кармана, как гангстер выхватывает свой пистолет, остановился перед негром, продававшим бижутерию, и купил Нерее браслетик. И тем самым они, понятное дело, поставили нас в дурацкое положение, потому что конечно же Аранча немедленно захотела такой же, а у нас трое детей, а не двое, как у них, и Хошиан зарабатывал в своем литейном цеху гроши. Это Чато хватало денег и на то, чтобы съездить на Лансароте, и на всякую другую роскошь. Поэтому я сказала: нет и нет. Аранча чуть не в слезы: купи да купи. Короче, такое устроила, что Чато схватил ее за руку и, не спросивши нас, ни Хошиана, ни меня, вернулся к негру и купил ей браслет. И вот теперь, больше тридцати лет спустя, Аранча вдруг является

домой в том самом чертовом браслете, а браслет точно тот самый – из зеленых бусин и словно бы с золотом. Тот самый и есть. Сколько заплатил за него Чато? Пять дуру? Мирен тогда, кстати сказать, страшно разозлилась, хотя виду не подавала. Они ведь, получалось, преподали нам с Хошианом урок, как надо радовать своих детей.

Или я все-таки обозналась? Мирен буквально поедала глазами браслет. Аранча с увлечением смотрела телевизор, Селесте уже простилась, произнеся обычные свои милые и любезные слова, которые здесь, в нашей семье, если честно, не в ходу, но звучат очень даже приятно. Аранча ответила сиделке на свой манер – улыбнулась и помахала здоровой рукой, а Мирен – на свой, то есть немного сухо. Зато проводила Селесте до дверей и, вместо того чтобы закрыть дверь, вышла с ней на лестничную площадку.

– Послушай, ты, случайно, не знаешь, где моя дочь взяла браслет, который теперь у нее на руке?

– Его подарил ей сегодня один доктор. Браслет красивый, правда?

– Да, очень красивый. Если я правильно тебя поняла, браслет подарил какой-то мужчина, который работает в отделении?

– Нет, нет. Пришел доктор, как звать, не знаю. Никогда раньше я его не видала. И еще подумала, что он какой-то ваш родич, потому как пришел специально повидаться с Аранчей, а через несколько минут поцеловал ее так нежненько

в щечку, а она все время, что провела с ним, была довольна и счастлива. Они разговаривали. Вернее, доктор, тот говорил, а Аранча отвечала ему на своем айпэде, и под конец он подарил ей этот детский браслет.

– А имени доктора ты, случайно, не запомнила?

– Ой, нет, к несчастью, нет, не запомнила, сеньора Мирен, знаю только, что физиотерапевты называли его доктором. Но если вам хочется, я завтра же могу узнать. Он высокий такой, волосы с боков уже седые, а еще – очки. Нет, никогда раньше я его не встречала. А что, что-то не так?

– Все в порядке. Просто любопытно.

Хошиан вернулся домой в свое обычное время, с обычным блеском в пьяных глазках и, как обычно, почесывал бок в области печени. На сковородке скворчали обваленные в сухарях анчоусы, окно было распахнуто настежь, чтобы чад выходил на улицу. Аранча словно загипнотизированная смотрела на пар, который поднимался от стоявшей перед ней тарелки с супом. Хошиан поцеловал ее в лоб. Потом, усаживаясь за стол, устало вздохнул:

– Только вот есть что-то ни хрена не хочется.

Мирен с суровым видом:

– А руки мыть ты разве не пойдешь?

Он потер ладони одна о другую, словно держа под струей воды:

– Они у меня и так чистые.

– Не будь свиньей...

И Хошиан отправился в ванную мыть руки, ворча, но не смея послушаться. Когда он вернулся на кухню, Мирен за спиной Аранчи энергично делала ему какие-то знаки, которых он не понимал.

– Ну, чего тебе?

Она, поджав губы, бросила на него гневный взгляд, чтобы он ее не выдавал. И одновременно качала головой, словно говоря: Господи, да что же за терпение надо иметь с этим мужчиной.

Наконец Хошиан заметил браслет. Но притворяться он не умел, и Мирен готова была разбить ему голову сковородкой.

– Какой красивый! – И обращаясь к дочери: – Купила, что ли?

Аранча энергично замотала головой, несколько раз ткнув указательным пальцем себя в грудь, а потом изобразила губами два слова: он мой. Хошиан искал объяснения в угрюмом взгляде жены. Напрасно. А потом, до самого конца этой сцены, предпочел помалкивать, чтобы не попасть впросак.

Позднее, уже в постели и при погашенном свете, супруги перешептывались:

– Да ладно тебе, быть такого не может.

– Провалиться мне на этом месте! Этот самый браслет ей купил Чато во время праздника, много лет назад, когда дети были маленькими и мы с теми еще дружили.

– Ну и черт с ним, с браслетом, какая теперь разница.

Аранча, видать, отыскала его в каком-то ящике и нацепила.

– Ну и дурак же ты! Ничего она не отыскивала. Браслет ей подарил какой-то доктор.

– Нет, с тобой просто спятить можно. То говорила, что браслет ей Чато купил...

– Ш-ш-ш, не ори так.

Хошиан опять шепотом:

– Чато купил браслет Аранче, когда она была маленькой. Тут я все понял. И теперь, через много лет, какой-то доктор подарил нашей дочке браслет нашей дочки. Хоть режь меня, ничего не понимаю.

– Зато я с точностью знаю только то, что есть один-единственный доктор, который мог сделать что-то в таком роде. А еще он поцеловал Аранчу в щеку.

– Кто?

– Их старший сын. И еще он почему-то – почему, не спрашивай – хранил у себя этот браслет.

– Ты, мать, сериалов по телевизору насмотрелась.

– Нет, что-то они замышляют. Неужели до тебя не доходит? Они взяли и влезли в нашу жизнь, они уже здесь, в нашем доме, у нас в спальне, даже, считай, в этой вот постели, ведь мы с тобой без конца о них говорим. Подумай сам, зачем *эта* вернулась в поселок, и герань на балкон выставила, и по здешним лавкам ходит? А затем, что они хотят сжить нас со свету. Надо что-то делать, Хошиан.

– Ага, надо поспать.

– Я ведь серьезно говорю.

– И я тоже.

И он тут же захрапел. Мирен лежала, повернувшись на бок, но не спала, мрак для нее наполнился лицами, огнями, звуками. Перед глазами мелькали то герань, то браслет. Была тут и одиннадцатилетняя Аранча, которая устроила сцену, потому что хотела такой же браслет, как у Нереи. Был и Хосе Мари – он размазывал по лицу Горки крем от пирожного. И был Чато с его манерой выхватывать кошелек из кармана, как ковбои в фильмах выхватывают пистолет из кобуры. А еще Мирен видела *ту*, чье имя давно не произносит, потому что оно обжигает ей губы. *Ту*, что вернулась в поселок с дурными намерениями, но если *та* думает, что я испугаюсь... Пусть не надеется. Заснуть Мирен не могла. Еще одна ночь без сна. Голова забита всякими мыслями, мрак населен призраками. Она пошла на кухню, когда уже перевалило за полночь, и написала на листке бумаги: *Alde hemendik*³¹. Пойду суну ей записку под дверь, и тогда мы еще посмотрим, кто кого сильнее напугает. Мирен уже собралась выйти на улицу... А вдруг *та* узнает ее почерк? Мирен взяла новый листок. Повторила прежнюю фразу, но теперь печатными буквами. Вышла на лестничную площадку, держа тапочки в руках, чтобы спящие не услышали ее шагов, обулась на коврике, спустилась к выходу из подъезда и открыла дверь. Сделала шаг через порог и остановилась. Почему?

³¹ “Убирайся вон” (баск.).

Потому что шел дождь. Дождь с ветром. Настоящий ливень. Да еще косой. Вот уж ночка выдалась. И она сказала себе:

– Ну и ладно.

Потом разорвала лист бумаги, сунула обрывки в карман и вернулась в постель.

25. Не приезжай

Позвонили в дверь. Короткий, резкий звонок застал Биттори врасплох, когда она сидела в гостиной в кресле и просматривала обложки своей коллекции старых виниловых пластинок. С тех пор как ей вздумалось вернуться в поселок, этот пронзительный звонок, так хорошо знакомый по прошлым временам, раздался впервые.

Биттори не удивилась. Ждала кого-то? И да, и нет, во всяком случае, допускала, что рано или поздно один из них, а скорее одна из них, явится полюбопытствовать, поразнюхать, порасспрашивать ее о намерениях.

Кстати сказать, несколькими днями раньше она столкнулась на улице со старой знакомой, но последовавшая за этим сцена выглядела до того фальшивой, что не осталось никаких сомнений: встреча не была случайной.

– Господи, Биттори, сколько же лет мы не виделись! Я страшно рада! А ты все такая же красивая, какой была всегда.

У Биттори на языке вертелись самые язвительные ответы: да, знаешь ли, любой из нас только на пользу идет, когда убивают твоего мужа, а ты остаешься одна, становишься вдовой. Но Биттори сдержалась. Эту женщину она заметила издали, когда та еще стояла на углу. Наверняка меня поджидает, сейчас начнет задавать вопросы, какие ей велено за-

дать. И женщина их действительно задала, притворяясь, будто они только что пришли ей в голову. Это была одна из тех знакомых, что не явились на отпевание, из тех, что не выразили ей свои соболезнования, из тех, что перестали здороваться с нами, когда на стенах поселка появились надписи. Ты не должна никого ненавидеть, Биттори, ты не должна никого ненавидеть. Поэтому сейчас она отвечала уклончиво и неопределенно и улыбалась неискренней улыбкой, от которой у самой во рту оставалось ощущение чего-то студенистого, словно там сдохла медуза.

Биттори пошла открывать дверь. Дон Серапио. Сколько приторности во взгляде, сколько кротости в чуть приподнятых бровях. Бледные изнеженные руки то соединяются, то расцепляются. Брыжи, лосьон после бритья. А вот у Биттори лицо – каменная маска, и на нем при виде священника не дрогнул ни один мускул. Удивилась ли она? Ни капли. Как если бы, распахнув дверь, вообще никого не обнаружила на пороге.

Священник сделал было шаг вперед, явно вознамерившись обнять ее, приложиться щекой к щеке. Этот человек всегда любил выражать свою приязнь с помощью прикосновений. Биттори отпрянула, лицо ее напряглось еще больше, словно предупреждая, что лучше ему держаться от нее на расстоянии. Священник объяснил на баскском языке, что решил навестить ее. Она пристально смотрела на него, уперев руку в дверной косяк и красноречиво давая понять,

что, если он вздумает лезть не в свое дело, она захлопнет дверь у него перед носом. Потом, обращаясь на “ты”, ответила/пригласила войти. По-испански.

В доме Господа пусть командует священник, а у себя дома командовать буду я. И дон Серапио, которому уже перевалило за семьдесят, зашел в квартиру, по пути разглядывая пол и стены, мебель и украшения, и казалось, будто вместо глаз у него фотокамера. Нос священника тут же учуял – было два часа дня – запах морсильи³² с фасолью, которую Биттори поставила разогреваться на кухне.

– Ты живешь здесь?

– Конечно, ведь это мой дом.

Биттори уступила ему кресло, где до этого сидела сама, перебирая свою коллекцию пластинок. А уступила она кресло нарочно, чтобы каждый раз, поднимая глаза, он утыкался взглядом в фотографию Чато, висевшую на стене. Себе она принесла с кухни стул. Священник завел подходящий к случаю разговор. Расточал ей похвалы и не скупился на лесть, каждым своим жестом выражая добрый настрой и пуская в ход выражения, исполненные преувеличенного смирения, но старался при этом направлять беседу в нужное русло. А вот Биттори, если изредка и включалась в разговор, то демонстративно переводила его на испанский язык, так что дону Серапио, который ни в коем случае не хотел накалять обстановку, пришлось, в свою очередь, отказаться от баскско-

³² *Морсилья* – сорт кровяной колбасы.

го.

Их разговор как непоседливая лягушка перескакивал с какой-нибудь самой ничтожной темы – или полутемы, или подтемы – на другую, не менее случайную, чуть задерживаясь на погоде, здоровье и семье, пока Биттори, которая так и не успела пообедать и имела весьма скудный запас терпения, не спросила его в лоб:

– Почему ты не говоришь о том, о чем явился поговорить со мной?

Дон Серапио невольно направил взгляд вверх головы своей угрюмой собеседницы на фотографию Чато:

– Хорошо, Биттори. Я не знаю, поняла ты или нет, что твое присутствие в поселке создает своего рода напряжение. Хотя “напряжение” – не совсем точное слово.

– Лучше сказать переполох?

– Я неудачно выразился. Прости меня. Лучше сказать так: люди видят, что ты каждый день сюда приезжаешь, они удивляются и задаются разными вопросами.

– А ты-то откуда знаешь, какими вопросами они задаются? Неужто специально идут в церковь, чтобы поделиться с тобой?

– Новости по поселку разносятся быстро. И конечно, с тех пор как ты стала сюда навещаться, слухи не утихают. Ты приезжаешь в свой поселок, и никто не станет тебе этого запрещать. Я бы даже сказал: добро пожаловать. Однако ситуация складывается гораздо более сложная, чем может пока-

заться на первый взгляд, и то, что ты имеешь законное право вернуться в свой дом, не означает, что и у других жителей поселка не должно быть своих прав.

– Например?

– Например, права начать устраивать собственную жизнь по-новому – чтобы и у нас здесь наконец воцарился мир. Вооруженная борьба нанесла жестокий удар по нашему народу, как, впрочем, не будем забывать об этом, и некоторые действия государственных сил безопасности. К несчастью, были погибшие – среди них твой муж, царствие ему небесное, и те двое гвардейцев, которых убили на заводском полигоне. Это ужасные трагедии, и мы скорбим всем сердцем, вспоминая о них, но мы не должны отворачивать наши взоры и от страданий других людей. Имели место репрессии, в наших домах без всякого повода проводились обыски, аресту подвергали невинных, с ними плохо обращались или, если выражаться точнее, их пытали в полицейских участках. Вот и сейчас девять сыновей из нашего поселка отбывают многолетние сроки в тюрьмах. Не берусь судить, заслужили они или нет такое наказание. Я не юрист и уж тем более не политик, я простой священник, который хочет помочь здешним людям жить в мире.

– Не желаешь ли ты сказать, что этому миру что-то угрожает из-за того, что вдова убитого приезжает на несколько часов в свой собственный дом?

– Нет, ничего подобного у меня и в мыслях не было.

Я пришел лишь просить тебя об одолжении от лица жителей поселка. Если ты это одолжение сделаешь, буду тебе очень благодарен, если нет, смиренно приму твой отказ. Я знаю, как ты страдала, Биттори. Я никогда не усомнюсь в искренности твоих чувств и никогда не осмелюсь в чем-то тебя упрекнуть. Вы, ты и твои дети, всегда присутствовали в моих молитвах. И поверь, если твой муж сейчас не пребывает рядом с Господом, то не потому, что я сто и тысячу раз не молил о том Всевышнего. Но как Бог печется о душах умерших, так я должен печься о душах тех, кто обитает в моем приходе. Хорошо я с этим справляюсь или плохо? Разумеется, мне случается совершать ошибки. Разумеется, я не всегда нахожу нужные слова и не раз говорил не то, что хотел сказать. Или же говорил, когда следовало промолчать. Или промолчал, когда следовало высказать свое мнение. Я далек от совершенства, как и любой другой человек, и тем не менее обязан до конца дней своих выполнять возложенную на меня миссию. Из последних сил и не позволяя себе падать духом. Пойми, я не могу явиться в одну из тех несчастных семей и сказать: сожалею, но ваш сынок был членом ЭТА, так что теперь мне нет до вас никакого дела. Разве ты поступила бы так, окажись на моем месте?

– На твоем месте я говорила бы прямо. Что ты от меня хочешь?

На сей раз священник, вместо того чтобы поднять глаза на Чато, уставился на некую точку на полу, где-то между сво-

ими ногами и ногами Биттори.

– Чтобы ты не приезжала.

– Чтобы я не приезжала в собственный дом?

– Хотя бы какое-то время, пока воды не войдут в прежнее русло и не наступит мир. Бог милостив. За то, что тебе довелось вытерпеть здесь, на земле, Он вознаградит тебя в другой жизни. Не позволяй злым чувствам воцариться в твоей душе.

На следующее утро, все еще задыхаясь от ярости, Биттори отправилась на кладбище Польоэ, чтобы рассказать обо всем Чато. Говорить пришлось стоя, так как лил сильный дождь, и она не решилась сесть на край мокрой плиты.

– Да, так он мне и сказал. Чтобы я не приезжала в поселок и не мешала процессу установления мира. Сам видишь, жертвы, они мешают. Эти люди хотят взять метлу и замести нас под ковер. Чтобы нас не было видно, и если мы исчезнем из публичной жизни, а они тем временем вытащат своих узников из тюрем, это и будет называться миром. Тогда все останутся довольны: здесь, у нас, ничего не произошло. Он сказал, что настала пора нам всем простить друг друга. И когда я спросила, у кого же должна просить прощения лично я, ответил, что ни у кого, но, к несчастью, я была частью конфликта, в который оказалось вовлеченным все общество, а не только отдельная группа граждан, и нельзя исключать, что те, кто должен был бы попросить прощения у меня, в свою очередь ждут, что кто-то попросит прощения

и у них самих. А так как все это очень сложно, священник считает, что лучше было бы сейчас, когда прекратились теракты, дать обстановке успокоиться – пусть напряжение спадет, пусть время поможет утихнуть боли и обидам. Что ты на это скажешь, Чато? Я держала себя в руках, но и промолчать не смогла. И кое-что ему высказала.

Биттори посмотрела священнику прямо в глаза:

– Послушай, Серапио. Если кто-то не желает видеть меня в поселке, пусть меня пристрелят, как пристрелили Чато, потому что я собираюсь приезжать сюда столько раз, сколько захочу. И вообще, единственное, что я могла бы потерять, это жизнь, а мне ее разрушили уже много лет назад. Я не жду, что кто-то попросит у меня прощения, хотя, если честно, вот сейчас подумала об этом и решила, что такой поступок выглядел бы очень по-человечески. На этом я ставлю точку, потому что мне уже давно пора обедать. Скажи тому, кто послал тебя сюда, что я не успокоюсь, пока не узнаю всех подробностей гибели моего мужа.

– Биттори, ради бога, зачем растравлять раны?

И тогда я ответила ему:

– Чтобы выпустить весь гной, который там накопился. Иначе рана никогда не затянется.

Больше мы не сказали друг другу ни слова. Он ушел от меня с унылым видом, но еще как будто и обиженный. А мне плевать. Как только я глянула сквозь щелку в жалюзи и убедилась, что он шагает прочь от моего дома, я бегом кинулась

на кухню и съела большую тарелку фасоли, потому что просто умирала от голода. Ну и что ты об этом думаешь, Чато? Правильно я поступила? Ты ведь знаешь, что характера мне не занимать.

26. С кем ты, с теми или с нами?

Дождь, падая на могильные плиты, звучал по-осеннему – свежо и приглушенно, и это нравилось Биттори. Да, нравилось, потому что дождь не только немного промыл все вокруг, он, как ей воображалось, донес до покойных что-то живое... Во всяком случае, мне хочется так себе это вообразить.

Раздумывая над подобными вещами, она шла, обходя лужи, и вдруг заметила улиток на могильных плитах, и ее кольнуло желание (и не в первый раз) собрать их и унести домой себе на обед. Биттори старалась спасти под зонтом сделанную дома прическу. Дождь не прекращался. Едва она вышла за ворота, как увидела подъезжающий автобус и села на него. Что теперь? Биттори перебирала в голове варианты и взвешивала свои возможности. У меня еще осталась вчерашняя фасоль, миску для кошки я кормом наполнила, дома меня никто не ждет. Больше всего ее бесила мысль, что дон Серапио может решить, будто она согласилась на его просьбу некоторое время не появляться в поселке. Поэтому Биттори сошла у бульвара, купила в ближайшей лавке две булки и – нет, не будет по-вашему, не дождетесь! – на первом же автобусе поехала в поселок.

У себя дома она снова подогрела остатки вчерашнего обеда и поела. Сделала одно, сделала другое. Потом взялась со-

единять какие-то провода, восстанавливать контакты, все то, чем прежде обычно занимался Чато. В результате проигрыватель все же заработал. И в промежутке между двумя старыми песнями до нее донесся звон колокола. Была суббота, она схватила зонтик и пошла. Куда? Понятно куда. К семичасовой мессе. Войдя в церковь, хотела было сесть в первом ряду, как в тот далекий день, когда отпевали ее мужа, но тотчас передумала, решив, что это будет выглядеть слишком уж вызывающе. Поэтому она выбрала крайнее место на скамье в последнем ряду справа – оттуда была хорошо видна вся церковь и можно было без опаски наблюдать за молящимися.

К началу мессы народу было уже довольно много, хотя и не столько, сколько собиралось в прежние времена. Никто не сел поблизости от Биттори, из чего она сделала вывод, что ее присутствие не осталось незамеченным, – а мне плевать, я и не ожидала, что меня встретят аплодисментами в этом Божьем доме, где якобы проповедуют любовь к ближним.

Из-за этой пустоты вокруг Биттори сразу привлекала к себе внимание, и как только из двери ризницы вышел священник в зеленой ризе, она, стараясь двигаться как можно незаметнее, перебралась на одну из скамей левой половины. И выбрала себе место за спинами людей, которых не знала. Ненароком метнув взгляд в сторону, Биттори увидела перед колонной инвалидную коляску.

Мирен, еще не заметив Биттори, почувствовала, что та находится в церкви. Мирен вошла, толкая перед собой коляс-

ку, за несколько минут до семи. Кто-то предупредительно придержал перед ними дверь. Кто именно? Какая разница, это мог сделать кто угодно. И Мирен заняла свое обычное место – коляска Аранчи рядом, статуя Игнатия Лойолы чуть впереди, у боковой стены, окутанная полумраком. И тут она будто услышала, как чей-то голос зашептал ей на ухо. Мирен незаметно тряхнула головой в знак того, что все поняла, но вправо ни разу не глянула – ни тогда, ни в течение всей мессы.

Эта ведет себя с каждым днем все наглее. Мирен была возмущена святым Игнатием и бросила в его сторону сердитый взгляд – между колонной и затылком Аранчи. С кем ты, в конце-то концов, – с теми или с нами? Хотя месса только началась, ей очень захотелось уйти. Нет, ну кто же мог такое вообразить – чтобы *эта* еще и в церковь явилась! Сами же мира требовали – и на своих демонстрациях, и в газетах, а когда мир вроде бы наступил, сразу же принялись делать все, чтобы его к чертям собачьим разрушить. Мирен уже приготовилась встать, но успела еще раз хорошенько подумать. Чтобы я ушла? Нет уж, пусть уходит *эта*. А потом повернулась к святому Игнатию: если ты встал на ее сторону, тогда вдвоем отсюда и убирайтесь.

Проповедь. Две женщины сидят на разных концах одной и той же скамьи, между ними еще три-четыре человека. Дон Серапио сразу увидел обеих с амвона. Он не назвал их по именам, чего не было, того не было, зато внезап-

но свернул с накатанной темы и принялся импровизировать, сперва, правда, слегка спотыкаясь, но потом из уст его потоком полились фразы про мир и примирение, про прощение и добрососедство, и были они обращены – тут уж вы со мной не спорьте! – в первую очередь, если не исключительно, к двум этим женщинам.

Он рассказал какую-то историю, или случай, или притчу – называйте как угодно – о двух людях, связанных крепкими узами дружбы, которая делала их счастливыми; но как-то раз они поссорились и стали несчастными, однако Господь возжелал, чтобы они примирились, и хотя это было непросто, время спустя примирение состоялось, и таким образом к ним вернулось прежнее счастье. Потому что, как говорил Иисус, возлюби... И так далее. Священник разошелся не на шутку, и у него получилась пылкая проповедь на целых двадцать минут – хотя обычно он говорил наставительно и взвешенно.

Мирен между тем уже прекратила свою беседу с Игнатием де Лойолой. Ты никогда не даешь мне того, о чем я прошу. И теперь сидела насупившись. Занятая своими обидами и раздумьями, она не сразу заметила, что Аранча здоровой рукой посылает приветы *той* женщине. Только этого нам и не хватало! У Аранчи даже голова стала покачиваться под тяжестью улыбки. Она улыбалась глазами, улыбалась губами, лбом, ушами. Срам один, а не улыбка. Или у нее опять удар случился? Хотя, если подумать как следу-

ет, может, Аранча и не приветы посылала, а показывала свой чепуховый браслет, который дома с нее никакими силами невозможно было снять. Слышь, дочка, это ведь всего лишь игрушка. Мирен незаметно подняла тормоз на коляске. И, надавив ногой, развернула ее так, что Аранча оказалась лицом к алтарю, но и теперь эта дурища – Господи, дай Ты мне побольше терпения! – все силилась оглянуться, и мать еще немного подтолкнула коляску, потом еще чуть-чуть – ближе к стене, так что Аранча больше уж никак не могла обмениваться знаками с *той*.

Биттори то и дело поглядывала влево, после того как заметила, что Аранча подает ей знаки. Вытянув шею, за профилями трех или четырех разделяющих их прихожан она могла увидеть частично мать и всю целиком дочь. Пока вдруг не обнаружила – вот странно! – что коляска уже не стоит в прежнем положении и что нет никакой возможности ответить Аранче улыбкой на ее улыбку.

Скрестив руки над грудью, Мирен пошла причащаться. А ведь *та* наверняка сейчас смотрит на меня, прямо кожей чувствую, как впиваются иголки ее взглядов. И Биттори действительно не отводила от нее глаз: это надо же, какое благочестие, надеется небось прямиком в рай попасть. Интересно, что ей там скажут, когда увидят, что рубашка у нее залита кровью моего мужа. К священнику уже образовалась небольшая очередь. И Биттори вдруг захотелось тоже присоединиться к цепочке причащающихся. Что с того, что она

не верит в Бога и не соблюдает никаких обрядов? Зато когда та, другая, с гостией на языке будет возвращаться по центральному проходу на свое место, возможно, их взгляды хотя бы на миг пересекутся. Биттори представила себе эту сцену. И сразу же почувствовала всплеск эйфории. Даже дернулась было, чтобы встать. Но ей помешал острый укол в живот, третий или четвертый за последние дни. Она пережила пять мучительных минут, боясь потерять сознание, так ей было плохо. Закрыв глаза, она сделала несколько медленных вдохов и постепенно пришла в себя – как раз к тому мигу, когда месса закончилась и прихожане двинулись к выходу. Биттори смогла подняться на ноги и сразу увидела, что инвалидной коляски на прежнем месте уже нет.

Биттори покинула церковь в числе последних. Когда она оказалась на площади, шел дождь, и, скорее всего, именно из-за дождя люди так быстро разбежались по домам. Не прошла Биттори и пяти шагов, как перед ней выросли две расплывчатые фигуры.

– Ты нас узнаешь?

Голос показался ей незнакомым, лица были видны плохо, но она все-таки узнала их, хотя и не сразу, однако очень быстро – да, конечно, узнала: такой-то и такая-то, пожилая супружеская пара, жители поселка. Говорили они шепотом:

– Мы увидели тебя в церкви и страшно обрадовались. И тогда я ему сказала: давай подождем ее. Мы очень хорошо к тебе относимся. И всегда хорошо относились.

Следом заговорил он, но так тихо, что колотящий по зонтику дождь заглушал его голос, и Биттори пришлось напрягать слух.

– Мы сами никогда не были националистами. Но, как ты сама понимаешь, лучше, чтобы здесь об этом не знали.

Биттори поблагодарила их. Потом извинилась, сославшись на то, что спешит.

– Разумеется. Мы тебя не хотим задерживать.

Спешит? Никуда она не спешила. Она растворилась во мраке, спряталась в первом попавшемся подъезде и какое-то время стояла, прислонившись к стене, и дожидалась, пока отпустит боль.

27. Семейный обед

Воскресенье. Паэлья. Первой явилась Нерeya. Туфли без каблуков, губы без помады, сама без мужа. Мать с дочерью быстро потерлись щекой о щеку в прихожей.

– Ну как Лондон?

Нерeya привезла ей в подарок придверный коврик. Купила его там-то и там-то. Все названия она произносила, сильно напрягая губы, наверное, по инерции, ведь целых две недели ей пришлось говорить на чужом языке.

– Посмотри, правда красивый?

На коврике был изображен красный двухэтажный автобус. Биттори с притворным восторгом подтвердила, что он просто чудесный, но зачем было тратить на меня деньги, дочка? Нерeya вышла за дверь, чтобы заменить старый коврик на новый. Старый поставила к стенке, решив позднее вынести его к мусорному контейнеру.

– А где Кике? Он что, не любит паэлью?

– Никакого Кике больше нет. Потом все расскажу.

Кошка дремала на диване. Она позволила себя погладить, едва приоткрыв при этом глаза. День снаружи был серый. В дверь позвонили. Шавьер поцеловал/обнял мать, поцеловал/обнял Нерeyю. Кошку он словно не заметил, как не обратил внимания и на новый коврик, о который только что вытер ноги. Шавьер принес бутылку вина и цветы. Незачем

тебе было тратить столько денег. Они редко обедают вместе, втроем. Рождество, день рождения Биттори... А сегодня? Ну, решили собраться без всякого особого повода, вернее, только потому, что Нереза вернулась из Лондона, или потому, что они уже давно не сидели своей семьей за одним столом. Шавьер рассказал печальную историю одного из пациентов их больницы, потом вторую, но уже довольно смешную, хотя после первой смеяться никому не захотелось.

Они принялись за закуски. Нереза захлеб рассказывала о путешествии (мы вошли в... отправились в... побывали в...), а ее брат, откупоривая бутылку, сразу заметил в описаниях сестры важное упущение:

– А что поделявает Кике?

– Думаю, он все еще в Лондоне.

Любопытство и недоумение помешали Шавьеру довести дело с пробкой до конца.

Биттори быстро вмешалась:

– Они снова рассорились.

– То есть, надо понимать, разошлись.

– Это не одно и то же.

– Хотя вы ведь с ним и так всегда жили каждый в своей квартире. Или я ошибаюсь?

– Нет, не ошибаешься.

Что ж, мать с братом в любом случае вскоре обо всем узнают, поэтому Нереза объяснила, описала, добавила подробности.

– Ну вот, теперь вам все известно. Мы расстались по взаимному соглашению. Окончательно или нет, покажет время. Кике готов ежемесячно переводить мне определенную сумму. Я, само собой, сказала, что об этом не может быть и речи.

У матери брови взлетели вверх:

– А почему об этом не может быть и речи?

– Потому что я предпочитаю ничем не быть ему обязанной.

Шавьер собрался было налить вина матери, но та отказалась; потом Нерее, сестра последовала ее примеру. Он решил было наполнить свой бокал, однако передумал и отставил непочатую бутылку на край стола. Биттори пошла на кухню за паэльей. Нерее: тебе нужна помощь? Биттори: нет.

Пока мать отсутствовала, брат с сестрой немного пошептались.

Шавьер:

– Только прошу тебя, не затрагивай этой темы.

Возвращаясь с кухни, Биттори на лету поймала последние слова.

– Какой еще “этой темы”?

Плетеную подставку под горячее с черными подпалинами их семейство использовало еще там, в поселке, когда дети были маленькими, когда был жив отец, да и сковороду для паэли с облупившейся по краю эмалью – тоже. Нерее уже устала повторять матери, что пора выбросить на помойку это старье и купить взамен что-нибудь новое. А салфетку

ками, годными для музея, если не для лавки старьевщика, еще Чато двадцать лет назад вытирал испачканные жиром пальцы.

От риса поднимаются последние ниточки пара. Биттори наполняет тарелку Шавьера. Любимый сын? Любимый, потому что не приспособлен к практической жизни? Вот Неря, та сделана совсем из другого теста. Она решительно хватает шумовку и сама накладывает себе еду, перечисляя/вспоминая при этом лондонские завтраки, обеды и ужины среднего/сомнительного качества. Когда все уже принялись за паэлью, ей вдруг захотелось поделиться собственными планами на ближайшее, и не только ближайшее, будущее. Вот такими:

– В конце концов я решила, что, как только представится возможность, непременно съезжу в тюрьму на свидание по “программе перевоспитания”.

Молчание. Это и была упомянутая Шавьером тема. А так как спорить с ней никто не стал, Неря продолжила:

– Я уже поговорила по телефону с кураторшей программы. Очень симпатичная женщина. У меня она вызывает доверие. Правда, поначалу, если честно, не слишком вызывала, но постепенно я узнала ее лучше. Сейчас я сообщила ей, что вернулась из Лондона и готова снова присоединиться к подготовительным занятиям. Что еще? А рассказываю я вам об этом, потому что не люблю что-то делать втихаря. Хотя и думаю, что вы будете против моей затеи.

Мать с братом разом посмотрели на нее – строго, а скорее даже равнодушно, и так же разом отвели взгляды. Они что, не воспринимают ее всерьез? Было слышно, как старательно работают их челюсти. Взгляды были опять прикованы к тарелкам, которые постепенно пустели. Потом Биттори медленно сделала глоток из стакана с водой, провела ветхой салфеткой по губам и спросила как-то безучастно, как-то механически:

– И чего ты надеешься добиться?

– Сама не знаю. А еще пока не знаю и того, с кем в результате встречусь. Зато одну вещь знаю четко. Я хочу, чтобы хотя бы один из них понял, что они нам сделали и как мы с этим жили.

– Скажи лучше, как жила с этим ты.

– Да.

Шавьер молча ел.

– А потом?

– Послушаю, что он скажет в ответ.

– Надеешься, что попросит прощения?

– Честно признаться, я об этом даже не думала. Если верить кураторше, все, кто до сих пор участвовал в подобных встречах, испытали настоящее счастье. По ее мнению, никто не пожалел о том, что приехал на свидание. Мало того, среди жертв есть и такие, кто посчитал, что в человеческом плане стал лучше. Хорошо, ну даже если кто-то всего лишь почувствовал облегчение, и это, по-моему, не так уж и мало.

Потому что ты уже будешь открыт для всего позитивного. Например, как если бы рана перестала гноиться. Да, шрам останется навсегда. Но шрам – это уже признак выздоровления. Не знаю, как вам, а мне хотелось бы дожить до такого дня, когда, взглянув в зеркало, я перестану видеть там только лицо человека, обреченного быть жертвой. Еще мне пообещали, что будет соблюдаться полная секретность. Во всяком случае, пресса ничего о встрече не узнает.

Шавьер хмуро молчал. Все последнее время он старательно уговаривал Нерею скрыть свою затею от матери. Почему? Чтобы не волновать ее. Но оказалось, что Биттори восприняла новость совершенно спокойно.

– Знаешь, дочка, поступай так, как тебе подсказывает здравый смысл. Некий человек – а он как раз и представлял Ассоциацию помощи жертвам терроризма – не так давно рассказал мне о таких встречах, и теперь я более или менее в курсе дела и понимаю, о чем речь и как это организовано. Лично меня не привлекает мысль поехать и побеседовать с одним из убийц – с любимым, без разбора. Напрасная трата времени, по-моему. Они причинили мне столько зла, что от пустых разговоров рана не затянется. У меня все тело – одна сплошная рана. Вряд ли я должна тебе это объяснять. И если в результате останется, как ты говоришь, шрам, то я стану одним сплошным шрамом. Словно обгорела с ног до головы. В крайнем случае я еще пошла бы на такое свидание, чтобы взглянуть в глаза тому, кто убил вашего отца. Вот

ему я бы нашла что сказать. – Биттори повернулась к Шавьеру: – А ты как считаешь? Ты что, язык проглотил?

Шавьер по-прежнему не поднимал глаз от тарелки:

– Это дело сугубо личное. И я не хочу никому навязывать свое мнение.

– Я тебя о другом спрашиваю: ты сам-то не собираешься ехать на такую встречу?

– Нет.

Ответ прозвучал резко, даже агрессивно. И Нерeya, отодвигая свою тарелку, в которой еще что-то оставалось, к центру стола в знак того, что для нее обед закончился, сказала, что:

– После встречи в тюрьме я, вполне возможно, перееду жить в другой город. Пока не знаю, куда именно. А может, уеду и вовсе за границу.

Они приняли новость без комментариев и не задали ни одного вопроса. Потом серьезно, сдержанно перешли к обсуждению каких-то повседневных дел. Первым, не дождаввшись десерта и кофе, распрощался Шавьер, так как в то воскресенье игрался футбольный матч, а он с самого детства был членом “Реал Сосьедад”, хотя и редко бывал на стадионе. Нерeya помогла матери собрать посуду. Когда они остались одни, дочь спросила, что Биттори думает о ее планах на будущее.

– Ты уже взрослая, сама должна знать, что делаешь.

– Неужели тебе хочется, чтобы я кончила так же, как брат?

– А разве с твоим братом что-нибудь не в порядке?

– Я никогда не видела человека безрадостнее, печальнее.

– Много ты понимаешь в печалях... как, впрочем,

и во всем остальном.

– У меня тоже достаточно причин, чтобы считать себя несчастной. Но знаешь, в Лондоне в тот самый вечер, когда мы с Кике договорились пожить какое-то время врозь, я пошла прогуляться по берегу реки. И, гуляя, вдруг подумала: Господи, ну что мне делать? Прыгнуть в воду и разом со всем покончить или все-таки поискать выход из лабиринта, по которому уже давно, слишком давно, блуждаю? Я увидела мутную воду, и городские огни, отраженные в реке, и людей во круг, и услышала музыку где-то совсем близко, и ветер дул мне прямо в лицо, и я решила: да пропадите вы все пропадом, а ты, Неряя, держи голову выше, не сдавайся, живи – вот именно, живи, девочка, даже если тебя довели до ручки, не сдавайся, борись, ищи. Я ведь, само собой, знала, что ты каждый божий день едешь в поселок, и мне это очень нравится. Значит, ты тоже что-то ищешь.

– Я? Ищу? Ничего я не ищу. Просто езжу к себе домой.

А что, разве нельзя? Или тебя это раздражает?

И в ее глазах, и в сжатых губах была ярость. Больше они ни о чем не говорили. И очень скоро, выходя из материнской квартиры, Неряя обратила внимание, что старого коврика у двери уже нет.

28. Между братом и сестрой

Ноябрьская серость. Когда Неря вышла из подъезда, накрапывал дождь. Ей надо было спуститься под горку, но там, внизу, стоял мужчина, лицо которого закрывал черный зонт. У Неря екнуло сердце. Такого не может быть, ведь с терроризмом уже покончено. И тем не менее ей внушал страх этот одинокий человек, да и вид у него был подозрительный, будто... На всякий случай она перешла на другую сторону улицы. И тут мужчина обернулся. Шавьер.

– Ты ведь сказал, что торопишься на футбол.

– Я передумал.

Почему? Счел, что сейчас им важнее кое-что обсудить. Неря: не пугай меня. Он: а ты не паникуй. Просто мы с тобой слишком редко видимся, поэтому у нас давно не было случая поговорить с глазу на глаз. Они решили спуститься на улицу Сан-Мартин. По дороге Неря велела ему закрыть зонт, ведь дождь уже кончился, и Шавьер зонт закрыл. Вскоре они сели за столик в кафе отеля “Европа”.

– Вот уж не знала, что ты любишь коньяк.

– Надо же что-то заказать. Мы не можем рассиживать здесь просто так.

Она попросила принести ей отвар ромашки. После паэлы во рту чувствовался привкус масла, а в желудке – тяжесть.

Шавьер пропустил жалобы сестры мимо ушей. Он сразу

взял быка за рога:

– Нам с тобой, конечно, следовало встретиться до того, как мы пришли к матери, где, должен честно признаться, я чувствую себя не в своей тарелке. Встретиться и выработать общую линию поведения по некоторым вопросам, чтобы избавить мать от лишних переживаний. Кроме того, ты вела себя опрометчиво, хотя я готов признать часть вины и за собой, так как вовремя не вмешался.

– То есть не заставил меня заткнуться?

– Нет, просто ты не должна была так откровенно говорить о своих планах на будущее. А должна была проявить осмотрительность или, иначе говоря, деликатность, если, конечно, тебе известно такое слово.

– Ты, надо полагать, имеешь в виду ту деликатность, какую проявляешь сейчас сам, да?

– Вполне бы хватило истории о твоём очередном, бог весть каком, разрыве с мужем. А остальное могла бы приберечь для следующего случая. Кроме того, тебе ведь показалось, будто мама на все реагировала спокойно, да? Так вот, хочу тебя заверить, что спокойствие это было чисто внешним. Маской, если угодно, которую она носит с тех пор, как овдовела. Она ведь только притворяется сильной. Но если бы ты присмотрелась так же внимательно, как я, вместо того чтобы болтать без умолку, – а у тебя случилось что-то вроде приступа эйфории, что, кстати сказать, я отметил не без тревоги, – то ты бы увидела в глазах у мамы или даже прямо

у нее на лбу, что каждое твое слово она воспринимала как удар камнем.

– Правда? Странно только, что сам ты умудрился что-то заметить, хотя, насколько помнится, ни разу не поднял глаз от тарелки.

– Есть вещи, которые видишь не глядя. Послушай, Неря, вероятно, разрыв с Кике подействовал на тебя сильнее, чем ты хочешь признаться. Тебе лучше знать. Пока мы обедали, у меня создалось впечатление, что ты ведешь себя как женщина, которой вдруг захотелось сделать сразу и то и се – при этом любой ценой, не думая о последствиях, которые твои поступки будут иметь для близких. И вообще, если говорить начистоту, ты выглядела какой-то взбудораженной.

– А если и так, что с того? Или я должна непременно перенять твой образ жизни?

– Перед поездкой в Лондон ты заверила нас, что отказалась от мысли участвовать в этой самой встрече в тюрьме. А теперь мы узнаем, что “программа перевоспитания” тебя по-прежнему живо интересует. И все ради чего? Ради того, чтобы обрести психологический комфорт, прежде чем уехать отсюда? Спасайся, кто может, так? Неужели ты и вправду могла бы чувствовать себя счастливой, зная, в каком состоянии находится мать? Я бы не смог. Вернее, смог бы почувствовать себя чуть лучше, но на краткий миг, пока сидел бы перед раскаявшимся убийцей. А вот потом, вернувшись в Сан-Себастьян, быстро убедился бы, что ис-

пытанное мною облегчение ничем не поможет дорогим мне людям, и даже наоборот, и тогда я опять почувствовал бы себя, как раньше, или еще хуже.

– Ты обвиняешь меня в эгоизме?

– Скажем лучше, в наивности.

– Шавьер, я уже давно не твоя восьмилетняя сестренка.

Со времен нашего детства прошло много лет. Мне не нужен воспитатель. Я научилась жить своим умом.

– Не отрицаю. Поэтому и решил поговорить с тобой, ведь предполагается, что ты человек, способный самостоятельно принимать решения, но это не исключает ошибок. Ошибок, которые могут больно задеть других людей, как в данном случае.

– Ты преувеличиваешь.

– То, что случилось с отцом, ты толкуешь так, словно это касается только тебя одной. То есть ищешь выход, подходящий именно тебе, или соответствующий твоим планам, или называй это как угодно. В итоге ты начнешь новую жизнь в Касакристо-де-ла-Фронтера, будешь любоваться пальмами на берегу, и тебе в голову не придет, что, возможно, своим решением ты усугубляешь страдания тех, кто остался здесь.

– То, чем страдаете вы с матерью, называется эмоциональной блокировкой. Вы сами загнали себя в яму, где все пропитано горем, обидой и печалью, и не можете оттуда выбраться, а на мой взгляд, и вряд ли хотите, пожалуй. А я уже дошла до ручки. И с меня хватит. Что-то в моей душе должно пе-

ремениться. Поэтому, побеседовав с нужными людьми, я задумала отправиться туда, где держат этих убийц, и сказать одному из них: вот что ты со мной сделал, вот они, последствия, забирай их себе, дарю. А потом я уеду куда-нибудь подальше, и не важно, попросит он у меня прощения или нет, – уеду в такое место, где никто меня не узнает, где никто не станет перешептываться за моей спиной. Где я смогу заняться чем-то полезным, сделать что-то для других – ну, не знаю, буду, скажем, помогать пострадавшим от насилия женщинам или сиротам. Так что никакого эгоизма тут нет. Мало того, эгоизмом, по-моему, было бы как раз остаться в Сан-Себастьяне и зализывать раны до конца своих дней. Да оторви ты глаза от этой чертовой рюмки с коньяком. Посмотри на меня. Я разведенная женщина без детей, у меня вот-вот начнется климакс. А ты сидишь и мотаешь мне нервы. Знаешь, я бы с удовольствием выплеснула тебе в лицо вот этот отвар ромашки.

Ни один мускул не дрогнул на его лице. Он так и не посмотрел на сестру. Не оторвал глаз от рюмки, даже когда сказал:

– Есть вещь, которой ты не знаешь. И я напрасно не сообщил тебе о ней раньше. Еще и по этой причине мы с тобой должны были действовать сообща. Насколько я понимаю, мама больна. Чем именно, пока не знаю. Результаты последних анализов не обещают ничего хорошего. Пока ты была в Лондоне, я договорился с одним из лучших здесь онко-

логов о консультации для нее. Но в назначенный день мать к нему не пришла. Говорит, что забыла. В чем я сильно сомневаюсь. Однако пытаюсь не слишком пугать ее. Говорю, что речь идет о самом обычном и дежурном обследовании. Она, разумеется, не дура и, чувствуя определенные симптомы, способна их более или менее правильно истолковать. Я очень прошу тебя повременить с твоими планами. Лучше всего будет, на мой взгляд, если ты вообще откажешься от них, по крайней мере, пока жива наша мама. Прояви великодушие и не делай ничего, что могло бы ухудшить ее состояние.

– Рак?

– Почти наверняка.

Шавьер подошел к стойке и попросил счет: два коньяка и отвар ромашки. А еще он воспользовался случаем и поинтересовался у официанта, как там дела на стадионе. К середине первого тайма ничья, ноль – ноль. Шавьер вернулся к сестре, но садиться уже не стал.

– Подумай и, когда у тебя будет готов ответ, сообщи его мне, пожалуйста.

– А тут и думать не о чем. Завтра же позвоню той женщине и поставлю ее в известность, что выхожу из игры. Сеньор доктор в очередной раз добился своего. Но поверь мне: в один прекрасный день, не знаю, когда именно, я уеду из этих богом проклятых краев.

Шавьер наклонился, чтобы по-братски поцеловать ее

в щеку:

– Трудные времена.

– Кто бы спорил.

Они простились довольно сдержанно, без бурных проявлений чувств, без улыбок. Он вышел. Дождь к тому часу уже прекратился. Она еще какое-то время посидела за своим столиком в углу и словно загипнотизированная смотрела сквозь стекло на уличную серость.

29. Двухцветные листья

Только для того, чтобы оправдать свое затянувшееся пребывание в кафе, Нереза заказала минеральную воду. Снаружи начало темнеть. Мимо проезжали машины с зажженными фарами. Посетители? Почти никого. И Нереза пересела за другой столик. Он стоял ближе к стеклянной двери, и отсюда было удобнее наблюдать за движением на дороге. Ее обволакивало приятное чувство уюта и защищенности. Оставшись в одиночестве, немного сонная, она не могла придумать, куда бы теперь отправиться.

Машины ехали не сплошным потоком, а порциями – по воле светофора, расположенного в начале улицы Сан-Мартин. Это обстоятельство почему-то доставляло Нерезе смутное удовольствие и делало чуть более сносной грусть – ее сегодняшнюю грусть с привкусом паэлья.

И вдруг по дороге с мягким шелестом проехал автобус, но не городской, не местный. И в нем ехала Нереза. В нем едем мы, моя юность и я, в сторону Сарагосы, чтобы я закончила там четвертый курс юридического факультета по желанию/просьбе/требованию отца, который хотел любой ценой защитить свою дочь, и было это уже бог весть сколько лет назад.

Автобус компании “Ронкалеса” отходил в Памплону рано утром. А слез-то, слез сколько было пролито. В том далеком

октябре Нерее прощалась со своими подружками, их традиционными ужинами по четвергам, прогулками на мотоцикле, дискотеками. . . Слово “Сарагоса” мало о чем ей говорило. Город без пляжа, без залива, без гор – это ведь ужас. Ну как можно жить так далеко от моря? Но отец настоял: у нас нет другого выхода, поверь мне. И чем раньше она уедет из Страны басков, тем лучше. В Барселону, в Мадрид, куда сама решит. О деньгах пусть не беспокоится. Главное – оказаться в безопасном месте и спокойно закончить учебу. А так как ее приняли в университет Сарагосы, в Сарагосу она и отправилась – и проревела в автобусе до самой Памплоны, где надо было делать пересадку. Ко второй половине пути настроение у нее немного улучшилось. С чего бы это? Да просто в Памплоне в кафетерии на автостанции она выпила кофе с молоком и съела кусок тортильи, а на сытый желудок жизнь, черт побери, всегда кажется веселей. Какой-то парень, ехавший в Логроньо – или куда-то в другое место? теперь уже не вспомнить, – начал к ней клеиться и говорил разные приятные вещи, явно на что-то надеясь. Она, чтобы развеяться, но и не теряя из вида часы на стене, немного ему подыграла, дала придуманный тут же номер телефона и даже поцеловала в губы. Короче, тортилья и парень, вместе взятые, помогли сделать то утро куда более сносным. Она проспала до Туделы и приехала в Сарагосу полумертвой от голода, но в отличном настроении.

Раньше ей только раз случилось побывать в этом горо-

де. Два дня по-настоящему адской жары, две ночи в каком-то пансионе, все равно что в пекле. Теперь она отметилась в университете и стала искать себе студенческое пристанище. В киоске на площади Сан-Франциско купила “Эральдо де Арагон”. Но вскоре выбросила газету в урну, оставив лишь страницы с объявлениями о сдаче жилья. Квартира в Делисиасе, квартира в Лас-Фуэнтесе, квартира там, квартира сям. Названия районов ни о чем ей не говорили. И еще жара. И в два часа дня ни души на улице. Ни даже птиц или мух. Она нырнула в телефонную будку. Трубка обжигала руку, так что пришлось держать ее через бумажную салфетку. Нереза набрала наугад один из многих телефонов. Ей назвали настолько низкую цену, что она почувствовала сомнение и даже спросила, а в самой ли Сарагосе находится квартира. Что? Это в черте города, а не в деревне где-нибудь в провинции? Она уловила нотки растерянности в голосе на другом конце провода. Разумеется, в черте города. И тогда Нереза подумала: черт, куда я попала? Но все-таки взяла такси, чтобы глянуть на квартиру, потому что хотела как можно скорее вернуться домой, а для этого нужно было обязательно решить проблему с жильем. Ей показалось хорошим знаком, что таксист сразу понял, куда ей надо. Значит, улица известная, значит, там имеется то, что и должно иметься на улицах цивилизованного города. Что именно? Фонари, тротуары, магазины. В какой-то миг ей захотелось спросить у таксиста, далеко ли находится нужное место,

но она прикусила язык. Во-первых, стало стыдно, потому что ясно же: если у человека есть хотя бы пара извилин в голове, он прежде всего обзаведется планом города, а во-вторых, потому что, если этот тип поймет, что я здесь не ориентируюсь, может нарочно накрутить побольше километров, чтобы содрать с пассажирки лишнего. Они доехали до кладбища “Тореро”. За каналом, уже почти перед самым кладбищем, таксист сказал: это тут. Она заплатила ему и вышла из машины. Квартира? Нормальная. Чистая, обставленная просто, но ничуть не мрачная. Вид из окон чудовищный, но ведь не на каникулы она сюда приехала. По правде сказать, Нерее решила снять эту квартиру, еще не переступив порога, еще когда только вошла в подъезд и поднималась по лестнице. Потому что не забывала совета, полученного от матери. Главное, дочка, чтобы у тебя была крыша над головой к тому дню, когда начнутся занятия, потом спокойно подыщешь себе что-нибудь получше. И еще она сказала, чтобы, войдя в подъезд, Нерее обратила внимание на почтовые ящики. Всякая голь и нищета не имеет привычки следить за ними, а вот люди порядочные стараются держать их в чистоте и порядке, так что самой Биттори, по ее словам, достаточно увидеть почтовые ящики, чтобы составить представление о жильцах любого дома. Почтовые ящики произвели на Нерею самое благоприятное впечатление, как и чистота на лестницах, а также чистота стен. И когда ей открыли дверь и она пожала руку своей будущей соседке по квартире, была уже более чем уве-

рена, что жилье себе в Сарагосе нашла.

За прожитые в той квартире месяцы свою соседку, девушку из Уэски, Нереея видела очень редко. По правде сказать, она так толком и не узнала, чем та занимается. Студенткой, во всяком случае, точно не была. Главный недостаток квартиры – страшно далеко от факультета, как и от баров и прочих развлечений. А когда вместе с северными ветрами и туманами на город накатила зима, в квартире стало по-настоящему холодно. Матушки мои! Они с соседкой купили электрический обогреватель. Но толку от него было мало. Стоило отойти на несколько метров, как возникало такое чувство, будто в тело тебе вонзают ледяные ножи. Так что в начале следующего года Нереея перебралась в квартиру на улице Лопеса Альюэ, которая лучше обогревалась и была удобнее расположена, хотя и оказалась дороже. Кроме нее самой там жили две девушки из Теруэля. Одна была моложе Нерееи и училась тоже на юридическом, вторая – на филологическом. С первого же момента они отлично поладили.

Сарагоса. Знал бы брат, знала бы мать... Если не считать того времени в самом начале, когда Нереея дрожала от холода в квартире рядом с кладбищем “Тореро” и чувствовала себя одинокой и словно покрытой слоем липкой тоски, она была в Сарагосе почти что счастлива. Только вот сама этого тогда не понимала. Просто выжимала из своей юности все что возможно до последней капли. Вскоре у нее завелись друзья. Таких открытых, таких чистых душой и покладистых ребят

она больше нигде не встречала. И Неря, не забрасывая учебы (не провалив ни одного экзамена), гуляла ночи напролет, узнала физическую любовь, алкоголь, в меньшей степени кокаин и марихуану. Научилась обходиться без моря и без мотоцикла и забыла о тех опасных и страшных вещах, о которых забывать, пожалуй, не стоило. Хотя неправильно было бы сказать, что она совсем о них забыла. Сведения о каких-то тамошних событиях доходили до нее или в смягченном из-за удаленности виде или не доходили вообще, отчасти потому, что их семья, и прежде всего отец, всегда оберегавший ее, изо всех сил старались, чтобы они не доходили.

В то серое воскресенье, когда Неря сидела в кафе отеля “Европа” перед стаканом и бутылкой минералки и глядела на проезжающие мимо машины, она вспоминала какие-то лица, какие-то места в Сарагосе, какие-то забавные истории, вечеринки и разные приключения, обычные для студенческой жизни. И снова, как много раз прежде, вдруг испытала жгучую боль, а все хорошие воспоминания представились ей в виде листьев неведомых деревьев. Каких именно? Какая разница. В виде листьев, у которых верхняя сторона одного цвета, а нижняя – другого, верх глянцево-зеленый, приятный для глаза, а низ – бледно-зеленый, цвета вины и угрызений совести. Она смотрела на свои руки и раскаивалась в том, что когда-то была молодой, хуже того – в том, что была счастливой.

Мать по телефону упрекала Нерю за то, что та редко

их навещает. Ведь родители стали чувствовать себя особенно одинокими, когда многие в поселке перестали с ними разговаривать. Но буквально через минуту трубку брал отец и, понизив голос, говорил: не приезжай, дочка, не вздумай приезжать, мы сами тебя навестим, а если тебе что-нибудь нужно, только скажи. Черт, до чего же он ее любил. Мой *aita*, мой старик. И она у себя в Сарагосе думала, что он отослал ее учиться подальше от дома, чтобы уберечь от травли, которую уже испытал на себе. Потому что про угрозы и про надписи на стенах она конечно же знала, как и о том, что отец уже ведет переговоры и предпринимает какие-то шаги для перевода своей фирмы в более спокойное место. Не знала она другого, о чем Биттори рассказала ей уже после похорон Чато. В письме, где от него требовали денег, перечислялись некоторые подробности, связанные с Нереей. И все до одной весьма точные: и место, где она тогда училась, и ужины по четвергам, которые их компания регулярно устраивала в старой части Сан-Себастьяна. Авторы писем отлично знали даже то, какого цвета у нее мотоцикл и где она его оставляет.

30. Очистить память

Воду Неррея уже допила. Где-то в четверть восьмого она решила расплатиться с официантом и уйти из кафе, но... Но что? Внутренний голос сказал ей: Неррея, не будь душой, не вздумай запереться у себя в квартире, когда голова у тебя набита воспоминаниями; выброси все лишнее из памяти прямо здесь и прямо сейчас, очисти ее, и тогда воспоминания впредь перестанут терзать тебя. Ты только вообрази: ночь долгая, а ноябрь – месяц сырой и мрачный, сволочной месяц.

В тот же миг она почувствовала какую-то тоскливую-тоскливую тяжесть, которая мешала ей встать со стула. Она указала официанту на бутылочку минералки, давая понять, что просит еще одну, хотя на самом деле пить ей совсем не хотелось. Просто неудобно было сидеть здесь и дальше, ничего не заказывая.

И она сама, и мать, и брат, все трое, превратились в спутники убитого человека. Волей-неволей жизнь каждого из них вот уже много лет вращалась вокруг давнего преступления, вокруг все того же неиссякаемого источника. Источника чего, черт возьми? Горя, боли? Но с этим пора покончить, хоть я и не знаю как. И ведь появилась у меня одна идея, так они тотчас разгромили ее, не оставив камня на камне.

Официант принес бутылочку воды, а также стакан со льдом и кружком лимона. И Нерeya, устав следить за движением машин, съезжившись от тоски и печали, даже не сообразила сказать спасибо. Она между тем думала все о том же: воображала, как сидит в тюремной комнате для свиданий и видит перед собой раскаявшегося террориста. А ведь мать с братом и понятия не имеют, где и когда я узнала о гибели отца. Они всегда считали, что о беде ей сообщили соседки по квартире, которых известил сын хозяина бара. Но, с другой стороны, какая разница. Матери она объяснила, что гуляла с друзьями и поздно вернулась домой, совсем поздно, и поэтому новость дошла до нее не сразу.

Вранье. Около пяти часов дня, выйдя из библиотеки, Нерeya услышала, что случился очередной теракт. Кто-то у нее за спиной спросил: где? Но Нерeya торопилась домой, чтобы бросить вещи и приготовиться к вечеринке на ветеринарном факультете, и поэтому на чужой разговор внимания не обратила. Ну да, еще один теракт. Она не почувствовала даже намекa на любопытство. Подумаешь, завтра прочтает подробности в газете. В их квартире свет не горел, там никого не было. Она приняла душ, стараясь не намочить волосы, так как на улице было холодно и шел дождь. И тут пришла одна из соседок. Привет, привет. Но ни слова про теракт. К тому времени Шавьер еще не успел позвонить хозяину бара, а может, кто-то оттуда приходил и звонил в дверь, но ни одной из трех девушек не застал дома. К шести Нерeya

уже была готова. Хотя нельзя сказать, чтобы она слишком наряжалась и красилась. В ту пору она не увлекалась макияжем, во всяком случае, не как сейчас. Несколько капель духов – вот, пожалуй, и все. Один из приятелей – как его звали? ах да, Хосе Карлос – заглянул за ней, и они вышли из дому.

Собралась компания из десяти-двенадцати студентов, парней и девушек, хотя с некоторыми из них Нерeya даже не была знакома. Но это никакого значения не имело. Они все вместе отправились в бар на улице Томаса Бретона, чтобы немного там разогреться и в нужный час – точно она не знала, когда именно, – отправиться на ветеринарный факультет на нескольких машинах. Как ей сказали, он находится у черта на куличках. Она удивилась и спросила, неужели это так далеко, что туда нельзя пойти пешком, а в ответ услышала хохот. Нерeya нахмурилась. Более того, напряглась. Один из ребят, решив, что она обиделась, извинился. Какая-то девушка спросила: что с тобой? Нерeya ответила уклончиво: ничего, просто... А вторая спросила: ты не заболела? Нерeya опять ответила: нет. А что она могла сказать?

Потому что совершенно случайно она увидела на экране телевизора, укрепленного высоко на стене над барной полкой, фотографию своего отца. И сразу все поняла? Или только заподозрила? Нет, сразу поняла, и никаких сомнений у нее не было. Тотчас появилась надпись в нижней части экрана, которая подтвердила то, что она и без того уже знала: В ГИПУСКОА УБИТ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ.

Нерея, окруженная смехом, пустой и беспечной болтовней, ничем не выдала того, что с ней в тот миг происходило. Только сердце билось до того сильно, что у нее по-настоящему заболела грудь. Как только от нее отвязались, она снова устала на экран. И увидела там людей, которые что-то говорили в камеру, но Нерея не могла их слышать из-за царившего в баре шума. Увидела мужчину в белом халате, потом лендакари³³ Ардансу с суровым лицом. И под конец показали улицу и фасад дома, который ей не составило труда узнать.

Нерея вдруг почувствовала, как джинсы стали мокрыми. Слава богу, что они у нее черные. Между тем она старалась вести себя как ни в чем не бывало. И вот сейчас совсем в другом баре, в кафе “Европа”, она шепотом описывает все это воображаемому террористу, который сидит перед ней во время воображаемого свидания по “программе перевоспитания”.

А тогда в Сарагосе она еще минут пять не вставала из-за столика. Даже изобразила улыбку в ответ на шутку кого-то из парней и с вымученным спокойствием допила свое пиво. Но еще и теперь, по прошествии многих лет, стоит ей вспомнить подробности, как внутри словно оживают раскаленные угли. Нет никого, кому можно было бы об этом рассказать. Даже родственникам? Немыслимо. Они не поняли бы ее, хотя беда у них общая. Мужу Кике? Он всегда был слишком

³³ Лендакари – глава правительства в Стране басков (исп.).

занят своим бизнесом, чтобы проявлять интерес к тому, что случилось в моей жизни еще до нашего знакомства.

Она незаметно сделала знак парню, с которым пришла в бар, Хосе Карлосу, хотя любовь с ним и не крутила, но, в конце-то концов, ни с кем из собравшихся более доверительных отношений у нее не было. И он понял, что она хочет что-то сказать ему наедине, или понял что-то другое, или вообще ничего не понял. В любом случае этот Хосе Карлос вышел за Нереей на улицу, а потом шел следом и дальше, почти до угла. Уже стемнело. Только там она обернулась. И обняла Хосе Карлоса, и разрыдалась. Господи, как она рыдала. Он опешил. Что ты, да что с тобой такое? Тебя кто-то обидел? Она: мой *aita*. Больше она не могла произнести ни слова: мой *aita*. Парень твердил свое: о чем ты, что случилось? Пока наконец Нереея, чуть успокоившись, не смогла объяснить. И она попросила приятеля, чтобы он – пожалуйста! – проводил ее домой.

А еще она попросила, чтобы он не бросал ее одну, чтобы остался рядом с ней на всю ночь. Да, разумеется, само собой. Они поднялись в квартиру. Нереея перво-наперво пошла в ванную мыться. Тут же одна из соседок сообщила ей, что из бара внизу передали: она должна немедленно позвонить домой, и дело срочное. Нереея: да, я знаю, ЭТА убила моего отца. Девушка, еще не слышавшая новости, схватилась за голову и зарыдала. Другая, испуганная, тоже вышла в прихожую:

– Что, что случилось? – И в простоте душевной ляпнула: – Твой отец, он из гражданской гвардии? – А потом тоже заплакала.

Нерея попросила/приказала Хосе Карлосу пойти с ней в ее комнату. А разве ты не будешь им звонить? Она: останься со мной, никуда не уходи. И они легли в постель. Он: убили твоего отца, черт бы их всех побрал, его ведь убили. У Хосе Карлоса в тот раз ничего не получалось со мной. Он молот всякий вздор, ругался, а потом заснул. И Нерея, лежа в постели, в темноте курила одну сигарету за другой, пока не выкурила целую пачку, а затем еще и пачку Хосе Карлоса. Она выкурила бы тогда все сигареты, какие только есть на свете.

Наконец стало светать. Сквозь щели в ставнях пробивался новый день. Нерея почувствовала себя лучше, словно нашла прибежище в каком-то другом времени, отличном от предыдущего дня, забыть который, как она знала, уже никогда не сможет. Как после землетрясения, пожара, опустошительного урагана, когда человек видит себя среди развалин и медленно начинает осознавать, что все-таки выжил. Именно так я это ощущала. Который был час – семь, восемь утра? В комнате дымно, хоть топор вешай. Нерея без церемоний растолкала Хосе Карлоса, который сном младенца спал рядом. Можешь идти домой, сказала она. И парень – тощие волосатые ноги – поспешно оделся и пулей вылетел вон. Ему так не терпелось убраться, что он забыл сказать мне хоть одно ласковое слово и поцеловать на прощанье.

А потом, когда она осталась одна, случилась очень странная вещь: все было как обычно. Как и каждое утро. Воздух наполнился дорожными звуками, шел такой же, как всегда, дождь, по тротуарам шагали люди, спрятавшись под зонтиками. Что еще? Все спешили по своим делам, словно накануне не было никакого теракта. Голая Неряя выглянула в окно и убедилась, что мир сплел против нее заговор. И сразу возненавидела и утро, и дождь, и дом напротив, и женщину, которая прошла мимо с собакой. Все вокруг вроде бы говорило ей: да, убили твоего отца, ну и что? Вон куры и жуки, они тоже умирают. Эта мысль причинила ей жгучую боль. Как будто она проснулась после кошмарного сна и увидела другой сон, еще страшнее прежнего. И тогда Неряя вынула из сумки зеркальце, чтобы увидеть свои глаза, свой нос, свой лоб – и теперь, впервые, это уже были глаза, нос и лоб жертвы терроризма. От проникавшей в открытое окно утренней свежести она замерзла и вдруг поняла, что случившееся вчера было правдой, но при этом самое худшее еще ждет ее впереди, и оно придет, как бы она ни старалась оттягивать время. Неряю бросило в дрожь при мысли, что надо позвонить матери.

Никто не знает, никто не узнает. Не позавтракав, не умывшись, она добрела до телефонной будки на проспекте Гойи. Было около половины девятого утра. Но и в десять с хвостиком она еще не позвонила. Шла вперед, потом возвращалась или бездумно шагала по улице Фердинанда Католика

и по Гран-виа – и снова поворачивала назад, но всякий раз, дойдя до телефонной будки, проходила мимо, и опять мокла под дождем, и опять тряслась от страха, представляя себе, как скажет матери, что пока не приедет в поселок, хотя сейчас у нее не было ни экзаменов, ни каких-то неотложных дел. Тогда почему? Просто я не хочу видеть ни тело отца, ни гроб, ни могилу – это для меня непереносимо, и еще не хочу, чтобы меня как-то связывали с этим убийством, чтобы газетчики задавали мне вопросы и фотографировали, чтобы вся Сарагоса узнала, какая беда случилась в нашей семье.

Она снова и снова репетировала предстоящий телефонный разговор с матерью. Я скажу ей так, нет, лучше скажу по-другому. В газетном киоске на Гран-виа она увидела лицо отца на первой полосе какой-то газеты, и рука уже потянулась, чтобы купить ее, но Нереза не решилась. Почему? Ей было очень стыдно.

В поселок она отправилась только через неделю, когда отца уже похоронили и он перестал быть самой последней жертвой ЭТА. Мама мне этого не простила. Я точно знаю. Все было понятно и без слов. На протяжении всех прошедших лет Нереза читала обиду в каждом ее движении, в тоне некоторых реплик, в упреках, вызванных самыми ничтожными поводами. Наверное, все это Нереза и хотела рассказать раскаявшемуся террористу, освободиться от терзающих ее изнутри старых, но до сих пор не погасших углей. Что ж, сделать этого не удастся, потому что сеньор доктор сказал

“нет”, а она не желает ссориться с родными. Ладно, так тому и быть.

– Счет, пожалуйста.

31. Диалог в темноте

Вечером на кухне она устроила мужу нагоняй. Не дала времени даже переобуться. Как же так? Люди из ЭТА шлют ему письма, а он не сказал ей об этом ни слова.

– Я-то ведь всегда считала, что мы с тобой все друг другу рассказываем, по крайней мере самое важное.

Чато сидел на стуле, медленно развязывал шнурки на ботинках и не поднимал глаз на Биттори, которая стояла перед ним с пылающим от гнева лицом и никак не могла угомониться. Все ему припомнила. А он, отработавший долгий день, лишь тяжело вздохнул, словно говоря: когда же, черт возьми, заткнется этот фонтан.

– А ты откуда узнала?

– От Мирен.

– Просто я хотел сам это дело разрулить, чтобы вас зря не волновать.

Но Биттори снова накинулась на него с упреками. Выждав еще немного, он перебил жену. Что у нас сегодня на ужин?

– Жаба под соусом. Почему ты спрашиваешь?

– Потому что мне есть совсем не хочется.

За ужином они почти не разговаривали, каждый думал о своем. Чато свел все объяснения к трем пунктам: во-первых, она своими попреками и руганью только осложняет для него решение вопроса; во-вторых, такие проблемы решают-

ся по-тихому; и в-третьих, безмозглому Хошиану надо язык отрезать за то, что он проболтался жене, да и не только ему одному, как видно.

Из кухни Чато отправился напрямиком в постель. Чтобы немного утрамбоваться, по его выражению. А Биттори осталась мыть посуду. Напрасно Нереза время от времени напоминала ей, что их семья вполне может позволить себе посудомоечную машину. Мать в ответ только нет да нет, если, мол, у кого имеется пара рук, дурацкая машина – напрасная трата денег, к тому же изводит прорву воды и прорву электричества, и когда, мол, ты выйдешь замуж, делай в своем доме, что тебе заблагорассудится, а мне в моем уж позволь распоряжаться по-своему.

Чато обычно не вмешивался в домашние ссоры. Есть у них посудомоечная машина, нет у них посудомоечной машины – ему без разницы. Он всегда был ранней пташкой, а потому и спать ложился тоже рано. В рабочие дни в шесть утра, а то и раньше уже сидел у себя в конторе и занимался делами. Да и в выходные, поскольку участвовал в соревнованиях по велотуризму, тоже поднимался еще до восхода солнца. Бывало, конечно, что, увлеченный особенно горячей партией в мус, Чато забывал глянуть на часы, но, если не считать таких исключительных случаев, день обычно заканчивался для него в десять вечера.

Единственное, что могло заставить Чато засидеться перед телевизором, это трансляции матчей по пелоте. Он готов был

смотреть их сколько угодно – пока не прогоняла от экрана жена, потому что при телевизоре главной была Биттори, а Биттори любила наслаждаться своими передачами в одиночестве.

Так вот, поужинав, Чато лег в постель – и, как всегда, сначала на сторону Биттори. С первых дней супружеской жизни он согревал ей место. Даже летом. Эта привычка возникла не из какого-то специального договора между ними, нет, но Чато не пренебрегал ею даже после ссор с женой. Та приходила в спальню позднее, в одиннадцать или двенадцать, и он, не просыпаясь, перебирался на свой край.

Наконец явилась Биттори, которая любила перед сном еще и полистать в кровати какой-нибудь женский журнал, но на сей раз с ходу погасила лампу у себя на тумбочке. Какое-то время посидела в темноте, скрестив руки на груди и прислонившись спиной к изголовью кровати. А он, обычно храпевший во сне, сейчас дышал тихо, из чего Биттори вывела, что муж не спит.

– Ну так что, расскажешь ты мне все или нет?

Чато ничего не ответил, но она знала/чувствовала, что он прекрасно ее слышал, и потому не стала повторять вопроса. Прошло несколько секунд, он раздраженно щелкнул языком и с явной неохотой ввел жену в курс дела, описав главные детали неприятной ситуации, в которую попал, не скрыв при этом ни указанных в письмах сумм, ни подробностей своей поездки во Францию. Зато ни словом не обмолвился о том,

что в последнем письме упоминалась Неря.

– И что ты намерен делать?

– Ждать.

– Ждать чего?

Биттори почувствовала в темноте, как он повернулся к ней.

– За нынешний год я им уже заплатил, и больше они из меня ничего не вытянут. Эти сволочи требуют бог знает какие деньги, и как раз сейчас, когда я взял кредиты, кое-что купил, а некоторые нерадивые клиенты тянут с платежами. Не забывай также, что мы еще должны выплатить оставшуюся часть за квартиру в Сан-Себастьяне. И вообще, кто знает, может, у них там случилась ошибка. Какой-нибудь болван, который занимается бухгалтерией, не записал мой взнос или записал не туда, куда надо. А вдруг тот тип, получивший от меня конверт, взял да и заныкал деньги, чтобы потратить на собственные прихоти? А может, прав Хошиан и второе требование поначалу предназначалось вовсе не мне, а кому-то другому. Поэтому мне кажется, что пока лучше ничего не предпринимать и подождать, чтобы время расставило все по своим местам. А если я ошибаюсь, ну, тогда они свое в любом случае потребуют.

– Знаешь, если честно, я немного побаиваюсь.

– Только от твоего страха толку никакого.

– Это плохие люди, и в поселке у них полно друзей.

– В поселке меня знают. Я здесь родился, говорю по-баск-

ски, не суюсь в политику, даю людям работу. Каждый раз, когда собирают деньги на праздник, или для нашей футбольной команды, или еще для чего-то, Чато первым раскошеляется. Скажи, разве кто-нибудь другой дает столько? Если какой чужак сюда к нам и явится, чтобы расправиться со мной, его наверняка приструнят. Эй, ты, поосторожней, это ведь наш человек! Кроме того, со мной всегда можно договориться, а?

– Слишком уж ты легковверный.

– Не думай только, что я сажу и жду их сложа руки. Коекакие меры я уже предпринял. Кроме того, у себя на фирме я в безопасности. Во всяком случае, смогу защититься.

– Правда? И каким же это образом, интересно знать? Держишь пистолет в ящике?

– Ну, что я держу у себя в ящике, касается только меня одного, но еще раз повторяю тебе: там я в безопасности. Допустим, ситуация осложнится. Ладно, тогда я переведу свои грузовики из нашего поселка в другое место. В Ла-Риоху или куда-нибудь еще в тех же краях. В молодости я с меньшего начинал, и вот суди сама, добился чего или нет.

– Знаешь, хоть ты и здешний, я бы не удивилась, если бы сведения для ЭТА поставлял кто-то из твоих же работников.

– Не исключено.

– А ты не обсуждал свою историю с другими здешними предпринимателями?

– Зачем? Наверняка платят все. Я как-то забросил удочку

на эту тему в разговоре со старшим из братьев Аррисабалага. И понял, что откровенности от него ждать нечего. Из таких дел, как я уже сказал, каждый сам должен выпутываться, своими силами.

Биттори плавно скользнула под простыню и одеяло. До них доносились приглушенные звуки из соседних квартир, редкие голоса с улицы, грохот мусорного грузовика. Муж с женой уже повернулись друг к другу спинами, задница к заднице, и только тогда Чато не выдержал и сказал, не мог не сказать, то, что тяжким грузом лежало у него на душе:

– Я хочу, чтобы Нерея уехала учиться в другой город. Куда угодно, только подальше отсюда. Сразу после летних каникул.

– Чего это ты выдумал?

– Того и выдумал: я хочу, чтобы дочка училась в другом городе.

– А с ней самой ты говорил?

– Нет. При случае начни ее к этому готовить.

Они замолчали. Под их балконом прошла развеселая компания. Потом наступила тишина, которую нарушил церковный колокол, отбивавший очередной час. Чато, вопреки обыкновению, за всю ночь ни разу не захрапел.

32. Бумаги и вещи

Пока его накрывали плитой, Биттори – глаза сухие, потому что никогда больше я не стану плакать, даже если мне натрут их луком, – подумала, что в следующий раз свет в эту яму попадет, когда хоронить станут ее саму. А еще ее преследовала мысль, что Чато наверняка унес с собой в могилу прорву всяких тайн.

Она часто так и называла его – обманщиком, особенно во время первых своих посещений кладбища:

– По твоей милости я витала в облаках. Думаю, ты не говорил мне и половины того, что вокруг тебя творилось, и того, как они с тобой поступали. Чато, дорогой, в тот день, когда меня положат рядом с тобой, тебе придется мно-о-о-гое мне рассказать.

Перед тем как уйти, она прощала ему все. Всегда. Да и как его было не простить? Бедный Чато, он был такой добрый, а как о нас заботился. И еще очень упрямый, добавляла Биттори уже совсем другим тоном, чтобы свыкнуться с мыслью, что не она одна считала его таким.

– Тебя убили ЭТА и твое упрямство.

После гибели хозяина фирма прекратила свое существование. Четырнадцать уволенных. Сколько раз Биттори и Нерей слышали из уст Шавьера, что это еще один пример того, как террористы пекутся об интересах рабочего клас-

са. Сын Чато ликвидировал фирму – а что еще ему оставалось делать? Правда, сперва спросил мать, не желает ли она взять дело в свои руки. Я? Тот же вопрос Шавьер задал Нерее, когда сестра наконец соизволила приехать в поселок. Я? Сам он тоже не хотел взваливать на себя эту обузу. В итоге они продали при помощи консультационной фирмы все, что можно было продать, а остальное отправили на металлолом.

Шавьер повесил на ворота объявление: “Закрыто в связи с похоронами хозяина”. Его мать, вынырнув на миг из состояния апатии, прошептала, что надо бы написать: “Закрыто в связи с убийством хозяина”. Но он этого не сделал. А рабочие? Ни один не явился на отпевание. На похоронах в Сан-Себастьяне присутствовали двое.

Несколько дней спустя кто-то один подошел к Шавьеру и от лица всех прочих спросил, когда им можно будет выйти на работу. Но даже в такой ситуации этот человек не сообразил, что следовало бы выразить сыну погибшего соболезнования. Шавьер посмотрел на него со смесью жалости и отвращения. Неужели они думают, что после убийства владельца фирмы ничего не изменится? Шавьер с профессиональной невозмутимостью попытался отвязаться от него, правда, разговаривал все-таки довольно резко. А так как тот все никак не желал его понять и опять и опять спрашивал, когда они должны снова приступить к работе, Шавьер, теряя терпение, сказал, что он простой врач и не имеет ни нужных знаний, ни опыта, чтобы управлять транспортной фирмой.

У него и так голова шла кругом: он проверял документы в конторе отца, вел переговоры с банками, аннулировал заказы (некоторые поступили из-за границы), продавал принадлежавшее фирме имущество, демонтировал строения, сталкивался с тысячью и одной бюрократической заморочкой. И в конце концов по совету коллеги из больницы решил воспользоваться помощью специалистов.

Тот же коллега предложил/посоветовал некий вариант, который помог бы сохранить рабочие места. Какой? Передать фирму на выгодных для себя условиях в руки тех, кто там трудится. Шавьер рассказал об этом матери.

– Ни за что.

Биттори словно сразу забыла о своем горе. И как только Шавьеру в голову пришло обсуждать с кем-то подобную глупость! Они ведь сколько раз устраивали забастовки, случилось, даже стекла в конторе били, ставили пикеты у входа, угрожали. Был у них там и один запевала, очень прыткий, вечно в бой рвался, некий Андони, носивший на рабочем комбинезоне наклейку профсоюза *LAB*³⁴. Скольких бессонных ночей стоил хозяину этот Андони. И Чато в конце концов уволил его, но уже через пару часов тот явился с двумя громилами из профсоюза и буквально заставил хозяина взять его обратно. А что сказать о других работниках? Есть

³⁴ *LAB* (от баск. Langile Abertzaleen Batzordeak – Патриотические рабочие комитеты) – баскский профсоюз, считавшийся участником Движения за национальное освобождение басков. Был создан в 1974 г.

там, конечно, и хорошие люди, но разве посочувствовали они нам, встали на нашу сторону после убийства? Ведь могли бы послать хотя бы жалкую карточку с соболезнованиями. Нет, ничего подобного. Только двое из них явились на кладбище Польоэ, но не подошли к нам и ни слова не сказали. Так что Биттори без колебаний решила:

– Я скорее все на свалку выкину.

Шавьер погрузил в машину несколько коробок с бланками, накладными, счетами и всякого рода документами – некоторые содержались в идеальном порядке и были собраны в папках на кольцах, другие лежали вразброс. Увезти все это он решил на всякий случай. На какой случай? Ну, например, если кто-нибудь, воспользовавшись тем, что на месте нет ни хозяина, ни работников, проникнет в контору, чтобы что-то оттуда забрать, а что-то и уничтожить. Например, должники, мечтающие ликвидировать доказательства своих долгов. Или националисты, чья ненависть не ослабла после расправы с Чато.

Нерея:

– Мы скоро превратимся в параноиков.

– Не исключено.

На все эти горы бумаг Биттори смотрела с полным равнодушием. Пусть ей скажут, где ей надо поставить подпись, – и точка. Она ничего не желала знать про фирму. Фирма, говорила она, была частью Чато, так же как и его большие уши, как и его любовь к велосипеду. Шавьер внимательно

посмотрел на мать, не понимая, шутит она или нет. Нет, она не шутила. А еще Биттори мрачно предрекла, что, если ее дети вздумают взвалить дела фирмы на свои плечи, их будет ждать судьба отца.

Зато она очень трепетно отнеслась к личным вещам мужа, которые тот держал в конторе. Шавьер сложил их в картонные коробки и отвез на квартиру в Сан-Себастьян. Время спустя они перевезли все к Нерее, которая до сих пор хранит это у себя дома.

Биттори сказала сыну, что он может уезжать, так как она хочет в одиночестве разобраться то, что принадлежало Чато.

– Позволь мне сперва кое-что сказать о содержимом этих коробок.

– Нет.

– Ты знала, что *aita*...

– Я сказала тебе: нет.

Нет значит нет. Она проводила его до двери. Поцеловала – и *agur*³⁵. Оставшись одна, Биттори прогнала кошку с дивана – брысь отсюда! – села и стала одну за другой открывать коробки. Чато никогда не говорил ей, что хранит на работе пистолет. Неожиданность? Ни в коем случае. Я всегда что-то такое подозревала. Разве он не утверждал, будто чувствует себя там в безопасности? Она подержала черный предмет в руке. Заряжен? Черт, ну и тяжелый же! Холодный металл, пальцы лучше держать подальше от спускового крюч-

³⁵ Прощай (*баск.*).

ка, на всякий случай. Но соблазн был слишком велик, и она прицелилась в лампу под потолком. Что, интересно, чувствует стреляющий, когда жертва падает и когда кровь начинает вытекать через отверстия, проделанные в теле пулями?

Биттори достала полдюжины маленьких коробочек, двадцать упаковок патронов 9x19, все запечатанные, кроме одной. Чатито, гангстер ты мой, бандит ты мой, в кого же ты собирался стрелять, если в жизни и мухи не обидел? Послушай, но тогда почему ты шел без пистолета в тот день, когда?.. Не знаю, не знаю, а ведь мог бы дать им отпор.

Она опустила эти смертоносные предметы на пол и извлекла из коробки фотографии в рамках – муж держал их у себя в конторе на полке, на видном месте: вот сам Чато вместе с Биттори, оба молодые, улыбающиеся, рядом с Пизанской башней, а еще по одной фотографии сына и дочери по отдельности. Шавьер в возрасте двенадцати-тринадцати лет. Неряя, очень красивая, в платье для первого причастия. А вот они вчетвером, нарядные, у дверей церкви в Аспейтии, куда всей семьей ездили на свадьбу к родственнику, и еще две фотографии самого Чато – с каждым из детей.

Биттори достала еще какие-то вещи, но они заинтересовали ее меньше. Шариковые ручки, авторучка, кубки, полученные в клубе велотуризма, и трофеи с чемпионатов по игре в мус, свеча в форме кактуса, которую когда-то подарила ему Неряя, его принцесса, его любимица, которая даже не явилась на похороны. Короче, всякие мелочи, связанные с каки-

ми-то воспоминаниями, безделушки, сувениры. Ну а где же письма с требованиями заплатить “революционный налог”? Их нет. Надо полагать, Чато письма уничтожил. А может, Шавьер сунул куда-нибудь вместе с другими бумагами.

33. Надписи на стенах

Контора Чато располагалась на некоторой высоте. Для нее было сооружено что-то вроде помоста на стальных столбах, и в самом помещении одна стена была стеклянной, что позволяло хозяину обзирать территорию полностью. Имелось также окно, выходящее на эспланаду. Чато, по его собственным словам, распорядился устроить свой командный пункт именно таким образом, чтобы контролировать также и внутренний двор. Он вообще обожал все контролировать. И рад был бы сам делать все на своей фирме: отдавать распоряжения, заключать контракты, вести проверку при погрузке и разгрузке, смазывать двигатели, измерять давление в шинах, мыть грузовики и даже водить их. Он наблюдал за прибытием и отъездом машин и сразу замечал, если появлялся клиент или кто-то неожиданно шел к нему по делу. Едва услышав шум мотора, он высовывался в окно.

Их территория была обнесена цементной стеной в два метра высотой с пущенной поверху колючей проволокой. На ночь откатные ворота запирались. В рабочие дни вход оставался открытым. Когда Неряя была еще девчонкой, местные парни спрашивали, не тюрьму ли построил ее отец. И она, подхватывая шутку, отвечала, что да, тюрьму, а рабочие там – заключенные.

Как-то ранним утром Чато стоял у окна и следил, как

к грузовику присоединяют прицеп. Он им не доверял. Никогда не доверял. Даже самым опытным своим водителям. Операция завершилась, и грузовик тронулся с места. И тогда ему стала видна та часть стены, которая прежде была скрыта от глаз. Чато прочитал надпись, выведенную большими кривыми буквами с помощью краски из баллончика: ЧАТО УГНЕТАТЕЛЬ.

Это была первая из надписей, направленных против него. Поначалу он решил: хулиганская выходка. Но больше, чем нелепое обвинение, которое его, конечно, разозлило, больше, чем неприличный сам по себе и чернивший его поступок, который разозлил его еще сильнее, больше, чем испанализированное написание его прозвища, что просто взбесило его, Чато возмутило/насторожило то, что надпись была сделана с внутренней стороны стены. Это означало, что на территорию проник кто-то чужой. Ночью? Биттори, вытирая руки о фартук, заявила, что не исключает вины кого-то из работников.

Чато спустился сверху по узкой и крутой металлической лестнице, на которой, по словам Биттори, в один прекрасный день он сломает себе шею. Но сейчас хозяин изо всех сил старался не показать своего гнева и не смотрел, куда ступает. Чато зашел в помещение, приспособленное под ремонтную мастерскую. Попросил краскопульт. Он мог бы, конечно, отдать распоряжение рабочему: закрась, пожалуйста, эту дурацкую надпись. Но Чато был человеком взрывным, по-

рывистым и нередко делал что-то прежде, чем успевал подумать, а еще брал на себя массу самых разных дел, и не важно, касались они работы руками или работы чисто бумажной. Короче, никого ни о чем он просить не стал, а взял и в мгновение ока сам закрасил оскорбительную надпись.

Дома за обедом Чато рассказал об этом жене. Вместе они перебрали имена всех работников (она называла их рабочими), прикидывая, который из них мог такое сотворить. Допустим, кто-то почувствовал себя обиженным или кто-то посчитал, что хозяин несправедливо с ним обошелся. Но раз нет свидетелей и нет доказательств, сделать ничего невозможно. Обычная история. Ни самому Чато, ни Биттори не пришло в голову связать надпись с письмами о “революционном налоге”. Прошло несколько недель, они забыли тот случай и продолжали жить, как жили всегда.

До одной субботы в середине марта – после нее все решительно переменилось в жизни Чато и его семьи. Который был час? Где-то около одиннадцати вечера, чуть больше или чуть меньше. Чато с Хошианом шли по улице, споря о том о сем, потому что, как и положено добрым друзьям, не любили ни в чем друг другу уступать. Они составляли пару в игре в мус, при этом оба играли очень прилично, хотя иногда, как всем известно, карты вдруг начинают помогать соперникам. И тогда по дороге домой приятели частенько ссорились, взваливая вину за проигрыш друг на друга.

Пужинали они в гастрономическом обществе. Каждый

свое – то, что приготовила дома жена. А поскольку оба собирались назавтра встать пораньше, то играли в карты до ужина, а не после, как обычно. На следующий день их ожидал довольно длинный этап по программе велотуризма, конечным пунктом которого был бар в центре Сумаи.

Короче, возвращались они домой не трезвые и не пьяные, увлеченные одним из обычных своих споров, и не стеснялись в крепких выражениях, потому что между друзьями такое позволительно. Вот и вышло, что в пылу перепалки, а также из-за скудного фонарного света они не обратили внимания на свежие надписи на стене, которые появились среди старых привычных, а также среди разного рода афиш и объявлений, в большом количестве покрывавших нижнюю часть фасадов. Не сразу увидели и ту, где краска еще не успела высохнуть, ту, что была теперь рядом с подъездом Чато. Как раз там приятели и остановились, чтобы довести спор до конца. И уже собрались разойтись, уже сказали – один: только бы завтра не было дождя, и другой: ладно, растяпа, в половине восьмого встретимся на площади, – но тут внимание Хошиана привлекло имя друга на стене.

– Господи помилуй.

– Что там еще?

ТХАТО ТХІВАТО³⁶. Святые небеса. Хошиан: закрась надпись, прежде чем ляжешь спать, с такими вещами шутить нельзя. Они распрощались, и Чато, кипя от ярости –

³⁶ Чато стукач (*баск., исп.*).

туда их и растуда, – даже не стал подниматься к себе домой, а направился в гараж, где у него хранилось несколько старых банок с краской. Это я-то стукач? Понятно, что они это для чертовой рифмы придумали. Да я за всю свою жизнь ни разу ни с одним полицейским словом не обмолвился! Сразу возникла проблема: у него не было кисти. А может, и была, но он так разнервничался, так раскипятился, что не сумел ее найти. Ну и черт с ней, обойдемся тонкой кисточкой и газетной бумагой. А краска? С комками, конечно, но еще не совсем высохла. Кое-как он замазал два слова на стене, сделав их нечитаемыми. Перемазал краской брюки. Сейчас Биттори ему устроит. Ну и пусть устраивает. Стукач. В таком поселке, как их, хуже оскорбления не придумаешь. Не лучше того, что несколькими неделями раньше появилось на стене его фирмы.

Он твердо решил на следующий же день купить новой краски, когда будет возвращаться на велосипеде домой. Жене он сообщил о случившемся, уже лежа в постели.

Биттори:

– Насколько я понимаю, ты уверен, что надписи будут появляться и дальше.

– Что-то мне подсказывает: это не простое хулиганство. Надо быть ко всему готовым.

– Но тогда какой смысл их замазывать? За теми, кто их пишет, тебе в любом случае не угнаться. Скажи, а ты проверил, других-то надписей на улице не было?

– Мы шли вместе с Хошианом и других вроде не видели.

– Точно?

– Ну, нет, наверняка я бы не сказал. Но сейчас уже поздно, к тому же я в пижаме.

Стукач, угнетатель-кровопийца, предатель. В надписях его обзывали по-всякому – и на баскском языке, и на испанском. Они появились и на его улице, и на близлежащих, и на площади. Настоящая травля по всем правилам. Не меньше двадцати надписей только в старой части поселка. Столько не сделать зараз ни одному хулигану. А еще поди узнай, что там понаписано на окраинах. Тут явно просматривались четкий план и работа многих рук. Рано утром он вышел из дому с велосипедом и в велосипедном снаряжении и не поверил собственным глазам. Чато такой, Чато сякой. *Herriak ez du barkatuko*³⁷. И все в том же духе. Придя на площадь и присоединившись к группе велосипедистов, он тотчас заметил – что? – будто здоровались с ним холоднее обычного. И еще были глаза, которые избегали его глаз. Чато без труда угадал причину, хотя могло быть и такое, что это сам он вдруг сделался слишком мнительным и стал жертвой собственного воображения и собственной подозрительности.

Они тронулись в путь. Человек четырнадцать-пятнадцать – те же, что и всегда. Другие члены клуба выехали раньше или выедут чуть позже. И единственным, кто крутил педали рядом с Чато, был Хошиан, который тоже казался бо-

³⁷ “Народ не простит” (баск.).

лее молчаливым, чем обычно. Прежде чем они оставили позади последние дома поселка, из окна послышался голос какого-то парня:

– Чато – суки-и-ин сын!

Никто из ехавших в группе даже не подумал вступить за него. Никто не высказал своего мнения и не выругался в ответ на оскорбление. Постепенно группа начала рассеиваться. Такое бывало и раньше. Одни ехали быстрее, другие медленнее. И Чато остался вдвоем с Хошианом, который все время отставал от него на два-три метра и по-прежнему не произносил ни слова. А когда они поднимались в горку к порту Орио, отстал еще больше, хотя обычно одолевал подъемы куда легче, чем Чато.

Наконец впереди показалась Сумая. Нужный им бар они хорошо знали по прошлым годам. В баре им приклеят марки на карточку, где в разных клеточках отмечались пройденные этапы нынешнего сезона. А потом – награда за труд: яичница с хамоном. На улицу из окон доносились голоса и смех. Вошел Чато. И в баре вдруг повисла гробовая тишина. Этого Чато уже не выдержал. Просто не мог выдержать. Даже не стал ждать, пока наклеят марку на его карточку. Ни с кем не попрощавшись, в том числе и с Хошианом, он сел на велосипед и в одиночку поехал обратно в поселок.

34. Перелистывая в уме страницы

Когда Хосе Мари арестовали, у него была грива до плеч. Что стало с этими буйными кудрями? Что стало с чуть щекочущей лоб густой челкой? Лучше об этом не думать. Глядя на себя в зеркало, он говорит: это не я.

И прошел год, и прошли два, четыре, шесть, каждый со своим Рождеством, каждый со своими праздниками и с особыми местными праздниками, которые отмечались только в их поселке, а вот теперь отмечаются без него. На самом деле теперь уже все происходит без него. Он не видит, как мелеет река, не слышит, как звонит церковный колокол, и не раздумывая отдал бы миллионы (которых у него, впрочем, и нет) за несколько инжирин из отцовского сада. Чтобы не портить себе кровь, он предпочитает не вести счет годам, которые ему предстоит провести в тюрьме, хотя где-то там, в глубине души, продолжает лелеять призрачные надежды, то есть не исключает разных возможностей: а вдруг организация, или, скажем, правительство страны, или, скажем, международные протесты и так далее... Иногда по ночам, лежа в темноте, он пытается восстановить во рту вкус чаколи³⁸. Или сидра, все равно. И порой ему кажется, черт возьми, что это ему даже вроде бы удалось.

³⁸ *Чаколи* – слегка газированное белое легкое вино, производимое в Стране басков.

На шестом году у него наметились залысины. Да ладно бы залысины. Как-то раз он уперся головой в прутья изголовья кровати и кожей почувствовал холод, чего никогда раньше не случалось. И вот теперь он совершенно лысый. Как колленка. Если он когда-нибудь отсюда выйдет, в поселке его не узнают. С некоторых пор он ходит бритый почти под ноль, чтобы казалось, будто волос на голове у него нет, потому что так ему самому захотелось.

Матери не нравится его голая голова. Ладно, если уж на то пошло, в свое время ей не нравились ни его шевелюра – с такой гривой ты похож на нищего с церковной паперти, – ни серьга в ухе – знак причастности к организации, хотя мнение матери по поводу ЭТА потом как-то сразу, в один миг, переменялось. Из-за него? Да, можно не сомневаться. Мать у него – кремень. А если вобьет себе что-то в голову, никогда не отступится. Старик, он из другого теста, как и Горка. Спокойные, уступчивые. Я-то в мать пошел, потому со мной все оно так и вышло, потому и сижу здесь и буду сидеть еще невесть сколько. Где здесь? В камере. В гребаной камере этой гребаной тюрьмы – до следующего перевода или пока меня не выпустят.

Сегодня он *txapeo*³⁹, но просто так, понятно? Он этим никому ничего не доказывает и не выражает никакого протеста. Ему захотелось побыть одному, а еще – не видеть во дворе

³⁹ Ситуация, когда заключенный отказывается выходить на прогулку и целый день проводит в камере (*баск.*).

и в коридорах все те же морды. Как и много раз прежде, он лежит на кровати и перебирает воспоминания, словно листовая альбом с фотографиями. Иногда он по два-три часа восстанавливает в уме старые истории, и хотя, с одной стороны, его при этом грызет тоска, с другой – часы бегут почти незаметно. А что тут еще надо? Сократить хотя бы на несколько часов ту прорву лет, тот тюремный срок, к которому его приговорили. В таких случаях ему больше всего нравится вспомнить что-нибудь неожиданное. Потому что вот он лежит себе такой спокойный, глядит в потолок, и вдруг на память приходит та или другая сцена из давних лет, когда он был свободен, и у него были волосы, и он играл в гандбол, и пил столько чаколи, сколько в него влезало. Или сидра, или пива, да хоть чего.

Им тогда было – сколько же им было? – наверное, лет по десять или двенадцать. Что-то вроде того. И ходили они вечно вдвоем – Хокин и он, Хосе Мари, неразлучные, – в горы за поселком охотиться на птиц, и у каждого была своя собственная рогатка. Для рогатки нужны были раздвоенная ветка орешника, резиновые полоски, вырезанные из камер, и кусочки кожи. Как-то в воскресенье, вспоминает Хосе Мари, они решили воспользоваться тем, что в выходные на фирме у Чато никого не бывает, и перелезли через ворота, чтобы добраться до склада старых колес, и там ножом нарежали полос из какой-то камеры. Добытая тогда резина оказалась самой лучшей. Честно. Можно было дострельнуть с од-

ного берега реки до другого и даже дальше. Снарядами служили либо вынутые из подшипников шарики, либо камешки. С их помощью они пытались сбивать птиц, но, насколько он помнит, таким способом ни разу ни одной не заполучили. Зато не было ничего лучше рогаток, чтобы стрелять по бутылкам или по дорожному знаку, который стоял у границы промышленной зоны, пока под градом каменных снарядов с него полностью не слезла краска, так что сам Господь Бог не разобрал бы, что там прежде было. А Хокину однажды взбрело в голову пострелять еще и по окнам. Дзынь – взвизгнуло разбитое стекло. Дзынь. И они со всех ног кинулись прочь, а кто-то высунулся в окно и заорал: бесстыдники. Что ж, попробуй поймай, ну-ка побегай за нами. Они хохотали как сумасшедшие. Одиннадцать-двенадцать лет. Молокососы. Примерно тогда же началась вооруженная борьба. Она у нас в генах. Он улыбается, глядя в потолок. За каким чертом я тут лежу и хохочу, за каким чертом пудрю себе мозги? Он сразу посерьезнел. И перевернул в уме еще одну страницу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.